

Памятные годы

Незабываемые годы первых пятилеток. Днепрогэс, Магнитка, Кузбасс... Стройки, стройки по всей стране. Небывалый энтузиазм советских людей. И знаменательно, что именно в эти годы грандиозных преобразований, охвативших всю страну, началось интенсивное освоение северо-восточных окраин нашей Родины.

В самые отдаленные районы Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера одна за другой организуются крупные геологоразведочные экспедиции. В их числе в 1928 году — Первая Колымская геологоразведочная экспедиция Геолкома ВСНХ под руководством И. А. Билибина, отличные результаты которой да и последующие открытия явились основой для развития на Северо-Востоке страны крупной современной горнодобывающей промышленности.

Последующие — Вторая, Третья Колымские геологические экспедиции в 1930 и 1933 годах и Четвертая Индигирская в 1937 году продолжили планомерные исследования на Северо-Востоке. Они подтвердили прогноз И. А. Билибина и других исследователей и стали основой ускоренного промышленного освоения этого края.

Мне посчастливилось в июле 1978 года побывать в Магадане на торжествах в честь 50-летия Первой Колымской экспедиции. Сегодняшние достижения северян оставили неизгладимое впечатление. Всех нас — ветеранов Крайнего Севера радовали их зримые успехи в освоении природных богатств края, в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве. Трудно представить, что на территории Колымы и Чукотки, где сравнительно недавно не было дорог и городов, аэродромов и морских портов, сегодня трудятся сотни тысяч рабочих и служащих, действуют около ста крупных промышленных предприятий, организованы богатые совхозы, зверофермы, рыболовецкие артели. Здесь, на северной земле, выросли красивые благоустроенные города — Магадан, Анадырь, Певек, Сусуман, прекрасные рабочие поселки — Билибина, Оротукан, Сеймчан, Эгвекинот, Ола и другие. Действует Билибинская АЭС, в скором времени войдет в строй Колымская ГЭС, установлены телевизионные станции "Орбита". Край живет полнокровной трудовой жизнью.

В дни торжеств незабываемыми для нас были поездки на Среднекан — колыбель золотой Колымы, встречи с коллективом нового Карамкенского горно-обогатительного комбината, поездка на побережье Тауйской губы, где пятьдесят лет назад близ поселка Ола высадились Первая Колымская экспедиция и где и эти дни состоялся большой митинг и открытие мемориала в честь геологов-первопроходцев. Волнующими были встречи и беседы с работниками обкома КПСС, горкома и горсовета, с геологами Северо-Восточного территориального геологического объединения, с коллективом объединения «Северовостокзолото», с сотрудниками Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института, с комсомольцами и молодежью Магадана, со всеми теми, кто пришел на смену ветеранам и продолжает осваивать и обживать этот суровый, но прекрасный край, всецело отдавая ему свой талант, трудолюбие и биение горячих сердец.

Особенно разительные перемены произошли в жизни малых народностей Севера. Мы, геологи, всегда с большой благодарностью вспоминаем наших проводников и каюров, которые, как и все местное население, оказывали посильную помощь участникам первых геологических экспедиций. Это они — охотники, оленеводы, рыбаки, знавшие тайгу и тундру, как свой родной дом, помогали разведчикам недр бороться с суровой природой, преодолевать бездорожье, опасности, учили нас, несмотря ни на все трудности, беззаветно любить этот край и навсегда связать с ним свои судьбы. Поэтому сегодня, видя, как успешно

трудятся в братской семье народов коренные жители Севера — якуты. Эвены, чукчи, эскимосы, орочи, коряки, камчадалы, — проникаешься гордостью за мудрую ленинскую политику, которая в те памятные тридцатые годы осуществлялась Центральным комитетом содействия народностям северных окраин, а мы — участники колымских экспедиций — были свидетелями первых преобразований, первых шагов местного населения на пути к новой жизни.

О Первой Колымской геологической экспедиции 1928–1929 годов написано немало и исторических очерков, воспоминаний, документальных повестей. (Вторая 1930–1931 годов) и Третья (1933–1935 годов) Колымские экспедиции в литературе освещены гораздо меньше, хотя они тоже составляют значительную страницу а истории планомерного исследования и освоения края. Эти экспедиции были ознаменованы открытиями перспективных промышленных россыпей золота, месторождений олова, вольфрама и залежей каменного угля.

В. А. Цареградский. Фото 1972 г.

В период этих экспедиций геологическими исследованиями были охвачены обширные территории бассейна верхнего и среднего течения Колымы, верхней части бассейна Индигирки, а также побережья Охотского моря.

Будучи участником Первой Колымской геологической экспедиции и руководителем Второй, Третьей и Четвертой экспедиций, а с 1938 года — руководителем геологоразведочной службы Дальстроя, я не раз брался за перо, вел дневниковые записи, делал зарисовки, изготовлял и собирал фотографии, чтобы со временем поведать о тех, кто был рядом, о друзьях-товарищах, о наших радостях и бедах, открытиях и неудачах, чтобы в подробностях сохранить в памяти и донести до современников дела и свершения тех далеких лет. Многие обстоятельства не давали возможности собрать воедино все разрозненные записи, заняться их литературной обработкой. И только в последние годы это удалось сделать. Теперь на суд читателей представляю мои воспоминания о Второй Колымской геологической экспедиции 1930–1931 годов. Пусть они послужат связующей нитью между первыми и нынешними поколениями геологов, которые продолжают работать над изучением недр Колымы и Чукотки и которым предстоит еще немало открытий, ибо перспективы края очень велики. Подтверждением тому служит обсуждение настоящего и будущего Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера на встречах и в беседах Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева с трудящимися многих сибирских и дальневосточных городов. Будущее этих районов масштабно. Богатые природные ресурсы Северо-Востока Советской страны еще далеко не исчерпаны. Учеными и геологами доказана, в частности, металлоносность так называемого Охотско-Чукотского вулканогенного пояса, протянувшегося с севера на юг Магаданской области более чем на две тысячи километров. Продолжается изучение угленосных отложений, интенсивно ведутся поиски нефти, газа, золота, вольфрама, олова, ртути и других металлических и неметаллических месторождений. И нет сомнения, что пока еще не открытые богатства будут найдены советскими людьми и поставлены на службу Родине.

В. Цареградский

Глава I. И снова в неведомый край

Приглашение в Инцветмет

В тот апрельский день 1930 года я задержался в Инцветмете ¹ дольше обычного.

¹ Институт цветных металлов — один из научно-исследовательских институтов, образованный в декабре 1929 года при реорганизации бывшего Геологического комитета (Геолкома) при ВСНХ.

Решалась судьба Второй геологической экспедиции на Колыму. Собственно, решение об организации этой экспедиции было принято научным советом, Геолкома еще в конце 1929 года, когда руководитель Первой Колымской экспедиции Юрий Александрович Билибин сообщил о значительных результатах наших исследований. Его краткий, но яркий по убедительности доклад, весомые доказательства — образцы горных пород, пробы золота, полевые карты, фотографии — все произвело на присутствующих сильное впечатление. К тому же Ю. А. Билибин сделал смелые выводы о перспективной золотоносности не только обследованного нами района — бассейна рек Среднекана и Утиной, но и более обширной территории Колымы. Поэтому Геолком сразу принял решение продолжить исследование бассейна Колымы в 1930 году.

И вот стремительно приближалась весна — пора разъезда геологов на полевые работы. Уже были определены средства для экспедиции, и нужно было вплотную приступить к ее организации. И вдруг Юрий Александрович решительно отказался от поездки на Колыму, сославшись на незавершенность отчета по Первой экспедиции и на семейные обстоятельства. Руководство Второй экспедицией он рекомендовал поручить мне.

Это явилось большой неожиданностью и для дирекции Инцветмета и особенно для меня. Все мы, участники Первой экспедиции — Эрнест Бертин, Сергей Раковский, Евгений Игнатъев, Дмитрий Казанли и я, были уверены, что экспедицию на Колыму вновь возглавит Юрий Александрович и никто другой. Я надеялся, что опять буду его заместителем и начальником одной из геологопоисковых партий, что Раковский и Бертин в летнее время будут начальниками поисковых отрядов, а зимой — руководителями разведочных участков, что астрономо-геодезическую партию, как и прежде, возглавит Дмитрий Казанли, а Евгений Игнатъев снова поедет рабочим. Намечались еще одна-две геологопоисковые партии, формирование которых предполагалось начать с руководителей.

Казалось, все было ясно, и вдруг отказ Билибина. Эта весть нас просто ошеломила. Ведь Юрий Билибин к тому времени был уже известным геологом-золотоискателем. После окончания Ленинградского горного института он два года успешно работал геологом на Алдане в конторе Союззолота, и по рекомендации того же Союз-золота его назначили в 1928 году начальником Первой Колымской экспедиции.

Меня до Первой экспедиции в кругу геологов больше знали как начинающего палеонтолога. В то время я с увлечением работал в Геолкоме у Анатолия Николаевича Рябинина — профессора по кафедре палеонтологии Горного института. Мне поручили исследование крупных морских ископаемых ящеров-мезозавров из коллекции, собранной сотрудниками Геолкома. Я изучал имевшиеся остатки скелетов, а один наиболее полно сохранившийся из нового рода Доллозаурус мне удалось, восстановить целиком, и его выставили в музее Геолкома (ныне ВСЕГЕИ²).

Несмотря на то что я с большим увлечением занимался палеонтологией и уделял ей очень много времени, целиком моих интересов она не поглощала. Уже в ту пору меня привлекали закономерности геологического строения Земли — тектонические и магматические процессы и их взаимосвязи, пространственные и глубинные закономерности распространения полезных ископаемых, их зональное распределение. Но об этом мало кому было известно.

Кроме того, еще в раннем возрасте у меня пробудилась страсть к путешествиям. Знакомые лишь по скудным описаниям в книгах неведомые страны с их обитателями, экзотическим растительным и животным миром неодолимо влекли меня. В детстве я со своими сверстниками «путешествовал» по окрестностям нашего села, располагавшегося на берегу большого притока Волги — реки Черемшан. Эти походы совершались в окружающие село леса, луга, на ближние холмы, древние террасы реки. Иногда на лодке мы поднимались

² ВСЕГЕИ — Всесоюзный геологический институт.

вверх по реке, по ее притокам и старицам или большим озерам, куда лодка перетаскивалась волоком. Но чаще всего в эти походы я отправлялся с моим дедом, заведующим сельской школой, или со школьным сторожем. Оба они были страстными рыбаками, охотниками и грибниками.

О школьном стороже Иване Васильевиче Медвеженкове. следует рассказать особо. Мордвин по национальности, Медвежекков обладал не только своеобразно красивым лицом и крепким телосложением, но и достаточно высокими нравственными. устоями и. не довольствовался лишь хлебом насущным. Он самостоятельно выучился бегло читать и писать и вообще от природы был одаренным человеком. Много длинных зимних вечеров провели мы с ним, сидя перед раскрытой дверцей одной из топящихся печей школы, как перед костром. Всматриваясь в причудливо танцующее пламя, я затаив дыхание часами слушал увлекательные рассказы Ивана Васильевича о его поездках на Урал, Украину, в Среднюю Азию, на Кавказ и по Волге в поисках счастья и работы по душе. Немало легенд, старинных преданий, удивительных историй знал он также. И для меня эти встречи с Медвеженковым не прошли бесследно. Уже в девяти-двенадцатилетнем возрасте я мечтал о путешествиях в далекие неведомые края. Хотелось скорее вырасти, многому научиться, испытать на себе трудности, чтобы суметь преодолеть их, стать мужественным, выносливым, как герои Джека Лондона, моего любимого тогда писателя.

В юности олицетворением этого неведомого края, таящего много опасностей, неожиданностей, дающего простор дерзновенной мечте, стали для меня Крайний Север и Дальний Восток. И поэтому, когда мне в 1926 году предложили участвовать в Южно-Алданской экспедиции Геолкома, я временно оставил палеонтологию и начал заниматься поисками золота. Итак, к памятной дню апреля 1930 года у меня за плечами был трехлетний стаж золотоискателя. Два года из них — 1926 и 1927—я еще студентом Горного института работал в Южно-Алданской экспедиции. Колымская же экспедиция 1928–1929 годов, по сути, была моим первым боевым крещением после окончания института. И конечно, рекомендация Ю. А. Билибина возложить руководство Второй экспедицией на меня явилась крайней неожиданностью. До этого руководство геологической экспедицией, тем более столь отдаленной, еще ни разу в Геолкоме не поручалось таким молодым специалистам. Вероятно, в этом сказалось веление времени — делать ставку на молодежь.

Тем не менее принятие окончательного решения несколько затянулось. Раковский и Бертин начали терять терпение и веру в то, что экспедиция состоится в этом году. Мы уже по опыту Первой экспедиции хорошо знали, какой предстоит путь и сколько на него нужно времени. Ведь в тот период самолетов было очень мало, а о вертолетах мы и не слышали. На всей огромной территории Северо-Востока ни аэродромов, ни посадочных площадок с запасом горючего вообще не существовало. Нам предстояло ехать от Ленинграда до Владивостока 10–11 дней поездом, оттуда плыть 10 дней на грузовом пароходе (их в то время фрахтовали в Японии или Китае) до бухты Нагаева, далее несколько сот километров от побережья до района работ добираться караваном вьючных лошадей через тайгу, сплавливаясь по рекам на плотам или лодках, изготовленных своими руками. На все это должно уйти более трех месяцев. На геологопоисковую работу и съемку оставалось в первый год не более полутора месяцев. Если же опоздать к отходу из Владивостока весеннего парохода, то вообще придется зимовать в ожидании следующего летнего сезона, потеряв год. Вот такие грустные перспективы тревожили тогда всех нас.

Поэтому участники будущей экспедиции ходили сумрачные, обеспокоенные. Плохое настроение усугублялось и нашим бедственным материальным положением. Так получилось, что все зимние месяцы, проведенные в Ленинграде после возвращения с Колымы, мы фактически оставались без работы. Мы деятель* но участвовали в обработке привезенных материалов, в подготовке новой экспедиции, но наша добровольная помощь Юрию Александровичу Билибину никак не оплачивалась — это не было предусмотрено сметой.

И нам все это время приходилось существовать на собственные сбережения. Даже при

очень скромной жизни этих средств хватило ненадолго. Вскоре мы вынуждены были продать некоторые из весьма немногочисленных тогда личных вещей и книг. Но вырученных денег хватило лишь на очень короткий срок.

Изменить же своему стремлению — снова отправиться в неведомые просторы Колымы и, не дождавшись организации экспедиции, перейти на какую-нибудь другую работу очень не хотелось. Да и Юрию Александровичу изменить не мыслилось. Мы продолжали помогать ему и ждать.

Положение становилось критическим. И тут мы вспомнили о рабочих нашей Первой экспедиции, оставшихся на Колыме на старательских работах, и решили обратиться к ним за помощью. На имя Степана Степановича Дуракова мы послали телеграмму, сообщив в ней, что организация Второй экспедиции непредвиденно затянулась и что мы сейчас все без работы, без денег, но не теряем надежды встретиться на Колыме, а пока просим помочь — выслать нам денег взаймы.

Обратились мы именно к Степану Степановичу, а не к кому-либо другому из бывших рабочих экспедиции не случайно. Он был из них наиболее авторитетным, у него было особенно развито чувство товарищества и взаимной выручки. К тому же мы твердо договорились с Дураковым: если состоится новая экспедиция на Колыму (а при отъезде мы были уверены в этом), то в ее состав обязательно зачислим его и поручим подобрать надежных рабочих.

Сергей. Раковский знал Дуракова несколько лет. Еще на Алдане он два сезона работал в артели старателей вместе со Степаном Степановичем. Там же на Алдане Дураков два года работал шурфовщиком на разведочном участке, возглавляемом Раковским, когда их артель «прогорела», не обнаружив и не намыв золота. Чтобы разделаться с долгами за взятые в кредит продукты, Раковский и Дураков поступили на работу в геологоразведочное бюро, руководителем которого был Билибин. Оба они оказались смекалистыми, добросовестными, словом, одними из лучших, и Билибин при отъезде на Колыму пригласил их принять участие в экспедиции. Там я и познакомился с ними. Так нас связала большая дружба на долгие годы.

Однако, чтобы выделить Степана Степановича из других рабочих, мне потребовалось некоторое время. Поначалу казалось, что он ничем особенным не отличается. Пожалуй, можно было лишь отметить его уравновешенность, какое-то стойкое спокойствие, скромность, а также опрятность в одежде. Но все это могло объясняться опытом жизни в походных условиях, когда подолгу приходится жить в одной палатке или бараке в тесном контакте с разными людьми, пользоваться общими предметами обихода, когда нельзя распускаться, быть неряшливым, чтобы не дать повода другим, чтобы вправе потребовать и от них той же аккуратности и чистоты.

Степан Степанович чаще держался в тени, как бы на втором плане. Как и многие бывалые таежники, он отличался неразговорчивостью, серьезностью, но рабочие всегда прислушивались к его советам и обращались к нему подчеркнуто уважительно. Он всегда был находчивым и не унывал даже при самых трудных обстоятельствах.

Лишь при более близком общении открывалась вдруг неброская красота его мужественного лица. Особенно преображалось его лицо и весь облик, когда он улыбался. От улыбки глаза его под густыми черными бровями лучились теплом и доброжелательностью.

Изумляла природная тактичность Степана Степановича, а порой его почти детская застенчивость. Обычная же мягкость его характера неожиданно сочеталась с уверенной твердостью и настойчивостью. Постепенно проявлялись его большая смекалка и умение делать многое необходимое в походных условиях. Все это привлекало, к нему внимание окружающих, вызывало симпатию и уважение. Степан Степанович Дураков становился очень нужным, надежным, просто незаменимым человеком.

Всех нас объединяло содружество, где царил закон: один за всех — все за одного. Такое содружество рождается в трудных условиях спартанской жизни, вдали от родных и близких, от тех мест, где родился и вырос. Это содружество крепнет там, где человек

окружен опасностями, где он зависит не только от себя, но и от каждого, кто находится рядом с ним. Ибо в тайге, когда еще не было радиосвязи и самолетов, из беды мог выручить только очень надежный и верный друг. Вот почему, пройдя испытания в экспедиции, поначалу чужие люди нередко становились очень близкими, почти родными.

Легко представить нашу радость, когда мы получили ответную телеграмму от Степана Дуракова и еще нескольких товарищей, в которой они извещали, что деньги отправлены по почте, а сами они ждут нашего приезда.

Это была крепкая дружеская поддержка и большое доверие, которое нас взволновало и тронуло до глубины души. При бережном расходовании полученных денег вполне хватило бы каждому вплоть до отъезда, если бы решение вопроса об экспедиции все еще не задерживалось на неопределенный срок.

Наконец Раковский и Бертин решили поехать в Москву и там разузнать все относительно экспедиции. Они по-дружески предупредили меня, что в случае дальнейшей задержки экспедиции собираются поступать ' на работу в Союззолото.

В Москве им предложили работу на Колыме во вновь создающемся Геологоразведочном бюро (ГРБ) при Среднеканской конторе Союззолота. Раковского назначили заведующим секцией разведок россыпей, Бертина — руководителем разведочного участка. Они дали согласие и известили меня об этом. Их сообщение расстроило меня: жаль расставаться и терять надежных сотрудников, особенно если экспедиция все же состоится.

Мы хорошо сработались и подружились в Первой экспедиции: оба они работали летом 1929 года в моей партии, возглавляя два поисковых отряда. Но отговаривать их, не имея твердой уверенности в том, что новая экспедиция организуется в ближайшее время, я не считал возможным, тем более что Раковскому предложили повышение по службе. Оба вполне самостоятельно могли работать на предложенных должностях. Методика поисков и разведки россыпей за время деятельности Первой Колымской экспедиции уже достаточно определилась. Для этих работ нами (Билибиным, мной и Раковским) была составлена краткая инструкция, которая после проверки на практике дала надежный результат.

И только Казанли, Игнатъев и я продолжали терпеливо ждать окончательного решения об экспедиции.

Закончив Ленинградский университет по специальности астронома-геодезиста, Дмитрий Николаевич Казанли впервые применил свои знания, участвуя в Первой Колымской экспедиции. Теперь он снова стремился на Колыму, чтобы продолжить начатую работу. Его заинтересовала возможность уточнить весьма примитивную, грубо приближенную карту гидросети Северо-Востока хотя бы в пределах территории, исследуемой геологами экспедиции. Продуманный им метода заключался в упрощенной приближенной триангуляции — условной разбивке исследуемой местности на сеть треугольников, вершинами углов которых выбираются заметные издали вершины гор. Углы таких треугольников измеряются с разных точек теодолитом по избранным вершинам гор. Для привязки (выяснения) географических координат внутри исследуемой площади на заметных местах определяются астрономические пункты ³.

Как человек увлекающийся, Дмитрий Николаевич ради осуществления своих замыслов готов, был ждать, претерпевать всяческие трудности, лишь бы поехать в составе новой экспедиции. К тому же он проникся уважением к Юрию Билибину, а со мной его связывали дружеские отношения.

С Евгением Ивановичем Игнатьевым мы впервые встретились в 1928 году во Владивостоке, перед отправкой Первой Колымской экспедиции на Охотское побережье. Ближе сошлись уже в Оле во время плавания на вельботе вдоль Тауйской губы, где

³ Астропункты — опорные точки геодезической сети, географические координаты которых определены астрономическими методами — наблюдением прохождения звезды в точное время при помощи угломерных инструментов: секстанта, теодолита — и сравнения ее положения по астрономическому календарю. На месте определения устанавливается столбик.

проводили исследование побережья, а затем во время похода в бухту Нагаева.

Побывав рабочим в Первой экспедиции, Евгений Иванович теперь не мыслил себе другого призвания, как стать опытным поисковиком-разведчиком. Ему пришлось по душе бродячая жизнь геолога, полная неожиданностей, приключений, где нужны мужество, выносливость в условиях северной природы, смекалка и умение.

А Евгений Иванович обладал многими из этих качеств.

Внешне Игнатъев был не очень приметным. Невысокого роста, необычайно подвижный. У него было почерневшее от загара лицо, обветренное, худое, со слегка запавшими щеками, крутой подбородок, сильные, развитые от физической работы руки. Разве что отличало его от других рабочих, так это непривычные для того времени аккуратно и коротко подстриженные усы. Обращала внимание также его сдержанно-вежливая и вместе с тем спокойно-уверенная манера держаться и с начальством и с рабочими. Речь его была грамотной, он производил впечатление человека воспитанного и образованного. И действительно, позднее в разговорах выяснилось, что Евгений Иванович происходил из интеллигентной семьи, получил среднее образование, но рано ушел из дома, решив начать самостоятельную жизнь. В 1925–1926 годах жизненные дороги привели его на Алдан, где он работал на разведке золота. Оттуда в 1928 году вместе с группой рабочих он и прибыл на Колыму для участия в Первой геологической экспедиции. Поначалу многих из нас, и меня в том числе, Игнатъев настораживал своим суровым и неприступным видом, немигающе-пристальным, порой колючим взглядом небольших, глубоко посаженных глаз. Но при постоянном общении с ним он из замкнутого и настороженного превращался в доброжелательного, доверчивого и надежного товарища. После совместно проведенных полевых работ летом 1929 года нас уже связывала искренняя дружба. И теперь Евгений Иванович тоже упорно ждал второго похода на Колыму.

И вот в эти дни тревожной неопределенности меня наконец пригласил для беседы директор Инцветмета Владимир Клементьевич Котульский.

Зимой, работая над отчетными материалами, и особенно в последние месяцы ожидания, я много задумывался над дальнейшим направлением геологических исследований на Колыме. Как и Ю. А. Билибин, я был убежден в том, что необходимо как можно быстрее проверить все предложения и прогнозы, организовать новую экспедицию с учетом опыта и недостатков Алданской и Первой Колымской. экспедиций. Своими мыслями и планами я не раз пытался поделиться с Юрием Александровичем, чтобы вместе обсудить их. Но он был постоянно чем-то занят, озабочен, в Инцветмете появлялся редко, и разговор этот под разными предлогами откладывался.

Долгожданное приглашение к директору Инцветмета Котульскому, к тому времени уже широко известному геологу, который нам, молодым, казался суровым и недоступным, признаюсь, меня несколько испугало. Тревожили сомнения: как отнесется опытный геолог к моему представлению о работах экспедиции и ко мне лично, как к предполагаемому руководителю. Сумею ли убедить его в необходимости геологопоисковых работ в самом широком масштабе и непременно в этом году?

Беспокоила меня и моя застенчивость, которая нередко мешала доходчиво и связно говорить даже о знакомых вещах. Порой я вдруг терялся, становился неловким, косноязычным. И теперь иногда все еще проявляется этот досадный недостаток, не раз доставляющий мне неприятности и, возможно, создающий обо мне искаженное представление у окружающих.

Поэтому в кабинет директора я шел в предельном напряжении. Войдя и представившись, я получил приглашение сесть. И затем В. К. Котульский попросил меня рассказать о том, как я планирую работу будущей экспедиции, как представляю ее цели и задачи. Я изложил приблизительный план геологических исследований, рассчитанный на полтора-два года, который может быть выполнен силами восьми-девяти геологопоисковых партий, в том числе одной рудоразведочной с определенным объемом поверхностных и подземных горных выработок. Был установлен и примерный объем шурфовки на разведке

россыпей в зимний период. Кроме того, в плане предусматривалась одна астрономо-геодезическая партия для обеспечения глазомерной съемки геологов и поисковиков опорной сетью астропунктов и триангуляцией. Необходимость включения астрономо-геодезической партии вызывалась отсутствием в то время сколько-нибудь точных топографических карт Северо-Востока нашей страны. Исключение составляли лишь узкие береговые кромки морей, бухт, заливов, карты которых были составлены морским ведомством. Для остальной территории была нарисована по расспросным сведениям мелкомасштабная схематическая и очень приближенная карта гидросети. Нам предстояло создать первые более точные крупномасштабные карты исследуемых районов.

Обговорив состав экспедиции и объемы основных видов работы, я решил особо подчеркнуть, что наряду с главной целью экспедиции — выявить новые промышленные месторождения золота, не менее важная ее задача — отыскать эти возможные месторождения ближе к побережью Охотского моря. В случае успешного решения этой задачи в условиях бездорожья легче и экономичнее было бы завозить грузы для будущих приисков и рудников. Это способствовало бы ускорению их организации и расширению добычи драгоценного металла, упростило бы строительство будущей дороги. Такая идея возникла у меня еще во время первого пребывания на Колыме, когда пришлось испытать трудности с переброской грузов, что в конце 1928 года едва не привело к голоду первую группу Билибина и бедствиям старателей и сотрудников прииска Среднеканской конторы Союззолота. И эта мысль особенно окрепла во мне после возвращения из Среднекана на Олу по окончании экспедиции 1929 года.

Предполагаемым направлением геологических исследований и поисков одновременно решалась и очень важная геологическая задача — выявление южной и юго-западной границы распространения золотоносности, поскольку Первой экспедицией было установлено, что у побережья Охотского моря, в бассейнах рек и речек, впадающих в Тауйскую губу и Нагаевскую бухту, так же, как и в верховьях реки Малтан с некоторыми его притоками, золотоносность практически отсутствует⁴. Было установлено отсутствие золотоносности и в восточном и юго-восточном направлениях — в бассейне реки Талой, в долине Буюнды с притоками от устья Талой до впадения ее в Колыму. Продолжение исследований в этих направлениях помимо меньшей перспективности отдаляло бы объект поисков от бухты Нагаева.

Уже тогда было ясно, что наиболее перспективным является продолжение геологических исследований в западном и северо-западном направлениях — на левобережье Колымы. По этому поводу мы часто обменивались мнениями с Юрием Александровичем в длинные зимние вечера в избушке на ручье Безымянном, и постепенно оба уверовали в распространение золотоносности на запад. Наше предположение было обосновано общностью геологического строения, правда виденного нами на небольшом расстоянии, а также находкой мелких золотинок в некоторых пробах, взятых Раковским при сплаве по Колыме. И нам казалось более эффективным направить усилия на исследование районов, расположенных к западу и северо-западу от Среднеканекого и Утинского. Однако это потребовало бы значительного увеличения числа геологических партий, рабочих, а следовательно, лошадей и грузов. Да и осуществить организацию такой громоздкой экспедиции за очень короткий подготовительный период, при недостатке транспорта было просто невозможно.

С учетом реальных условий излагавшийся мною ориентировочный план представлялся мне наиболее рациональным и решение включенных в него задач — первоочередным. Этот план несколько отличался от намечавшегося нами с Юрием Александровичем в конце Первой экспедиции. Тогда мы планировали только две-три геологопоисковые партии к

⁴ Здесь и ниже имеются в виду в основном вторичные месторождения, золота — его россыпи в южной половине территории Северо-Востока СССР.

западу от Среднекана с базой на его устье.

В. К. Котульский слушал меня очень внимательно, с большим интересом, не перебивая вопросами. Когда я с присущей молодости несколько излишней категоричностью все высказал и наконец умолк в ожидании вопросов и замечаний, Владимир Клементьевич продолжал некоторое время в раздумье смотреть на схематическую приблизительную карту Северо-Востока СССР. Затем задал несколько вопросов. Его заинтересовала методика опробования речных наносов при помощи промывания их на лотке и получения в остатке тяжелых шлихов. Он хотел выяснить некоторые детали: например, сам процесс взятия проб, расстояние, через которое они практически берутся, среднее число проб в день, их обработка и хранение.

Ответив на вопросы, я снова умолк в ожидании «приговора». Но «приговор» Владимира Клементьевича оказался весьма обнадеживающим:

— Кажется, вы действительно нашли удачное сочетание старательского способа отыскания золота с научным, геологическим. Его следует продолжать и углублять.

После этого наш разговор принял форму непринужденной беседы. Владимир Клементьевич рассказал несколько случаев из своей практики поисков рудных месторождений, о своих первых шагах геолога. Затем вернулся к главной теме нашего разговора.

— Откровенно говоря, мне нравится широта ваших замыслов, и, кажется, вы достаточно детально продумали их реализацию, — сказал он. — Но хочу предупредить, что вас ожидают трудности при подборе начальников партий. Свободных геологов у нас почти нет. К тому же на Крайний Северо-Восток нужны добровольцы, в основном молодые геологи-энтузиасты, а их еще меньше, и все они заняты на работе в других районах. Есть у вас кто-нибудь на примете?

— Здесь, в Ленинграде, я еще ни с кем не говорил, ждал окончательного решения вопроса об экспедиции. Но, например, во Владивостоке при возвращении с Колымы нас с Билибиным посетил в гостинице молодой геолог Сергей Владимирович Новиков. Он окончил университет и уже работал два сезона в Приморье на практике. Просил принять его в состав нашей экспедиции, если она состоится. На Билибина и меня Новиков произвел хорошее впечатление. Можно пригласить его. Видимо, такие энтузиасты найдутся еще.

— А как с кадрами для ваших отрядов по опробованию? — снова поинтересовался Котульский. — Ведь школ, выпускающих таких специалистов, у нас нет.

— Прежде всего, Владимир Клементьевич, мы отберем их из бывших промывальщиков. Среди них есть грамотные практики, получившие навыки в Первой экспедиции. Если будет недостаточно, найдем опытных старателей с Алдана и Зеи, — уверенно ответил я. — Зимой будем учить их вести глазомерную съемку, отбор проб, составлять полевые карты опробования и всем другим премудростям. Бывалые таежники — народ смекалистый.

— А как будет решаться проблема транспорта? Я имею в виду не только отправку партий к месту работ и их возвращение на базу экспедиции, но и перевозку, с побережья Охотского моря всех грузов и рабочих.

— Для переброски партий к местам летней работы можно закупить в Сибири лошадей. А весь основной груз перевезти зимой на оленьих упряжках по договорам с местным населением.

— А удастся ли закупить лошадей в Сибири? — продолжал уточнять Владимир Клементьевич. — И как быть с их перевозкой? Не лучше ли арендовать их у местного населения?

— В двадцать шестом и двадцать седьмом годах мы свободно закупами нужное количество лошадей для Алданской экспедиции в Томской и Омской областях, а частично в Забайкалье — монгольских. Думаю, что и теперь это удастся, если послать туда как можно скорее заготовителей и поручить им сопровождать купленных лошадей во Владивосток. На Охотском же побережье у местного населения лошадей мало. Да и поселки там небольшие,

встречаются очень редко. Хорошо, если найдем десятка два лошадей. Поэтому закупать — надежнее.

— Ну что же, — подвел итог нашей беседе Котульский, — готовьте срочно для официального утверждения план, смету. Времени действительно остается мало. И главное, немедля, буквально с завтрашнего дня, начинайте подбирать и оформлять людей, агитировать геологов. От подбора руководителей партий, сами понимаете, зависит выполнение многих намеченных задач. Что касается выделенных на организацию экспедиции средств — должно хватить. Действуйте! — и, пожимаая мне руку, Владимир Клементьевич добавил — В случае затруднений заходите ко мне без стеснения, чем могу — помогу. А по хозяйственным вопросам зайдите к Шуру — моему заместителю. Окрыленный, я зашагал к кабинету Шура.

...Карл Моисеевич Шур оказался моложе В. К. Котульского. Он не был геологом... Его недавно направили в Инцветмет на административно-хозяйственную работу.

Шур встретил меня радушно, со словами:

— Товарищ Котульский только что звонил. Просил помочь вам с оформлением и снаряжением экспедиции. Он сказал, что экспедиция должна выехать как можно быстрее во Владивосток, чтобы успеть к отплытию парохода.

Я подтвердил это, пояснив, что в противном случае пропадет сезон геологопоисковых работ. Мы наметили план дальнейшего сотрудничества с ним. Шур дал мне немало полезных советов, и, условившись о следующей встрече, мы расстались.

Экспедиция формируется

Рабочий день в институте давно закончился. Гулко раздавались мои шаги по опустевшим коридорам. Я шел, испытывая двойственное чувство: с одной стороны, меня охватывала гордость за оказанное доверие и радость от того, что экспедиция состоится; с другой — я был ошеломлен огромной ответственностью, грандиозностью задач, возложенных на нашу экспедицию и на меня лично.

Апрельский день угасал, когда я спустился по широкой лестнице величественно-прекрасного, здания Геолкома, так хорошо знакомого мне еще со студенческих времен, когда я работал у профессора Рябина. Ведь я мог бы продолжать свои занятия палеонтологией, а вместо этого еду на Колыму, на край света — искать золото. Подтвердятся ли наши предположения о его больших перспективах? Оправдаются ли крупные затраты на организацию экспедиций? Все эти мысли теснились в моей голове.

Хотелось пройтись пешком до Невского проспекта, остыть, привести в порядок мысли, немного проветриться. И я медленно направился к набережной.

Легкий ветер принес с Невы чуть уловимый аромат весны — запах влажной свежести не то от освободившейся ото льда реки, не то от оттаявшей земли. Этот весенний дух будоражил, звал к странствиям, туда, на Север, в тайгу.

Незаметно я вышел на набережную Невы и направился вдоль гранитного парапета к мосту Лейтенанта Шмидта. Шире открылся горизонт. Приятно, освежающе веял ветерок. Сколько раз уже проходил я здесь, будучи студентом!.. А когда еще придется мне вновь увидеть набережную Невы?!

Заметно смеркалось. Крыши и верхние этажи зданий на противоположной стороне Невы еще были освещены, и в низких окнах отражалось пламя вечерней зари. Вдали блеснул купол Исаакиевского собора. Закатное небо затягивалось сверху пепельными и серебристыми тучами. Выше, между туч, темнеющее небо слабо светилось, словно откуда-то изнутри оно излучало зеленоватый свет, тускнеющий в вышине.

Пленительная красота вечера, тихие волны музыки Грига, плывущие из чьего-то открытого окна, настраивали на лирический лад. Невольно вспомнились стихи...

...Было это небо, как морская карта.

Желтый шелк сегодня, пепельный вчера...
Только в Ленинграде на исходе марта
И бывают эти вечера!..

Нет, не только в Ленинграде такие светлые вечера! Как неповторимо очарование белых ночей на далекой Колыме! И любовь к родному Ленинграду уже не могла заглушить неодолимой тяги к тем краям...

Мысли снова вернулись к предстоящей экспедиции. Но они уже были другими. Скорее, скорее за работу! И торопливо шагая к остановке трамвая, я чувствовал, как мне необходимо быстрее увидеть свою жену Марию Яковлевну и Евгения Ивановича Игнатьева, жившего с нами в соседней комнате. Мне не терпелось рассказать им все, поделиться своими мыслями, планами, чтобы вместе начать обдумывать, обсуждать все вопросы, связанные с предстоящей экспедицией.

Нужно сразу заняться оформлением планов, смет, списков состава экспедиции, снабжением, заказами снаряжения. Сколько предстоит дел в самые сжатые сроки!

Припомнилось, как неоднократно в Южно-Алданской и в Первой Колымской экспедициях мы испытывали трудности из-за отсутствия, казалось бы, незначительной мелочи. Например, рабочие Алданской экспедиции (многие из них были горожанами или крестьянами, не знающими условий походной жизни), коллектор, да и я, очень нуждались в почином материале. При ходьбе по острым обломкам камней в осыпях одежда и обувь быстро изнашивались. Прохудившиеся подошвы и головки ичиг⁵ нечем было зашить. Ни кожи, ни дратвы или хотя бы суровых ниток, ни вару, ни кусков брезента у нас не было. Начальник экспедиции и заведующий хозяйством упустили это из виду или не завезли по незнанию. Особенно плохо становилось осенью, когда начинались заморозки. Нам приходилось затыкать дыры в обуви сухой травой, которая крошилась, вылезала, вынуждая на ходу переобуваться, чтобы заменить ее. В походе даже при небольшой заболоченности обувь быстро промокала, и ноги зябли. Мы чертыхались. Не меньше нас мучились и конюхи. Нечем было шивать сбрую, которая от частых переходов через густые заросли кустарников и леса тоже быстро изнашивалась. Приходилось примитивно связывать, ее веревками, которых, кстати, тоже не хватало.

А в Колымской экспедиции мы испытывали острую нужду в дымчатых защитных очках. В марте, а особенно в апреле и мае яркий солнечный свет, усиленный отражением от снежной поверхности, вызывал воспаление глаз. Купить такие очки на месте было невозможно. Многие, кто не имел их, теряли работоспособность и вынуждены были по нескольку дней отсиживаться в затемненной палатке или бараке, а затем ходить с повязкой на глазах из слабопросвечивающей ткани.

Всплывали также в памяти комические, а порой даже драматические случаи, например из-за отсутствия пуговиц.

И впоследствии, составляя списки, я старался учесть все, что могло пригодиться в будущем. Кроме продовольствия, одежды, обуви, палаток, брезента, свечей, спичек и прочего снаряжения и материалов приходилось включать еще очень многое. При этом я не раз обращался к своим товарищам, особенно к тем, кто много скитался по тайге, вдали от жилых мест, просил их подумать, вспомнить, не пропустил ли я что-нибудь нужное.

По опыту Первой экспедиции нужно было предусмотреть некоторый материальный фонд и для расчета с местным населением за аренду лошадей, оленей, перевозку грузов зимой, за покупку мяса и других необходимых вещей и продуктов. За деньги ни возить, грузы, ни сдавать в аренду лошадей, ни продавать мясо или выполнять какие-то другие услуги местные жители не соглашались. Не помогали никакие уговоры. Ведь за деньги в

⁵ Ичиги — кожаная обувь старателей. К длинному голенищу подшивается головка с мягкой подошвой без задника. При износе головка заменяется новой.

тайге и поселках они ничего не могли купить. Все необходимое в то время они приобретали за пушнину и оленину лишь раз в год на ярмарках, потому что снабжение коренного населения Колымы, да и всего Северо-Востока страны, было тогда очень затруднительным.

Вместе с тем весь груз, учитывая ограниченные возможности его перевозки от побережья к базе экспедиции, нам нужно было строго рассчитать по минимально необходимым нормам, без избытка.

Обо всем этом я думал в вагоне пригородного поезда по дороге к станции Тайцы, где мы тогда с женой снимали комнату.

Но вот и остановка. Сумерки уже погасили все краски. Синеватая темнота почти скрывала дома, смутно выделялись лишь контуры ближайших крыш. Меня окружала тишина. Поезд, удаляясь, громыхал все глуше и глуше.

Здесь, вдали от города, сильнее чувствовалась свежесть чистого воздуха. Еще острее пахла набухающая кора деревьев, пробуждающиеся почки. От влажной земли поднимался настой пряной прелости прошлогодних листьев, шуршавших под ногами.

Я поспешил к временно приютившему нас домику в саду, чтобы поскорее порадоваться вместе с женой и Евгением Ивановичем очень важным для нас событиям.

Ма (так я называл жену) встретила меня на пороге. Из-под каштановой, по-мальчишески трогательной челки, прикрывавшей высокий лоб, на меня вопросительно смотрели ее большие, выразительные глаза.

— Как ты поздно сегодня! — встревоженно прозвучал ее голос. Но, взглядевшись, в мое лицо, Ма улыбнулась, сразу догадавшись, что вести радостные. У нас с женой уже тогда сложилась та глубокая дружба, когда делится все вместе — и радость и горе.

— Неужели утвердили экспедицию?! — с волнением спросила она.

— Кажется, утвердили. И я буду ее возглавлять.

— Почему — кажется? Разве не решено окончательно? — удивилась она.

— Давай-ка позовем Евгения Ивановича, и я расскажу вам все по порядку, — улыбаясь, ответил я.

Евгений Иванович был надежный товарищ. По окончании, работы Первой Колымской экспедиции, чтобы нам не разлучаться надолго, он тоже приехал в Ленинград и поселился на той же даче.

Вскоре мы втроем сидели за столом. Проголодавшись за день, я торопливо глотал картошку, которую подкладывала на тарелку жена, пил чай с ломтями черного хлеба и рассказывал о событиях дня. И Ма и Евгений Иванович, все больше оживляясь, задавали мне вопросы, уточняли детали — ведь оба будущие участники экспедиции.

Удовлетворив наконец их любопытство, я решительно сказал:

— Ну все, други мои, «кончен день забав». Теперь нам предстоит засучив рукава прямо с утра заняться подготовкой к отъезду. Мы должны как можно быстрее приобрести все необходимое, не упустив ни одной мелочи. Дел у нас очень много, а времени в обрез. Потому давайте сразу распределим, что нам делать, и пусть каждый тщательно продумает, вспомнит и запишет все, без чего трудно обойтись в тайге. Ведь там мы ничего не сможем достать.

Оба с энтузиазмом поддержали меня., — Но предварительно ознакомьтесь с моими списками экспедиционного снаряжения, одежды, необходимых мелких вещей, — и я передал им свою записную книжку.

— С нормами и ассортиментом продовольствия можно будет познакомиться позднее, — продолжал я. — Они составлены на человека в месяц, так что общее количество легко подсчитать, когда определится состав экспедиции. Это мы сделаем с завхозом и бухгалтером. Речь может идти только об очень небольшом дополнении чего-то особенного, например к празднику. Вообще нужно все время помнить, что количество, вес и объем личных вещей, как и экспедиционных, должны быть минимальными. Это следует внушить всем сотрудникам и даже при необходимости контролировать их. Уж очень трудно нам с перевозками!

Заместитель директора Шур обещал нам часть снаряжения выдать со склада Инцветмета, но предупредил, что там многого не хватает и нам придется покупать и заказывать в мастерских. Обещал также дать соответствующие письма об оказании нам помощи в срочном выполнении заказов.

Захваченные необычностью и серьезностью предстоящих хлопот, мои слушатели сидели глубоко задумавшись.

— Мне предстоит много организационной работы, — сказал я. — Поэтому вам придется разъезжать по магазинам, мастерским и узнавать, где что можно купить, заказать по нашим спискам. Подключим еще Бертина, а затем и новых сотрудников.

— А зимнюю одежду нам выдадут как спецовку? — спросил Игнатъев, озабоченно потирая крутой подбородок.

— Думаю, что нет. Может быть, удастся включить телогрейки и стеганые брюки, и то вряд ли. Вы же помните, что полагалось в Первой экспедиции? Летняя роба, пара ичиг и две пары рукавиц на год. Но независимо от того, включают или нет стеганые куртки и брюки, их нужно закупать или заказывать организованно для всех. Будем выдавать в счет зарплаты. Также и валенки. Закупить торбаса на месте в таком количестве явно не удастся. Кроме того, в сильные морозы в торбасах холодно. В валенках теплее, хотя они и не такие легкие и гибкие, как торбаса.

Затем мы сравнили список фонда товаров для расплаты с населением за транспорт и другие услуги с сохранившимся в памяти перечнем предметов наибольшего спроса у местных жителей. Припомнили, что чаще всего нас просили дать — чай, листовой табак, кумач, яркий ситец, сатин, бисер. Несколько реже спрашивали масло, сахар, муку.

— Чай нужен обязательно кирпичный, — заметил Игнатъев. — Якуты его любят.

— Зато эвены и эвенки предпочитают байховый, — добавил я. — Так что нужно и тот и другой, хотя байховый и труднее для перевозки. А курят те и другие только листовой табак — самосад. Все иные сорта кажутся им слишком легкими.

И я напомнил, как на Алдане и Колыме, когда мы угощали коренных жителей (а там курят все поголовно, женщины и подростки наравне с мужчинами), они вначале охотно брали и закуривали папиросы или махорку, но часто, даже не докурив до конца, бросали их и тут же набивали свои трубки «самосадам». Курили и причмокивали от удовольствия. Но некоторые из них не выдерживали его крепости и, прежде чем набить «самосадам» трубку, «разбавляли» его тонко и мелко порубленной древесной стружкой. Правда, крепость «самосада», как объяснил мне знакомый доктор, не от избытка никотина, которого там мало, а от содержащегося в нем аммиака. Он-то и раздражает горло и легкие.

И мы стали припоминать, что еще необходимо взять, и делали пометки: нитки, иголки, пуговицы и особенно яркие, преимущественно алые, ленты. Не забыли, конечно, и бисер. Женщины эвенов искусно расшивают им одежду и обувь, подбирают узоры по рисунку, цвету. И мы забеспокоились: где достать бисер? Ведь его завозили туда из Америки. В наших магазинах по крайней мере он нам не попадался.

Так, не замечая времени, мы, трое «романтиков-мечтателей», продолжали сидеть вокруг стола в маленькой дачной комнатушке, увлеченно припоминая, обсуждая и делая пометки в блокнотах. Ярко мерцала лампа под белым абажуром. На стене и полу лохматились тени от наших фигур. Дважды подогревался чайник, и подолгу оставался в стакане крепкий недопитый чай. Перечень ходовых вещей постепенно исчерпывался, но нет-нет да что-то вспоминалось еще.

— Мы упустили из вида маленькие колокольчики и бубенчики. На них тоже большой спрос, — вспомнил вдруг Евгений Иванович.

— Да-да, — согласился я, — у меня они где-то внесены в записную книжку. Молодые женщины, а может быть только девушки, вплетают их в косы или пришивают к одежде. Говорят, что по их звону эвены узнают и отыскивают своих девушек, спрятавшихся в лесу.

«Кстати, — подумал я, — кроме колокольчиков женщины вплетают в косы и пришивают к одежде серебряные бляхи. Их готовят, разбивая рубли и полтинники на

гладких валунах, превращая в тонкие, слегка выпуклые пластинки. Ценятся больше крупные, сделанные из рублей. Не забыть поручить Бертину получить в банке серебряные рубли и полтинники».

...Кажется, обговорено все, а расходиться не хочется. Мы все еще возбуждены. Ведь у каждого из нас становятся реальными какие-то свои мечты, планы, связанные с экспедицией. А жизнь, наполненная любимой работой, всегда намного интереснее, целеустремленнее.

Недавно я и не мечтал, что так скоро представится мне большая самостоятельная работа. И вот теперь мог испробовать «свои крылья». Это не было ни честолюбием, ни тщеславием. Нет! Просто я был увлечен своей профессией, полюбил свое ремесло открывателя богатств там, «где каждый шаг никем не мерян», где каждая долина, каждая скала или горная гряда веками хранят в себе тайну. Мечтал проложить первые тропы, сделать первые открытия, создать первые географические и геологические карты. И представившаяся возможность осуществить все это явилась для меня подлинным счастьем. Если сбывается то, о чем мечтаешь, чего ждешь и во что веришь, — это ведь и есть счастье.

У жены тоже была романтическая мечта побывать на суровой северной земле, где ярче проявляются лучшие человеческие черты: мужество, смелость, отзывчивость, где встречаются люди незаурядные, сильные, волевые. Где мы вместе, рука об руку, пройдем по нехоженным тропам. Ма была тогда очень молода — ей не исполнилось и двадцати одного года. Она закончила среднюю школу, но специального образования пока не имела, увлекалась литературой, мечтала о путешествиях в далекие неизведанные края.

Моя Ма не отличалась особой красотой, но она владела даром какой-то внутренней привлекательности. В ее ясных зеленовато-серых глазах светилась то решительность и непреклонность, то вдруг появлялась беспомощность и незащищенность, а чаще доверчивость, нежность и искренняя веселость. Привлекали в ней ее прямота, доверительность в обращении с людьми. На фоне порой грубоватых взаимоотношений между рабочими эти качества Марии Яковлевны становились особенно заметными.

У Евгения Ивановича тоже были причины радоваться: он снова мог начать работать помощником геолога — искателя золота. Эта специальность привлекла его еще в Первой Колымской экспедиции.

...Ночь уже кончалась, когда мы разошлись, чтобы хоть немного отдохнуть перед завтрашним днем. Ведь завтра начинался новый этап в подготовке экспедиции, требующий массу энергии, терпения, упорства, находчивости. В этот трудный период конца двадцатых — начала тридцатых годов приобрести необходимое снаряжение, оборудование, приборы было делом нешуточным.

Чуть свет мы приехали в Ленинград. Город встретил нас свежим влажным утром. На стены домов еще только ложились косые розовые лучи солнца. Лишь редкие прохожие и дворники с метлами встречали пробуждение города. В бодрящем холодке мы зашагали к дому, где жили Раковский и Бертин. Разбудив товарищей, взволнованно рассказали им о новостях.

Раковский и обрадовался и огорчился одновременно. Ему очень хотелось отправиться с нами в экспедицию, но выбора у него уже не было. Накануне Сергей Дмитриевич получил официальное извещение о зачислении его в штат ГРБ Среднеканской конторы Союз-золота. Отказаться он не мог, тем более что сам просил эту работу. Бертину ничего определенного пока не обещали, и поэтому он сразу решил ехать с нами, хотя ему было жаль расставаться с Раковским. Они, несмотря на разность характеров, подружились еще на Алдане.

Эрнесту Петровичу Бертину было уже под сорок лет. Он рано начал трудовую жизнь. Окончив школу железнодорожников, работал машинистом на сибирской железной дороге. В годы революции и гражданской войны Эрнест Петрович участвовал в борьбе с белогвардейцами и интервентами в Забайкалье, на Дальнем Востоке, сражался в партизанском отряде. Позже в Иркутске работал следователем в губчека, а в 1923 году перебрался к брату на Алдан, где тот трудился в тресте «Алданзолото». Там Бертин впервые принял участие в поисках и разведке золота и в 1926 году познакомился с Ю. А. Билибиным

— в то время геологом треста «Алданзолото». Оттуда по приглашению Юрия Александровича в 1928 году Бертин прибыл на Колыму для участия в Первой Колымской экспедиции. И вот теперь он снова стремился попасть на Северо-Восток.

К этому времени Бертин, как говорят, уже много повидал и испытал на своем веку, был геологом с вполне устоявшимися взглядами, привычками и своим укладом жизни. Обладал он довольно твердым и, пожалуй, несколько жестким характером, большой выдержкой. К делу Эрнест Петрович всегда относился добросовестно, но без особой увлеченности. К совершенствованию своей специальности поисковика-разведчика не стремился и вполне довольствовался настоящим, не задумываясь о дальнейшем. Его отличало большое жизнелюбие. Он был страстным охотником и рыболовом, любил вкусно и много поесть и посидеть в компании, послушать и рассказать остроумные анекдоты. Свои суждения высказывал прямо и лаконично, при волнении сильно заикаясь. Он много курил (всегда папиросы «Казбек»), не прочь был поиграть в карты, но играл обычно сдержанно и, со стороны казалось, бесстрастно.

Эрнест Петрович был среднего роста, коренастый, на висках его крупной круглой головы едва наметились залысины. По мнению многих, Бертин считался красивым. У него были правильные черты лица. Выступающий подбородок и серые холодные пронизательные глаза подчеркивали мужественность, а узкие и как бы поджатые, редко улыбающиеся губы придавали его облику оттенок суровости.

В противоположность Бертину Раковский обладал довольно мягким, добрым и общительным характером. Правда, общению с людьми ему мешала стеснительность. Скромный, немногословный, он больше слушал других, чем говорил сам. В разговорах редко раскрывался до конца. Обычно сдержанный и терпеливый, он проявлял настойчивость, когда касалось дела. Ему чужды были цинизм, грубость. Случайно вырвавшееся ругательство звучало у него непривычно и неумело. Всем становилось ясно, что оно вызвано лишь боязнью показаться слишком благовоспитанным.

Сергей Дмитриевич был исключительно честен. Его отношение к работе, к поручениям было всегда не просто добросовестным, но и заинтересованным. Задания Сергей Дмитриевич выполнял без промедления, всегда обстоятельно и аккуратно. По мере возможности он старался пополнить свои знания в геологии, в разведке золота, прислушивался к геологам, опытным старателям, все примечал, запоминал, записывал и читал популярную и специальную литературу. Обладая хорошим слухом, он неплохо играл на мандолине и гитаре. Под настроение, набравшись храбрости, пускался в пляс, исполняя все — от «барыни» до мазурки. Отношения со всеми у него были равные, товарищеские. Рабочие его уважали, многие привязывались к нему как ученики к полюбившемуся учителю, многих соединяла с ним истинная многолетняя дружба.

Раковский любил мужественных, сильных и выносливых людей, не унывающих ни при каких невзгодах. Он и сам был похож на героев своего любимого писателя Джека Лондона.

Внешность Раковского не была особенно примечательной. Среднего роста, слегка сутуловатый, с короткими, немного искривленными «кавалерийскими», как он сам говорил, ногами. Правда, обнаженное по пояс тело, натренированное, как у гимнаста-профессионала, было красиво, а равномерно развитые мышцы свидетельствовали о недюжинной силе. Лицо худощавое, узкое, удлинённый нос с большой горбинкой, красиво очерченные губы сразу же запоминались. Густая черная шевелюра Сергея Дмитриевича была всегда, даже в таежных условиях, аккуратно подстрижена и причесана. Лицо его оживляли довольно большие, немного выпуклые светло-карие с желтизной глаза. Их взгляд из-под густых черных бровей был очень живым и отражал настроение — то внимательно-задумчивое, то глубоко серьезное, то задорно-веселое.

Сергей Раковский был лишь на три года старше меня. Он родился в 1899 году. Впервые с золотом встретился на Алдане, когда с группой старателей отправился туда в конце 1923 года из Иркутска, прямо со второго курса Института золота и платины, где успешно учился. Он намеревался заработать денег, чтобы продолжить образование. В первый же сезон им

выпал «фарт» — артель намыла много золота, столько, что каждому хватило бы на два-три года безбедного существования. Но, вернувшись «богачами» в Иркутск, старатели, как это часто бывает, ударились «в разгул». Быстро растратив все деньги, они, в том числе и Раковский, решили вернуться на Алдан. Чтобы перебраться туда, им пришлось продать все вещи, которые они успели купить по приезде. И все же продовольствие они вынуждены были получить в тресте «Алданзолото» в кредит. Но — увы! На этот раз выделенный артели участок оказался очень бедным. Зарботка едва хватило, чтобы расплатиться за продовольствие. Артель распалась. Раковскому пришлось поступить на работу смотрителем разведки (так называлась тогда на приисках должность руководителя разведочного участка). Здесь он встретился с Билибиным и в 1928 году по его приглашению отправился в Колымскую экспедицию. Поездка на Колыму и определила дальнейший жизненный путь Раковского.

Таковы были Бертин и Раковский в то далекое время.

...Обговорив с ними все, мы с Эрнестом Петровичем и Евгением Ивановичем, не теряя времени, поехали в Инцветмет готовить документацию для экспедиции. Мария Яковлевна решила сначала заехать к матери Билибина, Софии Стефановне, чтобы посоветоваться с ней, и затем побывать в магазинах, выяснить, где что можно купить по нашим памяткам.

С этого утра время для нас побежало стремительно, в непрерывной кипучей деятельности.

Через несколько дней утвердили представленные мной план и сметы. Официально были оформлены: я — начальником экспедиции, Казанли — начальником астрономо-геодезической партии. Бертин — прорабом и Игнатъев — рабочим. Теперь можно было вплотную заняться подбором сотрудников и добыванием снаряжения.

Еще дня через два был принят на должность заведующего хозяйством экспедиции Леонид Александрович Горанский. В ту пору ему было лет 40–45. Юрист по образованию, бывший следователь по уголовным делам, Горанский оказался очень деятельным, хорошим помощником. Он сразу же включился в работу, быстро освоился со своей новой должностью. До оформления бухгалтера и кладовщика он кроме своих выполнял и их обязанности. И хотя действовал Горанский неторопливо, но успевал со всем справляться. Был точен и аккуратен, сдержан и вежлив в обращении с окружающими. Из-за холеного и, как говорят, породистого лица, начавшейся полноты он казался несколько рыхлым, не приспособленным к физическим нагрузкам. Но первое впечатление было обманчивым. Могучее, грузное тело Горанского обладало недюжинной силой и выносливостью. Он запросто поднимал и переносил тяжелые тюки. Его крепкое рукопожатие выдерживали немногие.

С первых дней и до самого отъезда во Владивосток нам, очень немногим уже определившимся участникам экспедиции, все организационно-снабженческие функции приходилось выполнять самим. Трудовой день у нас начинался раньше официального: лишь отпирались двери, как мы входили в здание Инцветмета, где нам предоставили комнату. Она служила не только «штабом» экспедиции, но и складским помещением. В ней же происходила сортировка и упаковка груза для отправления поездом.

Никаких отечественных специальных мастерских, изготавливающих походное снаряжение, геологические инструменты, в тот период не существовало. Приходилось все заказывать через разные инстанции в обычных бытовых мастерских или доставать по случаю в магазинах, в мастерских точных приборов.

Проблемой были даже такие необходимые для геологов вещи, как горные компасы, буссоли, анероиды, термометры-пращи, шагомеры, часы, фотоаппараты, фотоматериалы, геологические молотки и многое другое. А еще предстояло раздобыть палатки, специальные вьючные ящики, сумы и брезентовые мешки, рюкзаки, удобную для походов одежду и обувь, спальные мешки. При этом по требованию мастерских, принимающих заказ, нам приходилось самим готовить для них чертежи, рисунки, давать размеры, а в некоторых случаях и доставать материал — брезент, парусину, бязь, что было тоже не так просто, тем

более что все требовалось выполнить в крайне сжатые сроки, ибо до выезда экспедиции во Владивосток оставалось немногим более двух месяцев.

Утром, распределив между собой обязанности, мы разбегались по городу: кто в пошивочные, столярные, а кто в механические, часовые и другие мастерские, предъявляя отношения Инцветмета и уговаривая принять наш срочный заказ, кто-то выискивал и закупал в магазинах что-нибудь подходящее по спискам.

В обеденный перерыв все сотрудники экспедиции собирались снова в «штабе», где всегда оставался дежурить Горанский и иногда я, чтобы информировать друг друга о выполнении заданий. Если кто-то терпел неудачу, намечались новые действия. А заканчивался наш трудовой день после того, как закрывались мастерские и магазины. Вернувшись в Инцветмет, мы подводили итог дня. Работали все дружно и действительно не за страх, а за совесть, заражая друг друга энтузиазмом, как бы соревнуясь в быстроте и удачливости.

Неоценимым в эту пору оказался житейский опыт Бертина, его быстрая ориентация в обстановке, способность определять характер человека, найти подход к администрации и служащим разных учреждений и мастерских, умение доказать важность работы экспедиции и убедить помочь ей. Поэтому Бертину поручались наиболее сложные «операции».

Очень энергично и действенно помогал нам также заместитель директора Инцветмета Карл Моисеевич Шур. Когда случался где-нибудь затор, он звонил в разные инстанции, убеждал или направлял соответствующие письма.

Если кому-нибудь из нас удавалось надежно разместить заказ, получить в мастерской какой-либо из приборов или закупить партию одежды (несколько десятков пар брюк, телогреек, валенок, иногда неожиданно кожаные или брезентовые куртки и плащи), то все искренне радовались, поздравляли удачника.

Но хуже обстояло дело с подбором, участников экспедиции. Не раз, я вспоминал предупреждение директора Инцветмета Котульского, что гораздо труднее будет набрать геологов. За это время мы заключили договоры с четырьмя рабочими в Ленинграде. Главных же действующих лиц, геологов — начальников партий, все еще не было. На мои предложения окончательных ответов я пока не получил. Все просили некоторое время подумать.

Первый и пока единственный геолог, сразу давший согласие на наше телеграфное предложение, был Сергей Владимирович Новиков. Как я уже упоминал раньше, мы познакомились с ним во Владивостоке в конце 1929 года при возвращении из Первой экспедиции.

Новиков был коренным жителем Владивостока. Еще будучи студентом, он дважды (в качестве коллектора и геолога) принимал участие в геологических экспедициях на Дальнем Востоке. Поисками золотых месторождений он практически еще не занимался. Весной 1929 года Новиков закончил во Владивостоке геологическое отделение университета, но постоянной работы пока не имел. Однажды, проходя мимо гостиницы «Версаль», он увидел нас, когда мы, только что прибывшие с парохода, дружно перетаскивали набитые образцами и пробами вьючные ящики и брезентовые сумы с имуществом, и сразу догадался, что возвратилась какая-то экспедиция. Разузнав, что мы геологи, зашел к нам вечером, представился и, показывая свой диплом, отзывы о работе в экспедициях, рассказал о себе. Затем попросил нас принять его геологом, если в будущем году экспедиция продолжит работу.

Уверенная и вместе с тем простая, свободная манера держаться и разговаривать, горячее стремление попасть в экспедицию и даже внешний вид Новикова как-то сразу расположили нас к нему. Мы пригласили его к столу и за чаем продолжили разговор.

Своим видом Сергей Владимирович напоминал задорного подростка. Он был низкого роста, коренастый, очень подвижный. Мягкая бесхитростная улыбка, придающая его лицу мальчишеский облик, вдруг сменялась серьезным выражением, при этом как-то по-особому приподнимались брови. Сквозь натренированную сдержанность прорывалась юношеская

порывистость. Даже тихий тенорок Сергея Владимировича казался по-мальчишески ломким. Но суждения его всегда были логичными, уверенными. В них чувствовалась не только начитанность, но и, несмотря на молодость, убежденность взглядов. Высокий открытый лоб придавал его лицу вид умного, серьезного человека.

Помню, в тот вечер, покончив с чаем, Новиков взглянул на стоявшую в сторонке шахматную доску с недоигранной партией и сказал, что черные проиграют. Билибин, любивший шахматы и страдавший от отсутствия достойных партнеров, тут же поинтересовался, не хочет ли Новиков сыграть партию. Тот охотно согласился, и партия довольно быстро закончилась победой Сергея Владимировича. Начали вторую. Мы заинтересованно следили за их поединком, так как Билибин редко проигрывал. Вторую и третью партии также выиграл Новиков.

Вскоре он распрощался с нами и ушел. Мы обменялись адресами и обещали известить его сразу, как только выяснится судьба будущей экспедиции.

После его ухода Билибин произнес удивившие меня тогда слова:

— Его стоит взять в экспедицию. Он, вероятно, станет хорошим геологом и разведчиком: очень хорошо и уверенно играет в шахматы.

Мне подумалось: «Разве можно судить о геологе только по игре в шахматы?»

А Билибин добавил:

— Есть еще один геолог — якут Сивцев, которого можно взять начальником партии, если в следующей экспедиции у нас будет третья партия. На Алдане он проявил себя смышленным разведчиком. Тоже очень хорошо играет в шахматы, часто меня обыгрывал.

Тут мы занялись чем-то спешным, и развить эту тему нам не удалось. Позднее, вспоминая эти слова Билибина, я увидел в них здравый смысл. Действительно, человек, хорошо играющий в шахматы, должен обладать такими качествами, как внимание, сосредоточенность, находчивость, терпеливость и самодисциплина. Все эти качества вместе с целеустремленностью, упорством и выносливостью необходимы геологам, ведущим исследования в отдаленных, неизведанных районах, где могут подстерегать всякие неожиданности и многочисленные трудности, когда многое нужно уметь решать и делать самому.

Сопоставив такие качества с характером самого Юрия Билибина, я утвердился в этом мнении. Еще в студенческие годы меня восхищали самодисциплина, целеустремленность, упорство и сила воли Билибина. У него все было рассчитано до мелочей, и жил он строго по расписанию. В Ленинграде было тогда голодное время. Мы, студенты, довольствовались скудным пайком. Юрий периодически получал от родителей из Смоленска продовольственные посылки и распределял полученное на небольшие ежедневные добавки. Так, селедку он делил на мелкие кусочки и съедал в день не больше одной маленькой порции, добавляя к ней десять размоченных горошин. Все остальное делилось так же, чтобы растянуть на возможно больший срок. И, несмотря на постоянное ощущение голода, Юрий не нарушил установленного порядка, не наедался хотя бы раз досыта. И все это при напряженных занятиях в институте. Следовательно, хорошая, уверенная игра в шахматы, умение строить разные комбинации в противоборстве с противником частично раскрывают характер и способности человека. Это и служило известным критерием для Билибина при оценке в партнере геолога.

И вот теперь Новиков, принятый отчасти и по такому критерию, стал первым начальником геологопоисковой партии Второй Колымской экспедиции. Мы поручили ему выяснить дату выхода первого парохода в Охотское море и возможность закупить для экспедиции основное продовольствие: муку, крупы, сахар, масло, соль, консервы, чай, табак, папиросы и прочее. Сергей Владимирович оперативно занялся этим и, о мере выяснения быстро сообщал нам результаты.

В Ленинграде удалось уже сделать многое — заказы на большую часть снаряжения были размещены и начали выполняться. Пришло время направить во Владивосток представителя от экспедиции для закупки основного продовольствия, подготовки его к

отправлению парходом, а также для приема грузов, приходящих от нас из Ленинграда. Кроме того, он должен был оформить рабочих, которые приедут с Алдана и Зеи. Самым подходящим для выполнения этих обязанностей был Бертин. И вскоре мы отправили Эрнеста Петровича, снабдив соответствующими документами и деньгами.

Ему же поручили договориться с Совторгфлотом о перевозке личного состава, грузов и лошадей, принадлежащих экспедиции, на первом парходе, идущем в Охотское море, и выгрузить не в Оле, а в бухте Нагаева. Я тогда уже твердо решил обосноваться в этой замечательной бухте и оттуда направлять геологические партии, а затем и весь состав, с имуществом экспедиции, минуя поселок Олу. В 1928 году я не раз бывал в бухте Нагаева, изучил ее не только по лоции и картам, добытым во Владивостоке, но и исходил ее ручьи, склоны и вершины. Из Нагаева мы возвращались осенью 1929 года парходом во Владивосток. Чтобы теперь отправиться непосредственно из бухты на Колыму, нам предстояло изыскать новый отрезок пути к верховьям реки Олы, а оттуда выйти на существующую тропу.

Но это меня не пугало. Была надежда, что якут Макар Захарович Медов, проводник в Первой экспедиции, поможет нам отыскать этот путь.

Почти одновременно с Бертиным мы отправили четырех рабочих в Омскую и Томскую области для закупки шестидесяти лошадей и фуража для них на дорогу. Купленных лошадей рабочие должны были сопровождать по железной дороге до Владивостока. Уполномоченным и старшим в их группе назначили грамотного рабочего коммуниста Мельникова. До этого он работал на одном из заводов Ленинграда. Ему захотелось своими глазами посмотреть места, о которых с увлечением рассказывал Игнатъев, его давний знакомый. По рекомендации Евгения Ивановича мы и приняли Мельникова. Выглядел он солидно, был неразговорчив и мрачноват. В гражданскую войну Мельников служил в кавалерии, следовательно, в лошадях разбирался и имел опыт по уходу за ними. Снабдили его документами, деньгами на первый случай и договорились с бухгалтерией Инцветмета о переводах за купленных лошадей по телеграфу. Остальных трех рабочих Мельников подобрал и представил нам сам.

Вскоре уехал на Украину и Евгений Иванович Игнатъев. Ему мы поручили закупить там сушеные овощи и фрукты. Испытав с товарищами по Алданской и Первой Колымской экспедициям за долгие зимние месяцы потребность в овощах и зная их противощинговые свойства, я дал задание Игнатъеву, если он не найдет в продаже сухие овощи, договориться, чтобы засушили моркови, свеклы, картошки, луку, капусты свежей и соленой. Из сухофруктов поручил закупить яблоки, груши, урюк, чернослив, вишню, по возможности изюм, а также готовые смеси для компотов. В Ленинграде ни сухих овощей, ни фруктов достать, тем более в количестве, рассчитанном на два года для нескольких десятков человек, было делом совершенно невозможным. И надо отдать справедливость Евгению Ивановичу — он выполнил все блестяще и в сравнительно короткий срок отправил большие партии сухих овощей и фруктов во Владивосток.

Мы же в Ленинграде успешно закупили несколько ящиков плиточного шоколада (очень удобного и полезного в длительных походах), какао и сгущенного молока. Рацион обещал быть разнообразным, и цинга уже не так нас страшила.

Если снаряжение осуществлялось достаточно успешно, то отсутствие геологов по-прежнему меня всерьез беспокоило. Геологи Сибирской секции Горного кружка, мои сверстники, — все, кроме Вознесенского, уже устроились на летние поездки в другие районы. Дмитрий Владимирович Вознесенский, Дима, или Димка, как мы его звали, согласился принять участие в нашей экспедиции условно, если успеет закончить и сдать к отъезду отчет о прежней работе, то есть пока он был потенциальным начальником геологопоисковой партии.

В Ленинграде удалось оформить только одного геолога — Даниилу Аркадьевича Каузова. Он закончил Политехнический институт по узкой специальности — петрографу. Привел его к нам и рекомендовал Дмитрий Казанли. Я, патриот Ленинградского горного института, готовившего тогда геологов широкого профиля, к рекомендации Мити отнесся

несколько настороженно. Не только потому, что сам Казанли не был геологом и в геологии в ту пору слабо разбирался. Он и в людях очень плохо разбирался. Рекомендованные им кандидатуры в Первую экспедицию оказались малопригодными. Сам Митя, порядочный, честный и бесхитростный человек, отличался крайней доверчивостью и простодушием. Общительный по натуре, он любил людей, быстро и охотно сходилась с ними. Его восхищали те, кто умел приспосабливаться к любой жизненной ситуации, легко переносить превратности судьбы. Вероятно, это определялось тем, что сам Митя был непрактичен и мало приспособлен к самостоятельной жизни, особенно в суровых походных условиях Севера. Ему нравились также и физически сильные люди, с веселым, легким нравом, порой граничащим с беспечностью, или люди с ярко выраженными способностями и обладающие в каких-то областях глубокими знаниями, тем более если этих знаний не хватало самому Казанли. Каузов привлек внимание Мити именно первой группой качеств. Другие особенности характера и деловые способности Каузова ему, как оказалось, не были известны.

И вот передо мной предстал среднего роста, коренастый, довольно упитанный (внешне он напоминал борца-тяжеловеса) Даниил Каузов. Он поздоровался кивком крупной, под стать фигуре, головы с коротко подстриженными светло-русыми волосами, с уже заметными залысинами у висков, и встал несколько в стороне, слегка расставив ноги. Так, застыв с наигранно безучастным видом, он молча ждал, когда Казанли закончит его представлять. Тщательно выбритое лицо с гладкой розовой кожей и разлившимся румянцем на пухлых щеках, казалось, выражало благодушное спокойствие. Лишь во взгляде голубых глаз временами проскальзывало тревожное напряжение, выдавая некоторое беспокойство. Яркие, словно накрашенные, губы порой чуть заметно кривились в лукаво-иронической улыбке.

Из разговора с Даниилом Аркадьевичем выяснилось, что на практической работе в полевых условиях, тем более в неосвоенных районах, он еще не был, с поисками полезных ископаемых совсем не знаком. У меня создалось впечатление о случайности его желания принять участие в работе экспедиции, и я не сразу решился оформить его сотрудником. Однако слишком затянувшийся подбор геологов, горячая защита со стороны Казанли, утверждавшего, что «Каузов на хорошем счету у Левинсон-Лессинга (в то время уже известного профессора-петрографа), замечательный спортсмен, вынослив, неприхотлив, остроумен, отзывчивый товарищ» — все это склонило меня принять его в состав экспедиции. «Освоить геологическую съемку и методику поисков мы ему поможем, — подумал я. — Ведь мы их тоже осваивали на месте».

И после этого снова наступил затор. Я обратился с просьбой помочь подобрать геологов к заведующему секцией золото — платина, старейшему геологу Звереву. Он охотно пообещал выручить. И действительно, дня через два-три сообщил, что скоро ко мне пойдет геолог Иван Николаевич Едовин, который окончил Ленинградский горный институт и имеет уже четырехлетний опыт разведки золоторудных месторождений на Урале.

— Он работал под руководством квалифицированных геологов и вполне справится с разведкой самостоятельно, — добавил Зверев. — Человек скромный, серьезный, уживчивый и трудолюбивый. Советую взять его в экспедицию. Кстати, я почти уговорил поехать и геолога Фаину Клементьевну Рабинович.

— Расскажите о ней, пожалуйста, — попросил я.

— Мы вместе работали в Алданской экспедиции. Она знакома с геологическим картированием. Женщина серьезная, выносливая, умеет ладить с людьми. Однако договаривайтесь с ней сами. И поторопите ее закончить отчет, она что-то затянула его сдачу и из-за этого колеблется принять окончательное решение.

На следующий день мы встретились с Едовиным. Иван Николаевич при знакомстве произвел на меня впечатление человека, имеющего за плечами жизненный опыт. Мы были почти сверстниками, но многие говорили, что Иван Николаевич выглядел старше меня. Лишь изредка нервные движения рук и длинных пальцев, вдруг загоревшийся быстрый взгляд, неожиданно торопливая фраза выдавали его нетерпеливую энергию, волнение

молодости.

Краткий рассказ Едовина о себе и его вопросы, уточняющие цель и условия работы, показали, что Иван Николаевич не новичок в разведке и достаточно четко представляет свои задачи. Именно такой геолог был необходим нам для стационарной разведочной партии на Среднеканской рудной дайке. Во время Первой экспедиции я отобрал несколько проб из нее на выходе к поверхности, две из которых показали довольно высокое содержание золота, что и определило необходимость организовать разведку для выяснения промышленного значения дайки.

Мы обо всем договорились. Иван Николаевич попросил зачислить его официально с 1 мая, так как ему нужно было закончить отчет и уволиться из партии Инцветмета. Кстати, еще до увольнения оттуда он понемногу уже включился в работу нашей экспедиции. После оформления Иван Николаевич обратился с просьбой взять с собой в партию свою жену Марию Николаевну. Он сказал, что она сможет выполнять обязанности чертежника и коллектора-документатора. Я согласился.

Два-три дня спустя состоялось знакомство с Фаиной Клементьевной Рабинович, которую Зверев рекомендовал на должность начальника геологопоисковой партии. В 1926 году она закончила Московскую горную академию и позже работала в геологической экспедиции в Алданском районе под руководством Вадима Николаевича Зверева.

Когда я вошел в указанную мне комнату, там за столами сидели четверо: трое мужчин и одна женщина. Женщина и была, по-видимому, Фаиной Клементьевной Рабинович. Я подошел к ее столу. Она, нехотя оторвавшись от нагроможденных на столе материалов — карт, таблиц, листов рукописи и образцов пород, — некоторое время отрешенно смотрела на меня. Большие выпуклые голубые глаза ее еще целиком отражали внутреннюю сосредоточенность. Наконец, откинув свисавшие на лоб светло-русые с рыжинкой пряди волос и слегка пригладив их, она провела рукой по лбу, как бы стирая отвлекающие мысли, и спросила:

— Вы к кому?

— К вам, Фаина Клементьевна. Я Цареградский, начальник Колымской экспедиции. Вадим Николаевич Зверев рекомендовал вас в качестве начальника геологопоисковой партии. Как вы, согласны?

— Да, он советовал мне поехать, но я еще окончательно не решила. Трудно сейчас дать согласие — очень много работы с отчетом. Не знаю, сумею ли закончить и сдать его до отъезда экспедиции...

Все это она произнесла точно в раздумье и как-то вяло, незаинтересованно, мне показалось даже — недовольно. Ее библейское, с тонкими правильными чертами лицо, которое портило лишь обилие веснушек, при этом потускнело, нахмурилось.

Все же мы договорились об ее условном зачислении в состав экспедиции до сдачи отчета. Она пообещала постараться закончить его побыстрее.

Уходя, я невольно подумал: «А сможет ли эта на вид довольно хрупкая женщина проходить ежедневно двадцать пять — тридцать километров, ведя геологическое исследование?» Но вспомнив, что Зверев характеризовал её как непрехотливую и выносливую, я несколько успокоился.

Вообще первое впечатление от встречи и разговора с Фаиной Клементьевной оказалось довольно сумбурным и противоречивым. Насторожил меня беспорядок на ее рабочем столе. Насторожила также и ее рассеянность при разговоре. Но это одновременно могло свидетельствовать и о ее увлеченности работой, умении сосредоточиваться.

Чтобы не отрывать Рабинович от отчета, мы не тревожили ее и не давали никаких поручений. Через несколько дней она пришла сама и сообщила, что работа ее заметно продвинулась и она успеет сдать отчет до отъезда. Кроме того, она попросила принять в экспедицию коллектора Дзевановского и закрепить его за ее партией.

— Мне будет так спокойнее. В прошлой экспедиции Зверева я работала с Юрой и хорошо знаю его. Со знакомым надежным помощником я буду чувствовать себя гораздо

увереннее среди неизвестных рабочих в партии. Сделайте это для меня, пожалуйста, как для женщины.

Я вполне понимал ее и без возражений согласился. Мы тут же оформили Юрия Константиновича Дзевановского коллектором. Он, оказывается, стоял за дверью и ждал результатов нашего разговора. В ближайшие дни Юрий Дзевановский влился в нашу группу, безотказно выполняя разные задания.

Среднего роста, по-юношески стройный, Юрий Константинович был награжден от природы яркой красотой. У него было холеное продолговатое лицо с матовой смуглой кожей, с тонкими правильными чертами, с красивым рисунком темно-вишневого рта и словно выточенным подбородком. Широко распахнутые под крутым изломом бровей черно-карие со смоляным блеском. Глаза в густых ресницах выглядели кукольными, что, впрочем, несколько не вязалось с грустно-серьезным, реже — холодноватым их выражением. Густые угольно-черные, гладко причесанные волосы почти закрывали маленькие уши.

Дзевановский очень редко и скупно улыбался, никогда не слышно было его смеха. Казалось, какая-то печаль или скрытое горе гложет его изнутри. Несмотря на такую яркую внешность, держался он скромно, не красовался, не стремился обратить на себя внимание. Юра редко вмешивался в разговоры, был замкнутым. Одевался он очень просто, но аккуратно. Отличала его почти военная выправка, подтянутость. Получая от Горанского очередное задание по делам экспедиции, Дзевановский слушал его внимательно, серьезно, но выражение его лица казалось порой недовольным. Однако поручения он всегда выполнял добросовестно, скрупулезно, хотя и без воодушевления.

Так постепенно пополнялся состав нашей экспедиции. Кстати, как только сведения о ней распространились в Геолкоме и даже за его пределами, началось буквально паломничество к нам. Но, к сожалению, среди желающих принять участие в экспедиции не было геологов. Приходили люди, профессии которых не были предусмотрены в штатах, а следовательно, не представляли для нас интереса.

Но однажды ко мне обратилась девушка по специальности химик-аналитик. В рудноразведочной партии приходится делать множество анализов проб, и такой специалист был нам как нельзя кстати. Девушка не имела никаких рекомендаций. Выглядела она молодо, по виду — не более двадцати четырех — двадцати пяти лет, красивая, стройная. Одета хоть и скромно, но опрятно, даже со вкусом, что для меня имело определенное значение при первой оценке человека. Девушка представилась Антониной Робертовной Путнинг и попросила принять ее на работу. Она просто и бесхитростно рассказала, что закончила по своей специальности Ленинградский университет, что имеет уже небольшую практику по количественному анализу силикатов и руд.

Внимательно и серьезно выслушала она все об условиях работы и быта в экспедиции, о возможных трудностях. Свободно, с достаточным знанием своего дела она задала несколько вопросов и, получив ответы, без колебания повторила просьбу. При этом искренне, без бравады сказала:

— Уверена, что со своей работой справлюсь. Трудности меня не пугают. Надеюсь, перенесу их не хуже других.

И мы включили ее в состав экспедиции. Антонина Робертовна сразу охотно принялась за расчеты и составление списка необходимых химикатов и оборудования для лаборатории, предварительно уточнив примерное количество предстоявших анализов. Покончив с этим и получив одобрение, она включилась в добывание реактивов. Теперь она появлялась в нашей комнате-штабе каждое утро и усердно работала целыми днями. Закончив приобретение всего нужного для химической лаборатории, упаковав все для отправки во Владивосток, Путнинг сама попросила давать ей другие задания и вплоть до отъезда успешно выполняла их.

Антонина Робертовна сразу и легко влилась в нашу группу, словно знала всех и работала с нами давно. Этому способствовало ее доверчиво-смелое и непринужденно-доброжелательное отношение ко всем. Видимо, манера держаться с товарищами, как с равными, сохранилась у нее еще со студенчества. Большую роль в

установлении ее взаимоотношений, несомненно, сыграло также и то, что она оставалась искренне равнодушной к повышенному вниманию, которое вызывала ее внешность. Она, казалось, не замечала восхищенных взглядов сотрудников, на первых порах застывавших и умолкавших при ее появлении. И это не являлось хоть сколько-нибудь игрой. Просто, по-видимому, Антонина Робертовна не считала свою внешность чем-то особенной. При разговоре она всегда прямо и сосредоточенно смотрела в глаза собеседнику, не пряча взгляда своих выразительных серых глаз под густыми ресницами. И до того взгляд ее был чист и спокоен, что невольно предохранял от комплиментов и попыток ухаживания.

Каждый новый сотрудник, включаясь в организацию подготовки экспедиции, облегчал и ускорял наши сборы. Они уже близились к завершению, когда явился Дмитрий Владимирович Вознесенский и сказал, что он закончил свои дела и согласен работать, как я и приглашал его, начальником геологопоисковой партии.

С Димой Вознесенским мы познакомились еще будучи студентами Горного института. Довольно часто встречались с ним на собраниях Сибирской секции геологического кружка, куда он вступил несколько позже других, и, кроме того, один-два раза в году мы виделись на традиционных товарищеских встречах членов Сибирской секции весной (перед отъездом на полевые работы) и в начале зимы (после возвращения). Как правило, Дмитрий Владимирович, держался со всеми ровно, уверенно, ничем особенно не выделяясь. Обычно сдержанный, немногословный, он порой, когда собирался немногочисленный кружок слушателей, любил рассказать пикантные истории, анекдоты, реже — читать стихи, преимущественно юмористические.

Выражение его удлинённого с довольно крупными чертами лица резко менялось в зависимости от того, принимал ли он участие в деловой беседе или балагурил: оно становилось то сосредоточенно-суровым, то мягким и улыбочивым. Голос его был глуховат, без особых интонаций. Умеренно общительный характер и любовь к юмору способствовали его быстрому знакомству и сближению с людьми, но до известных границ — без приятельства и панибратства. Иногда Дмитрий Владимирович посматривал на собеседника светлыми прищуренными глазами с иронической улыбкой, чуть заметно менявшей рисунок рта. При этом он полушутя-полусерьезно бросал какое-нибудь замечание, вроде:

— А вам здесь нечего околачиваться! Вам, «алешам», работать нужно, вкалывать!

При первоначальном знакомстве покачивающаяся по ходука Вознесенского, замедленные движения создавали впечатление некоторой его вялости, но он был достаточно крепкого сложения и, когда нужно, бывал подвижен.

К тому времени Дмитрий Владимирович обладал уже большим, чем другие геологи, опытом, что придавало ему уверенность и даже некоторое превосходство. В нашей экспедиции ему предстояло впервые, впрочем как и всем остальным начальникам геологопоисковых партий, освоить метод поисков россыпей золота.

Одновременно с оформлением Вознесенского мы, по его просьбе, приняли в состав экспедиции молодого рабочего Леонида Петренко. Низкого роста, коренастый крепыш с круглым улыбочивым лицом смотрел на всех доверчивым, доброжелательным взглядом больших карих глаз. Шустрый и всегда веселый Леня Петренко быстро завоевал симпатии многих сотрудников экспедиции, а позднее и бывалых таежников — пожилых рабочих.

Уже перед самым отъездом мы приняли на работу последнего геолога. Зачислить Анатолия Николаевича Морозова начальником партии рекомендовал Зверев. При знакомстве Анатолий Николаевич, сознавая, что рекомендация заведующего секцией золото — платина Инцветмета обеспечивает ему участие в экспедиции, держался и разговаривал очень уверенно. Позже оказалось, что ему вообще была присуща самоуверенность. А изысканно нарядная одежда и некоторое позерство позволяли сделать вывод, что в семье он — баловень.

Очевидно, баловали его не только потому, что он являлся, как мне говорили, родственником (далеким) известного революционера-шлиссельбуржца Николая Морозова, но и жалеючи, как инвалида от рождения. Дело в том, что левая рука Анатолия Николаевича

от плеча и до локтя выглядела нормально, разве чуть суше правой, но сразу к локтю примыкала маленькая, как у ребенка, кисть с короткими пальцами.

При знакомстве, перехватив мой изумленно-сочувственный взгляд, Морозов, видимо, обеспокоился, как бы это не стало помехой в его устройстве на работу, и поспешно заявил, что в полевых условиях трудностей не испытывал и вполне справлялся с делом.

Мои сомнения относительно пригодности Морозова полностью не рассеялись, перевесила их просьба Зверева. Он особо подчеркнул в разговоре со мной, что на иждивении у Анатолия Николаевича больная мать и что сам он ручается за Морозова, уже имеющего достаточный стаж работы в геологических партиях. Морозов был принят и успел выехать со всеми сотрудниками во Владивосток.

На этом завершился подбор специалистов. По числу принятых профессионалов — начальников геологических партий окончательно определился и план геологических и разведочных работ экспедиции. Девять партий, из которых семь — геологопоисковые (включая мою), одна — рудноразведочная и одна — астрономо-геодезическая, должны были выполнить весь намеченный объем геологического картирования, горных выработок и шурфовки.

В первой декаде мая формирование экспедиции и отправка всех ее грузов во Владивосток подошли к концу. Наступила пора отъезда сотрудников. К этому времени мы получили из Сибири от Мельникова утешительное известие о том, что им закончена закупка лошадей, сбруи и фуража. В ближайшие дни он со своим караваном тоже намеревался отправиться во Владивосток.

И с набором рабочих дело обстояло неплохо. На мой запрос по телеграфу заведующий Алданским геологоразведочным бюро Василий Ефимович Пинаев, обратиться к которому посоветовали мне Эрнест Бертин и Сергей Раковский, сообщил, что на Алдане отобрано пятнадцать опытных старателей. Столько же старателей отобрал на Зее по моему поручению Петр Майоров — бывший промывальщик Первой Колымской экспедиции. Обе группы уже выехали во Владивосток, откуда позже вместе с нами должны будут отправиться в бухту Нагаева. А там нас уже ждал с группой рабочих Степан Степанович Дураков. Когда решился вопрос с экспедицией, мы его сразу же известили телеграммой. В ней мы сообщили также, что первым пароходом выезжаем из Владивостока и просили к нашему приезду договориться с местными рабочими об их участии в экспедиции. И вскоре мы получили ответ, что нас ждут около четырех десятков рабочих.

И вот наконец «ленинградский» период организации Второй Колымской экспедиции закончен. Мы выезжаем во Владивосток. Правда, едем мы не всем составом: часть сотрудников уже уехала, а двое — Дмитрий Вознесенский и Фаина Рабинович — на несколько дней должны были задержаться, чтобы сдать свои отчеты. И хотя Новиков из Владивостока сообщил, что до отхода парохода в бухту Нагаева есть еще некоторое время, беспокойство не покидало меня: как бы нам не опоздать.

Мы уже наметили день отъезда, но совершенно неожиданно его пришлось отложить. Задержку вызвало сообщение Ленвзрывпрома о том, что взрывчатые вещества по каким-то причинам отправить из Ленинграда невозможно. Их предложили получить во Владивостоке, но при условии, что взрывные работы станет производить только их взрывник, с которым следует заключить договор.

Оформление договора заняло два дня, и в составе нашей экспедиции прибавился взрывник Николай Александрович Клоков.

16 мая 1930 года мы наконец основной группой выехали во Владивосток скорым поездом. После шумной посадочной суеты, взволнованных прощаний, поцелуев в вагоне мы все успокоились, стихли. Но такая резкая перемена оказалась для нас странной, непривычной. По инерции все еще хотелось куда-то спешить, действовать, а уже было не нужно и некуда. Накопившееся многодневное утомление, недосыпание не сразу уступили место чувству облегчения, предвкушению отдыха, покойного сна. Мы ощущали какое-то расслабление и опустошенность. Первые сутки пути промелькнули незаметно. Позже время

замедлилось, оно лениво текло, перемежаясь сном, едой, чтением, вялыми разговорами и просто бездумным смотрением в окна.

И лишь через несколько дней, когда мы отоспались, когда прошло утомление, восстановилась энергия, в каждом из нас как бы появилась настоятельная потребность в действии. Однообразие вынужденно праздной жизни в замкнутом пространстве купе и вагонного коридора наскучило. Спать уже не хотелось. Когда затихали и укладывались соседи по купе, я выходил в коридор, читал или подолгу в раздумье стоял у открытого окна.

Мысли были разными. Чаще о предстоящих делах экспедиции. Думалось, как, в какие партии расставить геологов, кого поставить к ним из прорабов, промывальщиков.

Все мы, за небольшим исключением, были мало или совсем не знакомы друг с другом, не знали еще ни способностей, ни склонностей и увлечений каждого. Не знали, какой степени доверия достоин каждый, без чего работа в экспедиционных условиях, тем более в отдаленных глухих районах, просто невозможна. А ведь она должна быть построена не только с учетом профессионализма и опыта, но и чувства долга, честности исполнителя, доверия к нему и уверенности в нем. Своевременно проконтролировать его в экстремальных условиях Севера невозможно. Правда, геологи, которые любят свою профессию, берегут свою честь и репутацию (а таких большинство), сами стремятся выяснить, исследовать в поле все, что возможно. Однако и здесь бывают случайности.

Для успешного выполнения общих сложных задач экспедиции (не только отдельных партий) мы должны были сплотиться, образовать единый дружный коллектив, подобный семье. Один из главных девизов успеха в деле: дорожить друг другом и помогать друг другу.

Если этого не случится, то в чем-то может быть провал. Как не хотелось его!

Я вновь перебирал в памяти первые впечатления от знакомства с новыми товарищами, сопоставлял их с наблюдениями во время работы каждого по подготовке экспедиции. В целом, судя по сложившимся у меня характеристикам каждого сотрудника, они вполне способны ужиться друг с другом и, главное, выполнить поставленные перед экспедицией задачи. Правда, отдельные черты характера некоторых из них несколько настораживали. Для себя, как начальника экспедиции, я сформулировал следующие правила: относиться к людям терпимо и дружелюбно, идти в какой-то степени на уступки, естественно, взаимные, и строго следить за тем, чтобы не было праздности. В экспедиции, как и в армии, все участники до определенного, достаточно большого предела должны быть загружены.

Однако самое страшное в такой группе — психологическая и бытовая несовместимость. Она может привести к непримиримой ненависти, что, несомненно, отрицательно скажется на результатах работы экспедиции. И только одними административными мерами устранить ее почти невозможно. Да и само такое воздействие в данных условиях должно опираться на большой, почти непререкаемый авторитет руководителя. Ведь состав экспедиции добровольный, административные меры во многом ограничены условиями, обстановкой. При этом авторитета руководителя мне еще нужно было добиться, для чего необходимо время. И я должен хоть в чем-то быть сильнее сотрудников, и главным образом в знаниях и опыте.

Я в своих размышлениях все больше проникался чувством ответственности, как молодой, недавно начавший работать специалист, как впервые назначенный начальник экспедиции. Ведь я отвечал и за людей, и за практические результаты работы. Под моим началом находилось около семидесяти рабочих, более десяти специалистов. И каждого я обязан был обеспечить всем необходимым для работы и жизни в трудных таяжных условиях. Кроме того, я понимал всю важность результатов Колымской экспедиции для нашей страны. Всюду еще сказывался ущерб, нанесенный ей гражданской войной. Экономическая блокада Советского Союза была прорвана совсем недавно, и капиталистические страны не торопились обоюдодыгодной торговлей помочь экономическому восстановлению первого социалистического государства. А начатое широкое развитие тяжелой индустрии, строительство заводов и фабрик требовало капиталовложений. Нужно было золото. Правительство выделило огромные суммы на экспедицию: содержание почти сотни человек

в течение двух-трех лет, дорогостоящий проезд каждого, покупка лошадей, провоз их по железной дороге и на зафрахтованном в Японии пароходе, оборудование и тому подобное. И мне очень хотелось, чтобы экспедиция оправдала эти затраты и самому оправдать оказанное мне доверие.

Такие мысли беспокоили, побуждали к действию. Хотелось скорее прибыть на место, чтобы возможно больше захватить летних дней для исследования, поисков и строительства базы. Ведь северное лето так коротко! Исчезло ощущение покоя, безмятежности, все труднее становилось ожидание. Сутки теперь тянулись все медленнее. Поезд, постукивая колесами, увозил нас все дальше на восток, приближая к новому этапу деятельности экспедиции.

Вот и закончилось девятисуточное пребывание в замкнутом пространстве вагона. Устоявшееся однообразие быта, разбавленное редкими скупыми впечатлениями от коротких остановок на станциях, торопливых покупок чего-то съестного, уже позади. Поезд плавно замедлил движение, последний раз лязгнули тормоза и состав замер у вокзала. Мы во Владивостоке.

Своеобразный, по-своему красивый портовый город, раскинувшийся на склонах гор, со стекающими к морю улицами, с трясущимися по каменным мостовым извозчиками, встречными потоками снующего делового и праздного люда, разноязычного и пестро одетого — русские, китайцы, корейцы, японцы, — мало изменился с 1928 года.

Владивосток встретил нас ярким солнечным днем. Синь неба, казалось, конкурировала с синью моря. Гавань оглашалась криком чаек, сидящих и снующих в воздухе у пристаней.

Моя жена попыталась даже свое первое впечатление о городе выразить в стихотворных строчках:

Вьются лентой улицы по склонам
Каменных фундаментов-кряжей.
Мачты шхун дрожат живым поклоном
Пред железным строем кораблей.

Ряд подъемных кранов словно замер,
Заглянувши в уличную зыбь.
Волны ловят синими глазами
Сплав из золота и бирюзы.

Чайки, словно в силе крыльев споря,
Полосуют неба голубой платок.
Это ты раскинулся у моря,
С гор скатившийся Владивосток.

...Нас встретили Новиков, Бертин, Игнатъев и чуть в сторонке стояла группа вливающих в состав экспедиции рабочих с Алдана и Зеи.

В гостинице «Версаль» были приготовлены номера, и чуть только устроились мы, с ходу начались взаимные информации и планы дальнейших действий. Их оказалось достаточно, чтобы быть занятыми почти до самого отплытия. Пришлось побывать в Совторгфлоте, чтобы договориться о погрузке фуража и лошадей, для которых уже соорудили нечто вроде стойла на палубе парохода. Вместе с Казанли побывали в Картографическом управлении, где добыли интересующие нас карты береговых кромок Охотского побережья, Тауйской губы, бухты Нагаева, а также объемную книгу «Лоция вождения кораблей...» с описанием этих берегов, поселков. Побывали с Горанским в бухте Океанской, где были размещены прибывшие из Сибири наши лошади. Едовин с Клоковым окончательно уточнили с Совторг-флотом и Взрывпромом условия погрузки взрывчатых

материалов. Много и других сложных и мелких дел занимали наше время. А потом потянулось нудное ожидание погрузки и отбытия парохода, которое два раза откладывалось...

Волнение охватило почти всех участников, когда была объявлена посадка. Но погрузка прошла организованно и быстро. Закончился еще один беспокойный промежуточный этап. Седьмого июня 1930 года Вторая Колымская геологическая экспедиция отбыла на пароходе «Нанси Моллер» из Владивостока в бухту Нагаева, к преддверию территории, на которой предстояло работать полтора-два года.

Глава II. В Бухте Нагаева

Первые дни

Томительные дни в тесной каюте, скрашиваемые прогулками по узкой раскачивающейся палубе и... созерцанием однообразного пейзажа — серое Охотское, море под таким же серым низким небом, — подошли к концу. Утром 19 июня 1930 года пароход «Нанси Моллер» приблизился к западному побережью Тауйекой губы. Погода с утра начала заметно улучшаться, обещая хороший день. Висевшая над морем серая пелена поднялась, кое-где сквозь нее чуть просвечивала голубизна. Ветер ослабел, но все еще было прохладно.

Все сотрудники экспедиции собрались у палубного ограждения, как только показали берега. С напряженным интересом всматривались мы в их неясные очертания.

Но пароход, словно обессилев, движется чрезвычайно медленно. Выдвинутый далеко в море гористый полуостров Хмитевского, заслоняющий Мотыклейский залив, и расположенный напротив него остров Спафарьева совсем не приближаются. И мы снова, то поодиночке, то группами, уходим в каюты, в твиндек — межпалубное помещение, где размещалась часть пассажиров. Однако и там усидеть не удавалось.

Постепенно прояснились голубые силуэты острова Завьялова (Ольского) и полуострова Кони. Наконец в одну из очередных вылазок на палубу я узнал вход в бухту Нагаева по острову Недоразумения слева и по кекуру у мыса полуострова Старицкого — справа. Минувя последний, пароход направился в левую часть бухты, к замыкающему ее пониженному берегу, ориентируясь по еще сохранившимся мореходным знакам, установленным гидрографической экспедицией Давыдова 1912–1914 годов.

Словно сердясь на наше вторжение, бухта встречала вас неприветливо. Вновь портилась погода. Рябивший воду хотя и несильный, но порывистый ветерок пронизывал насквозь одежду. Становилось все прохладнее, сумрачней от наплывающих грязно-серых клочковатых туч. Мои спутники, поживаясь и сутулясь, посерьезнели, нахмурились, приутихли. Уже не вспыхивали обычные подшучивания и смех. С какой-то растерянностью» оглядывали они берега. Черные, казавшиеся мокрыми склоны их с еще оголенным лесом выглядели суровыми, придавали бухте в эту пору запоздавшей весны; унылый вид. В довершение ко всему неожиданно пошел небольшой редкий снег. Даже у меня, бывавшего в этих местах, несколько померкло настроение.

Вокруг послышались пессимистические возгласы рабочих: «В какие места заехали мы, братцы? Тут, может, и лета не бывает? Почитай, вторая половина июня идет, а здесь еще зима». Геологи молчали. А пароход тем временем очень медленно, будто с опаской входил в бухту.

Снежок как начался, так же внезапно прекратился. Уже хорошо просматривался берег с выросшим небольшим поселочком Культбазы.

Летом 1928 года на этом месте стояло только два высоких треугольника (мореходные знаки), сколоченных из горбыля. Они-еще сохранились, и пароход, ориентируясь на них, шел в этом направлении к берегу. За несколько месяцев после того, как мы, участники Первой экспедиции, покинули поздней осенью 1929 года бухту Нагаева, здесь изменилось очень

немногое. Несколько шире стала площадь вырубленного от склона перешейка лиственничного мелколесья и кедрового стланика, да прибавилось два-три новых здания в поселке. Вот и все перемены. В остальном бухта сохранила свой изначальный девственный вид.

Вскоре послышалась команда с капитанского мостика, тут же заскрежетали цепи, раздались громкие всплески от погружившихся якорей. Морское путешествие окончилось. Но пришлось еще долго ждать, когда спустят на воду катер и баржи.

Мы с группой геологов продолжали стоять на палубе, рассматривая с ее высоты берега, полоску пляжа, где сустились несколько человек, стараясь столкнуть большую лодку в море. Немного поодаль от них терпеливо стояло несколько жителей поселка в ожидании высадки прибывших. Ведь приход парохода в то время был большим событием. А «Нанси Моллер» прибыл первым в наступившей навигации. Им хотелось увидеть людей, услышать вести с Большой земли, или, как тогда говорили, с материка. Всю зиму они были оторваны от большого мира. Не было почты, радио.

Геологи и некоторые рабочие стали обращаться ко мне с разными вопросами. Рабочие-конюхи, сопровождавшие наших лошадей, интересовались, где они будут выпасать их. Я рассказал им о широкой долине реки Магаданки, впадающей в соседнюю бухту Гертнера, обильной травами, а во время нереста — рыбой.

— А далече ли до туда и есть ли там какие жители? — спросил один из рабочих, Степан Пантелеймонович Кривуля — высокий, худощавый, голубоглазый, с пышным русым чубом. Прибыл сюда Кривуля с Алданских приисков. Он не был искушенным старателем и поехал скорее из-за любознательности, чтобы посмотреть на новые места, о богатствах которых начала распространяться молва.

— До места выпаса около пяти километров, — начал я пояснять. — По всей долине нет никаких поселков и стоянок местных жителей, за исключением двух чумов у устья реки. В них живут семьи рыбаков-эвенов, приезжающих сюда на большой лодке откуда-то со стороны Олы на время нереста кеты и горбуши. Они ловят рыбу в Магаданке и в реке Дукче, которая, как и Магаданка, впадает тоже в бухту Гертнера, только в противоположном левом углу ее. До ближайших же поселков примерно около сорока километров. К востоку — Ола, к западу — Армань.

— Интересно, почему же здесь никто не поселился? Есть рыба, наверное, и дичи много? — любопытно спросил Горанский.

— Эвенам здесь негде выпасать оленей — поблизости нет ягеля. Недостаточно также выпасов для лошадей и коров. Да и рыбы было бы маловато для поселка: речки Магаданка и Дукча небольшие. К тому же долина Магаданки заболочена. Обе долины замкнуты в горах, не имеют больших ровных и сухих площадок, на которых предпочитают строить поселки якуты, камчадалы и русские. По-видимому, все это вместе взятое не привлекло людей для поселения.

— А коней придется с кострами караулить, — вступил в разговор Игнатъев. Как участник Первой экспедиции, он чувствовал себя среди новичков бывалым таежником. — Здесь во время нереста медведи любят порыбачить. В прошлую экспедицию они всю ночь кружили вокруг нас. Мы с эвеном жгли непрерывно костер и несколько раз стреляли вверх из ружья, отпугивая их. Олени не отходили далеко, жались к костру. И все же на рассвете, когда нас сморил сон, одного оленя медведь задрал.

— Ну ясное дело. Самих трясло от страха, поди, жались тоже к костру. Вот медведь и задрал оленька, — с улыбкой на румянном лице подначил молодой рабочий Александр Игуменов.

Светловолосый, голубоглазый, никогда не унывающий Александр часто в часы досуга привлекал к себе внимание рабочих, и они нередко смеялись его прибауткам и шуткам. Он говорил, что у него нет отца, что он сын кухарки и поэтому его отчество Аныч, по имени матери — Анны. В нем порой больше чувствовался горожанин, чем таежник, вероятно, сказало то, что проходил он военную службу в Иркутске.

Так как выгрузка еще не начиналась, мы продолжали осматривать берега и делиться своими впечатлениями.

— Видите незанятую площадку с редкими низкорослыми лиственницами, немного возвышающуюся над пляжем? — показал я несколько правее и ниже поселка Культбазы. — Там мы и устроим наш палаточный городок.

— Там и временный склад удобно будет поставить, — поддержал меня Анатолий Александрович Горанский. — Близко подносить груз с берега, и приливная волна не достанет.

— Сразу видно ретивого завхоза. Нет, чтобы подумать, где скорее поставить кухню, сварганить жратву и угостить нас отменным обедом и чаркой по случаю благополучного прибытия, — не замедлил пошутить Каузов.

— В самом деле, заморились ведь без хорошей еды за дорогу, — немного заикаясь, включился Бертин.

— Да что Горанскому до нас, он может и еще неделю жить впроголодь. У него для этого хватит жирового запаса. Вон какие телеса, — поддержал тут же и Морозов.

Они с Каузовым всю поездку беззлобно подтрунивали над могучей фигурой Анатолия Александровича, над его незнанием экспедиционных условий и его наивной верой во всякие небылицы про Колыму.

— Ну, опять взялись зубоскалить. Уж у Каузова-то, наверное, не меньше моего жирового запаса, и здоровьем его бог не обидел. Вон какой гладкий да румяный, любая девица позавидует, — беззлобно отшучивался Горанский.

Он уже освоился со своей должностью, привык к подобному балагурству, и всерьез оно его не задевало. Тем более что он обладал большим жизненным опытом, знанием людей и завидной выдержкой.

Прислушиваясь к словесным перепалкам, рабочие придвинулись ближе и каждую реплику встречали дружным взрывом веселого смеха. «Вот и наступил перелом в настроении людей, кончилось их мрачноватое состояние», — с удовольствием отметил я.

Геологи уже с чисто профессиональной заинтересованностью продолжали осматривать склоны берегов. Оголенные, относительно редкие деревья не мешали рассматривать обнажения, выделяющиеся на гребнях среди осыпей, скалистые выходы коренных пород и другое.

— Посмотрите туда, — обратил я их внимание на наиболее высокую куполообразную гору в конце полуострова Старицкого, за Марчечанской долиной. — Это массив гранодиорита. Видите, под ее вершиной во впадинке сохранился пласт снега? У вершины над снегом чуть заметный отсюда обрывчик. Возможно, это остаток древней террасы. В 1928 году у его подножия мы находили почти окатанную гальку, правда редкую среди осыпи щебенки.

И дав им рассмотреть в бинокль, я продолжал:

— Ниже по склону долины Марчечана и далее по гребню Старицкого почти до его конца выделяются скалистые останцы — свидетели эрозии. Вполне возможно, что это древние кекуры.

— А что такое кекуры? — заинтересованно спросила Фаина Рабинович.

— Это скалы из твердых пород на морских берегах или близ них в море. Чаще конической или пирамидальной формы. В море их обрабатывают с боков волны во время шторма и больших приливов, потому у их основания образуется своеобразный пьедестал, иногда перекрытый сверху валунами, галькой. Наиболее крупный и лучше сохранившийся из кекуров находится ближе к мысу полуострова. Издали он напоминает корону, вот почему члены гидрографической экспедиции дали ему название «Каменный венец». Все кекуры расположены почти на одной высоте над уровнем моря, на более высоких горах отсутствуют. Видите, на противоположном, более высоком склоне их нет?

— Но почему именно кекуры? Ведь подобную форму скалы могли получить в результате эрозии и на суше, вдали от морского побережья? — заметил Дима Вознесенский.

— Безусловно, но косвенные признаки морского происхождения хотя бы какой-то части из них являются достаточно убедительными. Например, всякие долины на одинаковой с ними высоте на полуострове Кони без следов ледниковых отложений. Следовательно, долины этих речек оказались относительно быстро поднятыми вместе с поднятием массива полуострова. Широкая и протяженная равнина расположена примерно на той же высоте от восточного берега Тауйской губы до долины реки Ямы. Вполне возможно, что здесь был морской пролив. Никаких характерных признаков речного или ледникового происхождения в ее пределах не обнаружено. Наконец, обширная, почти плоская, со слабым наклоном равнина очень похожа на пологое дно шельфа и ограничена обрывистыми берегами моря, долиной реки Олы и нагорьем, отделяющим ее от долины реки Дукчи. Возможно, что скалистый останец на ее поверхности, названный Дмитрием Казанли «Сахарной головкой», тоже древний морской островок. Определяя там астропункт, Казанли нашел морские раковины. Впрочем, возможно, что они занесены туда позднее чайками.

Наиболее убедительным доводом в пользу морского происхождения этого рельефа, — продолжал я, видя повышенный интерес окружающих, — служит осадочная толща, слагающая современный перешеек между бухтами Нагаева и Гертнера и долинами Магаданки и Дукчи. Более полный естественный разрез осадочной толщи можно проследить в береговом обрыве, вон там, правее поселка, от середины берега до долины речки Марчекан.

— А разве не могут слои со слабоотсортированным материалом близ Марчекана быть все же ледниковыми отложениями? — спросила Рабинович.

Еще перед отъездом на Колыму в 1928 году я тщательно проштудировал довольно обширную литературу по геоморфологии и физической географии. Внимательно изучал особенности морских и ледниковых отложений, их отличительные признаки. Продолжал заниматься этими вопросами и зимой 1929 года на Среднекане. Изучал морские отложения в натуре при исследовании побережья Тауйской губы, бухты Нагаева, Гертнера летом 1928 года, а ледниковые отложения в долине реки Талой — летом 1929 года и потому уверенно заключил:

— Я склоняюсь в пользу отложений внутри спокойного пролива или глубоко врезанного в материк залива.

— Но почему? — продолжал интересоваться Новиков.

— Конечно, мои доводы требуют проверки детальными исследованиями. Но они зиждятся еще и на том, что нигде в пределах бухты Нагаева и Гертнера, как и на побережье Тауйской губы, не было обнаружено типичных и достоверных ледниковых отложений: ни ледниковых цирков, ни конечных и боковых морен, ни «бараньих лбов», ни шрамов и борозд. С очень ярко выраженными и разнообразными свидетельствами оледенения мы встретились севернее, только за Охотско-Колымским водоразделом — в долине реки Талой. Тот район мог бы служить хорошим полигоном для практики. Здесь же, в береговом обрыве близ долины Марчекана, где обнажен участок нижней части осадочной толщи вперемешку с неокатанными каменными глыбами и хорошо окатанными крупными и средними валунами и песком, — не обнаружено ни одного валуна с бороздами и шрамами, характерными для ледниковых отложений. Отложения у Марчекана подобны типичным морским осадкам в зоне прибоев и скалистых берегов.

Мои слушатели молчали: то ли их удовлетворило объяснение, то ли они раздумывали в сомнении.

— Мне представляется, что сначала уровень моря был значительно выше, — продолжал я, вдохновленный вниманием. — Затем происходило его поэтапное опускание или поднятие земной коры. Лучшим уровнем наиболее высокого стояния прошлого моря, по-моему, и являются вершины гребней с кекурами, как и высота шельфоподобных равнин. Кстати, и на левой стороне Марчеканской долины равнина со слабым наклоном и скалистым останцем на ее поверхности — тоже, возможно, склон шельфа. Ведь похоже? — спросил я, когда все повернулись туда.

— Какое-то внешнее сходство, конечно, есть, — почти одновременно отозвались Вознесенский и Новиков.

— По измерениям Гидрографической экспедиции высота гребней с кекурами около четырехсот двадцати пяти — четырехсот пятидесяти футов. Или, переведя в метры, около 130–140 метров. И если мои предположения близки к действительности, тогда раньше море покрывало большую по сравнению с современной площадь побережья. В этом случае полуостров Старицкого был в то время скалистым островом, и вокруг него накапливались отложения прибойных зон — валунов, галечников, глыб, смешанных иногда с песками. А в защищенном от штормов, относительно глубоком желобе пролива отлагались сначала донные тонкие осадки — илы, глины, которые по мере его обмеления сменялись преимущественно песками. При дальнейшем отступании моря Нагаево-Магаданский и Дукчинский проливы обмелели, обнажился и остров Старицкого, превратившись в часть материка — полуостров. С двух сторон от него сохранились современные бухты Нагаева, Гертнера и Скрытая. Вот такова, мне думается, схема истории образования современного рельефа, составленная на основании исследований летом 1928 года...

Тут мы обратили внимание, что приготовления к разгрузке почти закончились. Уже спустили на воду баржи, начали открывать трюмы, а от берега отошла лодка. Все сразу заволновались, заспешили. Наконец началась разгрузка. Участники экспедиции со всем снаряжением и лошадьми без каких-либо происшествий были выгружены с парохода на берег.

Весь день до предела был занят размещением, устройством, перетаскиванием с берега наскоро выгруженного имущества в безопасное от приливов место, его сортировкой, укрытием. Настроение у всех участников было приподнятое. Работали на редкость дружно, энергично. Особенно много хлопот было в этот день у нашего завхоза Горанского. Он организовал кухню, столовую, выделил поварих, подсобных рабочих, снабдил всем необходимым конюхов и отправил в долину Магаданки для отдыха и откормки лошадей. Провожал их туда по моей просьбе Степан Степанович Дураков, который встретил нас в бухте Нагаева.

За день на берегу вырос небольшой палаточный городок, где разместился весь состав экспедиции, за исключением рабочих, ушедших с лошадьми, да нескольких сотрудников, которые поселились в помещениях Культбазы. Большая брезентовая палатка стала /временным складом. Общая столовая была организована под тентом. Рядом, под меньшим тентом, соорудили кухню.

Не обошлось и без некоторых казусов.

— Валентин Александрович! — обратился ко мне с очень озабоченным видом Горанский. — Как же нам организовать доставку воды для обеда? Ни телеги, ни бочки у нас нет, а ходить пешком с ведрами за два километра далеко, да и долго.

— Почему за два километра? — недоуменно спросил я. — Вон в той ложбинке, около домика ветеринарного пункта, есть колодец, из которого все берут воду.

— Это совсем другое дело! — воскликнул Леонид Александрович. — А то меня совсем напугали.

Оказалось, что посланного им за водой рабочего кто-то из жителей направил на Марчекан. И он так долго не возвращался, что повариха забеспокоилась, успеет ли приготовить обед вовремя.

— А вообще, Леонид Александрович, одного колодца мало, — сказал я Горанскому. — Воду из него мы вычерпаем быстро, а накапливаться в нем она будет медленно. Потому, возможно, придется воду брать из родничков, что сочатся из берегового обрыва. Ими мы пользовались в 1928 году.

Позднее мы действительно осмотрели выход прослойки песка над слегка наклонным пластом глины, через который в нескольких местах сильно сочилась вода. И мы решили сделать углубления в глине, а может быть, и желобки, чтобы в них накапливалась вода.

— А можно ли ее пить, слой-то темный? — усомнился Горанский.

Я наполнил горсть и выпил. Вода была холодной, вкусной, лишь слегка имела привкус железа.

— Темно-коричневый цвет придают песку, вероятно, древние остатки водорослей. А вода, как видите, прозрачная.

После того как мы произвели расчистку слоя и сделали углубления, этой водой стали пользоваться и все жители поселка.

К/концу дня я успел зайти к секретарю объединенной парторганизации Александру Михайловичу Пачколину, чтобы проинформировать его об экспедиции, а также посетил администрацию и врача Культбазы, с которыми познакомился еще осенью 1929 года при возвращении Первой Колымской экспедиции в Ленинград.

Только поздно вечером были закончены самые неотложные дела. Чувствовалось общее утомление. На берегу наступила относительная тишина. Даже за ужином не было обычного оживления. После ужина скоро и вовсе все утомонились, разбрелись по местам в полупрозрачные бязевые и парусиновые палатки. Только несколько молодых рабочих под предводительством Каузова и Морозова отправились осматривать поселок и знакомиться с его жителями.

Проходя мимо палаток, я с удовлетворением отметил, что поработали все хорошо, успели сделать за день все необходимое. Я зашел к Горанскому: нужно было подвести итоги сделанному, обсудить дела и планы на завтра. Разошлись мы только за полночь...

В последующие дни происходило обживание временной базы экспедиции в бухте Нагаева: кухню, столовую, жилые палатки оборудовали простейшей мебелью, посудой и другими принадлежностями быта в стационарных условиях. Одновременно строился временный склад для грузов, а в долине реки Марчекан соорудили прочную непромокаемую землянку для хранения аммонала, небольшой складик для капсулей и бикфордова шнура, установили палатку для охраны.

Выезд геологических партий задерживался из-за необходимости дать отдых лошадям и подкормить их перед дальними маршрутами, а также из-за отсутствия вьючных седел, которые не удалось приобрести ни в Ленинграде, ни в Сибири и теперь предстояло по нашему заказу изготовить местному населению.

Мы с геологами решили осмотреть окрестности бухты Нагаева, чтобы ознакомиться с ее геологическим строением. Но главная цель этих выходов заключалась в том, чтобы обучить геологов искусству промывки проб из речных наносов и осадочной толщи в береговом обрыве при помощи лотка. Обучение проводилось под руководством опытных промывальщиков. Вместо золота в отмываемой тяжелой части шлиха оставалось много мелких зерен магнетита (магнитного железняка). Кроме того, мы подбрасывали в пробу мелкие дробинки. В задачу входило не смыть зерна магнетита и все подброшенные дробинки сохранить в лотке. Для геологов это было ново. Все приемы они проделывали старательно, даже с большим рвением, пока не приобрели достаточные навыки. Особенно скрупулезно изучал тонкости промывок Сергей Владимирович Новиков.

Погода благоприятствовала нам. Установились на редкость солнечные, по-летнему теплые дни и прозрачные белые ночи. Вокруг буйствовала зелень свежей листвы ивы, тополей и молодой хвои лиственницы. На склонах гор расцвели крупные колокольчики рододендрона. Синева чистого высокого неба отражалась в спокойной глади морской воды. В задорный крик чаек вплеталась нежная песня синиц и зябликов. К вечеру легкий ветерок приносил с гор к берегам бухты волнующий настой леса, смешанный со специфическим запахом свежести морской воды. Когда мы возвращались из дальних маршрутов, день уступал место белой ночи с ее необыкновенными, чарующими красками. На землю опускалась тишина.

..В ближайшие же дни геологи и прорабы-поисковики были ознакомлены с планом геологопоисковых работ. Затем приступили к распределению партий между начальниками. Для себя я наметил исследование кижней половины долины реки Оротукан из тех соображений, что мой участок полевой работы должен находиться как можно ближе к месту

будущей основной базы экспедиции, в устьевой части Оротукана, куда можно добраться быстрее и организовать ее строительство. Затем я охарактеризовал верхнюю половину бассейна Оротукана. Эта территория, как и выбранная мной, вероятно, подобно Среднеканской, сложена однообразной толщей глинистых сланцев, собранных в крутые складки. Толща бедна редкой, плохо обнаруживаемой фауной пелеципод триасового возраста, прорвана одним-двумя гранитными массивами и, возможно, дайками кварц-порфиоров и порфириров и пересечена кварцевыми жилами. Вполне вероятно, что в долинах самого Оротукана и его притоков будут обнаружены россыпи золота.

Как только успел я закончить характеристику района, поднялся Новиков и, несколько волнуясь, попросил закрепить эту территорию за ним. Мои наблюдения уже позволяли надеяться, что Новиков выполнит исследование скрупулезнее, чем кто-либо другой, и я согласился.

Третий район исследования — левобережье Колымы против устья Оротукана — избрал Д. В. Вознесенский. Его кандидатуру я также считал удачной, так как он уже имел опыт геологического картирования. А бассейн Оротукана и левые притоки Колымы вселяли тогда наибольшую надежду обнаружить промышленные россыпи золота.

Четвертым и пятым соседними друг с другом районами для исследования намечалось правобережье реки Малтан ниже устья Хелгы. Они были закреплены за Ф. К. Рабинович и Д. А. Каузовым.

Морозову остались на выбор или правобережье Бохапчи, начиная от устья Малтана, или бассейн Ямы на восточном побережье Охотского моря. Он изррал последний вариант.

Едовин получил назначение в Среднеканскую рудноразведочную партию еще в Ленинграде, а Казанли — в астрономо-геодезическую. После распределения начальников партий мы общими усилиями определили в каждую партию прорабов, а промывальщиков и рабочих я предложил геологам подобрать совместно с прорабами.

В соответствии с утвержденными списками состава каждой партии их начальники передали Горанскому заявки на выдачу продовольствия и снаряжения. Была установлена очередность. Первыми Получали партии, отправлявшиеся в отдаленные районы: Верхне-Оротуканская, Левобережная и Среднеканская. Несмотря на установленный порядок, на базе наступили суматошные дни. Каждой партии хотелось быстрее получить продовольствие и снаряжение, упаковать его и приготовиться к отъезду. Всех охватило нетерпение скорее прибыть к месту работы, познакомиться с отведенной для исследования территорией, успеть возможно дольше поработать и как можно больше сделать. Уже в ту пору мы отошли от дореволюционных, часто почти созерцательных исследований, ограничивающихся сбором первых данных о геологическом строении участка, встретившимися кусками руды, на основании чего во время камеральных работ делались выводы о значении обнаруженного. Мы же должны были на месте решать вопрос о практическом значении месторождения. Для этого необходимо было привести хотя бы в небольшом объеме расчистку, разведку участка поверхностными горными выработками-закопушками, канавами, а россыпи — систематическим опробованием речных долин. Мы; уже. — в поле должны были продумать, а иногда и спроектировать способы и объемы поисково-разведочных работ, чтобы определить промышленную ценность обнаруженных месторождений. Поэтому вполне можно было понять нетерпение начальников партий.

Некоторую неорганизованность вносили партии Д. А. Каузова и Ф. К. Рабинович, пытаясь получить все, не соблюдая очередности. Уж очень не хотелось им отстать от других партий: вместе не так страшно сбиться с пути в неизвестной местности, да и веселее идти. Однако Горанскому удавалось утихомирить их.

Выдержаннее всех оказался Н. И. Едовин. Ему предстояло получить громоздкое снаряжение для рудной разведки. Совсем равнодушно к подготовке относился А. Н. Морозов, что меня несколько удивляло и даже настораживало.

Пожалуй, это было самое суетливое время с начала организации экспедиции. В эти дни

не только лица начальников партий и прорабов, но и рабочих были серьезны, озабочены. Они сновали от палаток к складу и обратно, торопливо перетаскивая получаемое. Иногда с заговорщицким видом отзывали в сторонку от «посторонних» своего начальника, что-то тихо сообщали ему, и он торопливо шел к Горанскому. Получив желаемое, с ликующим видом быстрее уносили от любопытных глаз. Всеми способами члены других партий пытались вызнать, что те ухитрились получить, и, если это удавалось, шли тоже атаковать Горанского. Такая суета тянулась несколько дней.

...Воспользовавшись хорошей погодой и занятостью геологов, я вместе со Степаном Дураковым выехал в Олу и окрестные поселки для заключения договоров поделку вьючных седел, хайок по-якутски, аренду лошадей для перевозки грузов и работы в партиях, а также оленей для зимней перевозки грузов из бухты Нагаева к устью реки Оротукан, а для партии Едорина — на Среднекан.

За три дня разъездов верхом нам удалось многое сделать. Этому в большей степени способствовало наше знакомство со многими коренными жителями. После сотрудничества с Первой Колымской экспедицией у них упрочилось доверие к нам, возросли присущие им доброжелательность, гостеприимство и отзывчивость.

Заклучив успешно договоры, удовлетворенные и жизнерадостные, мы возвращались в бухту. Однако нас ждало большое огорчение. За наше отсутствие произошло два чрезвычайных происшествия. Первое и наиболее тяжелое из них — неумышленное убийство молодым рабочим Александром Пожаровым своего товарища, тоже молодого рабочего Михаила Поедавших при смене дежурства на охране складов взрывчатых веществ.

В то роковое утро на смену дежурившему ночью Пожарову приплыл с базы к устью Марчекана Поедавших на маленькой долбленной лодочке. Подойдя, он весело спросил Пожарова, не было ли каких происшествий у него во время дежурства. Получив отрицательный ответ, Михаил вдруг, посмеиваясь и подзадоривая товарища, спросил:

— А что бы ты сделал, если бы к тебе бесшумно подошел незнакомый человек?

— Ну, окликнул бы, скомандовал «ложись» или позвал бы второго дежурного от палатки со взрывателями, и мы его обыскали бы, связали до утра, — спокойно ответил Александр.

— А если, вместо того чтобы лечь, он бросился бы на тебя, оглушил камнем или палкой? Ты ни прицелиться, ни выстрелить из винтовки не успел бы, как он тебя обезоружил.

— Это ты брось! Еще как бы успел!

— А ну защищайся! — крикнул Поедавших, стараясь выбить из рук товарища винтовку двухлопастным веслом.

Пожаров моментально передернул затвор и, не прицеливаясь, нажал на спуск. Грянул выстрел. И Михаил, медленно оседая, свалился замертво в траву. Пожаров оцепенел от ужаса и ошеломленно смотрел на только что шутившего с ним друга, поняв всю трагедию случившегося...

Никаких следственных органов в бухте Нагаева и Оле тогда не было, поэтому ограничились составлением акта. По свидетельству второго дежурного было ясно, что убийство произошло без злого умысла, по глупой случайности. Акт был составлен в присутствии понятых на месте происшествия Горанским, который имел большой опыт работы следователем по уголовным делам.

Забегая вперед, можно сообщить, что на Пожарова этот случай повлиял чрезвычайно сильно. В период всей работы экспедиции он был замкнут, удручен, никогда не принимал участия в каких-либо развлечениях, и никто не мог заставить его рассмеяться и даже улыбнуться. По окончании работ, когда мы возвратились в бухту Нагаева, состоялся суд. Учитывая хорошую работу и поведение Пожарова, его осудили условно на два года.

Руководил охраной заместитель начальника экспедиции по административно-хозяйственной части Василий Иванович Серков. Серков был направлен к нам. Инцветметом перед самым отъездом экспедиции из Ленинграда. Вместе с ним был

оформлен и счетовод по фамилии Чайковский.

Держался Серков скромно, но вместе с тем как-то даже величественно. Он часто уходил на Культбазу или на стан Союззолота, расположенный на склоне холма — не очень далеко от нашего палаточного городка. Иногда пропадал там целый день. Когда же оставался на базе, присматривался к сотрудникам экспедиции, к их работе, но ни во что не вмешивался. Правда, в этом не ощущалось особой надобности, так как заведующий хозяйством экспедиции Горанский вполне освоился с работой и выполнял ее очень добросовестно. Да и сама работа шла слаженно и достаточно успешно. Коренастый, невысокого роста, очень полный, розовощекий, Василий Иванович ходил степенно, сутуля плечи и раскачиваясь, производя впечатление стороннего наблюдателя или начинающего ревизора. Он редко разговаривал с кем-либо из сотрудников и рабочих. Небольшие выпуклые глаза его, полуприкрытые веками, придавали лицу равнодушно-сонное выражение. Он-то вместе с Чайковским и стал «главным действующим лицом» второго за наше отсутствие происшествия.

Серков потребовал у кладовщика выдать ему спирт. Сначала напились вместе со счетоводом Чайковским, а затем, отстранив протестовавшего и уговаривавшего его Горанского, освободил всех рабочих от работы и устроил коллективную пьянку. Оказалось, что у него и прежде бывали запои, которые «дружески» разделял с ним Чайковский в Ленинграде, но это обнаружилось позднее. Будучи смирными и добродушными в трезвом виде, они становились буйными во хмелю.

Недостойное и тем более недопустимое в экспедиционных условиях поведение В. И. Серкова, учинившего пьянство, дезорганизовало работу на базе на два дня. Оба эти происшествия стали известны секретарю объединенной парторганизации А. М. Пачколину. Александр Михайлович настаивал, чтобы я отложил свой выезд на Оротукан, иначе, по его уверению, могла оказаться сорванной экспедиция, за что вся ответственность ляжет на меня. Он сообщил также, что партбюро считает необходимым отстранить Серкова от должности. О случившемся была поставлена в известность администрация Инцветмета.

Пришлось несколько изменить план и частично перенести С. В. Новикову исследования на нижнюю часть долины Оротукана, отложив верховья до следующего сезона. По окончании полевых исследований Сергей Владимирович, как временный мой заместитель, должен был возглавить вместо меня строительство базы. А все начальники партий, прибывающие по окончании полевого сезона на устье Оротукана, должны были передать в его распоряжение рабочих...

Спустя недели полторы начались отъезды партий. Первой выехала Левобережная партия во главе с Д. В. Вознесенским и Э. П. Бертиным. Их повел к месту сплава на Малтан якут Макар Захарович Медов, бывший проводник Первой Колымской экспедиции. От бухты Нагаева до верховьев реки Олы он вел их, по моей просьбе, совершенно новым путем (без захода в поселок Олу), по которому и сам шел впервые с наказом — провести как можно прямее, короче. Следом за Вознесенским выехали партии Новикова, Каузова и Рабинович, немного позднее партия Едовина. Последней отправилась Прибрежная партия Морозова.

После отъезда партий

В бухте Нагаева после отъезда партий остался лишь небольшой отряд хозяйственников и рабочих. Из-за трудности передвижения на вьючных лошадях вынуждены были также задержаться до установления зимнего пути Антонина Путнинг со своей химической лабораторией и с грузом взрывчатых материалов подрывник Николай Клоков с женой Лизой. Все трое были из Среднеканской партии. Небольшую часть взрывчатых материалов захватил с собой начальник Среднеканской партии Иван Николаевич Едовин, поскольку он мог самостоятельно производить взрывные работы.

Главной задачей всех оставшихся в бухте Нагаева была подготовка грузов для отправки на оленьих нартах зимним путем на основную базу экспедиции — устье Оротукана и на

Среднекан. Следовало рассортировать все грузы, соблюдая очередность их отправки, надежно и компактно упаковать, замаркировать. Ведь все было рассчитано до минимума, и малейшую потерю восполнить потом было бы просто невозможно.

Необходимо было также продолжить заключение договоров с местным населением о зимней перевозке грузов на оленях. С этой целью несколько раз мы со Степаном Дураковым выезжали верхом в окрестные поселки — Олу, Гадлю, Сопкачан и в ближайшие летние стойбища оленеводов. Во время нашего отъезда всеми делами занимался Горанский, со всей ответственностью и щепетильностью относившийся к своим обязанностям.

Обычно в осеннюю пору на побережье Охотского моря погода неустойчивая. Надвигающиеся с моря туманы плотной пеленой покрывают берега на несколько километров в глубь материка, а порой и до горных цепей. Временами сочится нудная морось, переходящая в дождь. Но случаются годы, когда в этот период устойчиво держатся солнечные дни. Вот и в тот 1930 год долго стояла чудесная пора сухой ранней осени, которая благоприятствовала подготовке грузов на базе и нашим поездкам.

Между поездками к местным жителям я совершал короткие исследовательские маршруты верхом. Однажды заместитель заведующего культбазой Николай Владимирович Тупицын предложил мне на катере отправиться к устью реки Армань. Мы с женой и рабочим Александром Игуменовым решили высадиться на острове Недоразумения, который привлек мое внимание еще летом 1928 года. Но тогда попасть на него мне не удалось.

Название этому острову дано Гидрографической экспедицией Бориса Владимировича Давыдова в 1913 году. Остров сначала был принят за часть суши. Только когда члены экспедиции подошли вплотную, чтобы заснять кромку берега и произвести замер глубины моря, оказалось, что суша отделена от берега небольшим проливом.

Нам предстояло пробыть на острове два дня до возвращения катера. За это время мы успели его обойти, осмотрели обнажения коренных пород, собрали образцы, намыли шлихи из наносов. Признаков золотоносности мы здесь не обнаружили. Но нас неожиданно поразило несходство с материком флоры — отсутствие лиственницы, заросли каменной березы, пышное разнотравье в пониженной части острова. Особенно привлекательными казались крупные ромашки. Солнечные и безветренные дни дали возможность излазить многие уголки острова и заснять их. Мы с трудом взбирались по скалистым кручам на обрывистой стороне острова, выбирая там образцы пород. На относительно плоской вершине, покрытой скудной травянистой растительностью, мы впервые близко увидели буревестника и его гнездо. На выдающемся в море каменистом выступе наблюдали колонию длинношеих черных урил — морских гагар. В небольшом заливчике между островом и недалеким берегом было полное затишье, и сюда прилетали покормиться на отмелях водорослями и планктоном стаи уток. Бегая по бережку, посвистывали кулички. Порой приплывали тюлени и, вылезая на валунистые выступы, грелись на солнце.

Поздним вечером второго дня, покинув этот крохотный, но очень интересный кусочек суши, окруженный суровым морем, мы вернулись в бухту Нагаева.

Такие короткие поездки были для меня некоторой разрядкой и хотя бы ненадолго возвращали к геологическим исследованиям. Потом снова приходилось погружаться в повседневную административно-хозяйственную работу и ожидание известий от партий. — Но конюхи с лошадьми задерживались, а они-то и должны были при-1 везти первые сведения.

Порой после нелегкого рабочего дня мы приходили-к морю полюбоваться необычайно красочным угасанием северного дня, таинством прихода ночи. С самого детства я любил провожать закаты у себя на родине, в-Среднем Поволжье. Они притягивали своей загадочностью, как притягивает пламя костра. Любовь наблюдать закаты сохранилась во мне и в последующие годы, жива она и до сих пор. И — сейчас невольно приходят на память, возможно, несовершенные, но дорогие моему сердцу строчки стихов, написанных в то время моей женой.

...Но случилось, когда меж ветвями
Осыпался осенний наряд,
Одинокий пружинил плечами,
Провожая багряный закат...

Лишь с наступлением темноты и прохлады шли мы с женой в приютивший нас домик Культбазы. Под ногами, легонько похрустывал гравий, сзади глухо шуршала о песок приливная волна, набегая на берег, всплескивала, натываясь на редкие валуны, и шипела, отступая в море: Впереди виднелись освещенные изнутри свечами палатки, из которых доносился говор, смех и песни.

Из одной слышался громкий баритон Горанского — он и после работы оставался деятельным.

Нередко в нашу комнату заходил «на огонек» Александр Михайлович Пачколин. За чаем мы вели беседы о делах экспедиции, вместе радовались успехам и огорчались неудачами. Постепенно у нас складывались с ним, взаимно-доброжелательные, деловые отношения.

А. М. Пачколин прибыл в бухту Нагаева в должности заведующего факторией АКО (Акционерного Камчатского общества) незадолго до приезда нашей экспедиции. Вместе с ним приехала и его семья — жена и два, очень славных мальчика, унаследовавших красоту от обоих родителей. Жили они в соседнем доме Культ-базы, занимая отдельную трехкомнатную квартиру. Вскоре после приезда Александр Михайлович был избран секретарем объединенной партийной организации (Культбазы, АКО, конторы Союззолота). Он имел юридическое образование, до приезда в Нагаево занимал должность прокурора во Владивостоке. Был эрудированным, интересным собеседником, располагал к себе собранностью, большой выдержкой, скромностью и вежливым обращением с окружающими. Он быстро улавливал суть затрагиваемых вопросов, делал конкретные выводы и принимал энергичные решения.

Пачколина особенно заботили условия жизни коренного населения — эвенов, якутов, камчадалов и других. Мы поражались их приспособленности к суровой природе Севера, неприязнительности в быту. Удивляла нас живучесть их суеверий, дикость некоторых обычаев. Но в то же время восхищали их честность и гостеприимство. Мне не однажды пришлось убедиться в этом за время работы в Алданской и Первой Колымской экспедициях...

Как-то летом 1927 года недалеко от наших палаток в долине притока Алдана — Большого Нимныра поставили два чума семьи эвенков. Вечером мы с рабочим зашли в чум с намерением купить оленьего мяса. Посреди чума ярко горел костер, дым струился в отверстие, оставленное в самом верху конусообразной крыши. Около очага на ветках, устилавших пол, сидели четверо мужчин эвенков и одна женщина с грудным ребенком на руках. Над очагом висел котел с варившимся мясом, а сбоку на углях стоял объемистый бронзовый чайник. Поздоровавшись с присутствующими, мы присели на свободное место и предложили хозяевам папиросы. Все эвенки, включая и хозяйку, степенно закурили. Зная их традицию не начинать сразу делового разговора, я спросил по-якутски (эвенского языка я тогда не знал):

— Как живете, товарищи?

Старший из них довольно сносно ответил по-русски..

— Ничего живем. Охота хорошая. Промыслили лося. Рассказывай, кто ты, зачем приехал, чего промышляешь?

Я попытался как можно проще, доходчивее объяснить, что мы экспедиция — это слово они знали, — приехали из Ленинграда, исследуем землю, ищем уголь, красивые камни, а также железо, золото. Составляем карту. Они закивали головами в знак того, что поняли, и почмокали губами.

Хозяйка отложила в сторону ребенка, поднялась, поставила перед нами столик на очень

низеньких ножках, на котором удобно есть, сидя на полу, и положила на его середину куски мяса из котла. Все эвенки быстро взяли по большому куску парящего мяса и начали есть. Ели они своеобразно: захватывали край куска ртом и ловким движением ножа снизу (от подбородка) вверх отрезали его и, почти не прожевывая, торопливо проглатывали. Мы были поражены их сноровкой. Ни один из них не задевал ножом ни губ, ни кончика носа. Ели мясо без соли и хлеба. Опасаясь за целостность губ и носа, мы не рискнули следовать их примеру и начали есть, отрезая кусочки мяса на столе. Это вызвало добродушные улыбки и короткие реплики эвенков. Очевидно, для них был непривычен такой способ еды.

В это время рабочий поспешно вынул полбутылки разведенного спирта из кармана, попросил кружку и, налив немного, протянул мне. Я отказался. Он передал кружку и бутылку старшему эвенку и, показывая знаками, предложил ему разлить всем.

Старший долил в кружку, выпил и, глядя на бутылку и соизмеряя, чтобы хватило всем, стал наливать небольшими порциями и передавать кружку по кругу. Все неотрывно следили за бутылкой и за очередным пьющим. На долю женщины — ей протянули последней — осталась меньшая порция, но и ее она всю не выпила, остаток осторожно, что-то тихо приговаривая, вылила в костер.

— Хозяину чума дала, чтобы не сердился, не делал нам плохо, — объяснил старик, видя, с каким недоумением и интересом наблюдали мы эту сцену.

Я обратил внимание на замшевые чехлы, висевшие недалеко от входа.

— Что в них? — спросил я.

— Иконы. Давно дал поп, — пояснил старик, — Учил молиться. Велел: пусть всегда висят в чуме. Потом больше не приезжал. Мы положили их в мешки из ровдуги, боимся попортить, когда кочуем.

Между тем мясо было съедено. Тут же все достали из карманов трубки и, набив табаком, закурили. Один из молодых эвенков затаенно закашлялся.

— Грудь больной, кровь выходит. Совсем больной, — пояснил мне старик.

— Наверное, туберкулез? — спросил я.

Старик согласно закивал головой.

Мне вспомнился рассказ доктора на заседании нашей студенческой Сибирской секции, которого мы пригласили после его поездки по Восточной Сибири с комиссией медицинского обследования народностей Севера. Он тогда сообщил, что в некоторых районах севера Восточной Сибири высокий процент заболеваемости населения туберкулезом. Это объясняется заражением от тесного общения, плохо, а то и вовсе невымытой посудой, поголовным курением — от детей до стариков, включая и женщин. При этом они курят иногда из одной трубки, пуская ее по кругу...

Вспомнился мне и наш конюх-переводчик в Первой Колымской экспедиции якут Михаил Седалищев. Он прибыл к нам с группой рабочих из Алданского приискового района. Михаил никогда не мылся в устраиваемые нами банные дни.

— Ополоснешься, сменишь белье — сам поймешь, как хорошо чистому. Будто помолодеешь на несколько лет, — уговаривали его рабочие.

— Сох, нет. Шипко жарко. Не могу. Так хорошо, учу-гей, — отнекивался Михаил, чередуя русские и якутские слова.

Его далеко не каждодневное умывание ограничивалось лишь смачиванием середины лица и глаз. Он и не купался никогда в реке или озере, даже в самые жаркие дни, потому что совсем не умел плавать. — Как же ваши рыбаки не боятся плавать по реке или даже в море? Ведь если лодка перевернется, то они утонут, раз не умеют плавать? — задал я ему как-то вопрос.

— Утонут, — спокойно ответил Михаил. — Значит, так хочет хозяин моря или реки.

Зато я также знал, что местные жители очень честные, совсем не знают воровства. У них нет ни замков, ни запоров даже в якутских хижинах, где их можно встроить. Когда хозяева хижин уходят или же уезжают на некоторое время, они просто снаружи подпирают

дверь палкой, чтобы было видно, что их нет дома. А их лабазы вообще невозможно запереть. И хранящиеся там продукты и даже ценные вещи — оружие, меховая зимняя одежда, некоторый запас патронов, продовольствия — они защищают лишь от медведя или росомахи.

Лабаз почти у всех местных жителей строится одинаково. На трех столбах примерно трехметровой высоты, расположенных острым треугольником, крепится прочный настил из жердей. От столбов-опор настил выступает настолько далеко, что медведь, поднявшись по столбу, не может достать лапой края настила и влезть на него. А сверху все имущество накрыто только лиственничной корой от дождя и птиц...

Я был также свидетелем случая, который очень ярко характеризует необыкновенную честность коренных обитателей края.

При перевозке грузов Первой экспедиции из Олы на Среднекан в конце зимы 1928 или в начале 1929 года у одного оленевода истощились олени, и он вынужден был оставить груз в тайге. Чтобы не подмок груз при начавшемся таянии снега, он сложил его на настил из накатанных бревен и прикрыл сверху корой и дощечками, снятыми с нарты. Несколько позднее мимо проезжал другой оленевод-охотник и, не имея продовольствия, решил взять немного муки. Перед тем как уехать, он затесал дерево, сделал расщеп и вставил в него щепу в виде стрелки-указателя.

Вскоре началось интенсивное таяние, образовались проталины, и я, начав обследование окрестностей нашей базы, натолкнулся на этот груз. Не зная, кому он принадлежит, но увидев затесы и щепы-стрелки (а их было несколько в указанном направлении), я прошел, придерживаясь этих знаков, километра два-три, но, не обнаружив кочевья, вернулся и продолжал прерванный маршрут. По возвращении на базу я рассказал об оставленном грузе Билибину и заведующему Среднеканской конторой Союззолота Оглобину. Но тот и другой пожали плечами, тоже не зная, чей это груз.

Спустя некоторое время к нам в барак вошел эвен и после традиционного чаепития спросил, почему мы не пришли к нему в чум по оставленным им знакам. Он ждал нас, чтобы рассчитаться, и вот теперь приехал сам. Но так как муки у него нет, сказал эвен, то он привез нам оленье мясо и рыбу...

— Удивительно честные люди! — не удержалась от восхищения Мария Яковлевна, все это время внимательно слушавшая, — и между тем сколько еще слепой веры во что-то таинственное, сверхъестественное, какая безропотная покорность перед судьбой.

— Да, и какую огромную работу предстоит нам выполнить, чтобы в корне изменить бедственное положение коренных жителей, оставленное в наследство царизмом. Нам нужно спешить обучить их грамоте, приобщить к культуре, наладить снабжение, чтобы эти народности не на словах, а на деле убедились, что только Советская власть может спасти их от вымирания, — горячо и убежденно говорил Пачколин.

...Вспоминаются вечера, когда в наших беседах принимали участие Дмитрий Николаевич Казанли и Николай Владимирович Тупицын — сотрудник Культбазы, наш сосед по квартире. Оба были искушены в литературе и истории, тем более что Николай Владимирович был лингвистом, получил высшее образование в Иркутском институте внешних отношений. Позже он увлекся геологией и много лет посвятил исследованию и поискам полезных ископаемых на Северо-Востоке. Дмитрий Николаевич был увлечен в то время произведениями Ильи Эренбурга, особенно ему нравились «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников», и он часто цитировал отрывки из этой книги. Или читал стихотворения любимого им поэта Владимира Маяковского. А то заразительно хохотал, читая отрывки из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова.

Александр Михайлович и Мария Яковлевна также любили и знали как классическую, так и современную литературу.

Уже в те годы восхищали меня в моей жене пылливость ее ума, страстная увлеченность, ее способность искренне радоваться благородству и честности людей, непримиримость к неблагоприятным поступкам. Именно в этом заключалась для меня

истинная человеческая красота, и я радовался, что она присуща моей жене. Это узнавание друг друга в ту пору стало залогом нашей большой дружбы на всю жизнь.

Свободные вечера я также много занимался чтением научной литературы по геологии, геоморфологии, физической географии, пополняя знания, полученные в институте...

Надвигалась глубокая осень. Все чаще набегали порывистые ветры, штормило море. Все зримей становился конец нашей подготовительной работы, и тем тягостнее было ожидание в бухте.

В один из таких сереньких предштормовых дней в бухту неожиданно прибыл комендант острова Завьялова (Ольского) Карл Оскарович Озолин, с которым мы познакомились в 1928 году: вместе плыли на пароходе из Владивостока — мы в Олу, Озолин с женой на остров Завьялова, чтобы организовать там питомник голубых песцов. Это был среднего роста, довольно крепкого сложения латыш, с крупными, слегка расплывшимися чертами лица, с пышной белокурой шевелюрой. На пароходе он казался вначале малообщительным, всецело озабоченным состоянием своей молоденькой жены, хрупкой белокурой женщины с очень бледным из-за совершенно непереносимой ею качки лицом. Только однажды она вышла в кают-компанию к завтраку, с трудом что-то проглотила и торопливо ушла в каюту. Больше она до конца путешествия почти не выходила оттуда.

— Трудновато ей будет выдержать здесь три года, — произнес кто-то сочувственно.

Сам Озолин, как оказалось, спасался от качки стаканом разведенного спирта и обильной закуской. С раскрасневшимся лицом и поблескивающими глазами, сосредоточенный, уверенно шагал он по палубе, время от времени заглядывая в каюту проведать жену.

На пароходе мы разговорились с ним, и он поведал о своей довольно трудной судьбе. Юношей Озолин был сослан за политические убеждения в Якутск. Там ссыльные революционеры, многие из которых были образованными, эрудированными людьми, организовали кружок и поочередно знакомили каждый со своей областью знаний всех остальных. Для Озолина, как он сам выражался, это был своеобразный университет, в котором он пополнил свое образование. После Октябрьской революции он работал в составе Иркутской губчека, но через год-полтора вынужден был уйти из-за сильной привычки к алкоголю. Чтобы как-то избавиться от постоянной тяги к спиртному, отвлечься и отдохнуть, он поселился с молодым охотником в его охотничьей избушке в тайге, далеко от города и его соблазнов. Молодая девушка, младшая сестра охотника, раз в месяц привозила им продовольствие, обстирывала обоих, готовила обед. Карл старался прививать ей знания, обучал ее грамоте. Через некоторое время они поняли, что симпатизируют друг другу, а через год они поженились. Карл вернулся в город, где поступил на работу, а в 1928 году заключил договор на организацию на острове Завьялова питомника голубых песцов.

И вот через два года мы снова встретились с ним в бухте Нагаева. Встреча была радостной, но Озолин торопился по делам и твердо пообещал зайти к нам несколько позднее. Когда Озолин снова зашел, он присел к столу и с таинственным видом вынул из кармана небольшой пакетик, осторожно и медленно развернул его.

— Как вы думаете, что это такое? — заговорщицки спросил он меня, пододвигая пакетик.

Посмотрев внимательно, я сразу узнал мелкие само-родочки и пластиночки серебристого золота. Озолин, как бы сомневаясь в моем определении, настойчиво попросил проверить и к вечеру сообщить ему точный результат.

Хотя у меня не было никакого сомнения в том, что в пакетике низкопробное золото с примесью серебра, для того чтобы убедить Озолина, я слегка промыл половину его в слабом растворе азотной кислоты, и самородки засверкали червонным блеском.

Вечером Озолин зашел к нам вместе с Пачколивым. Прямо с порога Карл Оскарович спросил:

— Ну как, проанализировали?

— Вот смотрите!

— А что вы сделали с ними, и почему другие не блестят? — заинтересовались оба.

— Промыл в слабом растворе азотной кислоты только половину пробы. Кислота растворила с поверхности серебро и тем повысила пробность-золота.

— Здорово! — вырвалось у Озолина.

И сначала Озолин, а за ним и Пачколин обратились с просьбой, чтобы я отправился на остров на катере Озолина и проверил, не золотоносны ли там речки.

— А где вы нашли это золото? — спросил я Озолина.

— В японском домике, что стоит в долине одной из речек острова. Вероятно, японцы оставили его в спешке, когда уплывали с острова на своём кавасаки, опасаясь, что проходивший катер пограничников обнаружит их. А золото, возможно, они намыли в русле этой речки.

При упоминании о японцах у меня возникло предположение, не с охотских ли приисков привезли они это серебристое золото. В свое время я знакомился с описанием золота на охотских приисках, знал вкратце их историю и то, что до установления Советской власти там хищничали японцы.

Но Озолин, а за ним и Пачколин стали убеждать меня, что необходимо поехать на остров и обследовать там речки на золотоносность. Мне и самому хотелось произвести такую проверку, и я без возражений согласился.

— Вот и отлично, — обрадовался Озолин. — Завтра в три часа я найду за вами.

— А мне можно с вами? — робко спросила моя жена.

— Безусловно, — улыбнулся Карл Оскарович. — И я и особенно моя жена будем очень рады. Ведь кроме нас на острове живут только две семьи алеутов, приехавших вместе с нами. Их женщины совсем не знают русского языка, и ей, бедняжке, не с кем обмолвиться словом. Вот для нее будет приятный сюрприз!

И, уходя, снова весело напомнил:

— Так к трем будьте готовы!

За ночь погода значительно ухудшилась. Резко усилился западный ветер. Небо заволочило рваными облаками, за ними от горизонта напознала стена темных туч. Закрадывалось сомнение, сможем ли мы при такой погоде выйти в море на углу суденышке. Но все же с нетерпением ждали прихода Озолина. Однако ни в три часа, ни много позже он не появился. Тем временем ветер все крепчал. По бухте уже катились большие волны с завихренными белыми гребнями. К вечеру, досадуя на задержку, все еще одетые по-походному, мы вышли на берег. Порывы ветра достигли ураганной силы. Не веря, что Озолин решится выйти в море так поздно и в такой шторм, мы остались посмотреть на взбунтовавшуюся стихию. Даже в бухте море глухо шумело. Пенящиеся волны далеко набегали на берег. Тучи закрывали все небо и плыли на нас сплошным пологом. Кроме нас на берег вышли еще несколько жителей, привлеченные штормом.

Надвигался вечер, когда появился Озолин, сопровождаемый доктором Лупандиным. Оба были изрядно навеселе. Озолин, шагая довольно твердо за мотористом, нес какие-то тюки с грузом. Доктор подошел к нам и стал уговаривать, чтобы мы не соглашались плыть с Озолиным в такую погоду.

— Отговорите Озолина, он меня не слушается, — убеждал нас доктор. — Вы подвергаетесь большой опасности! Ведь ветер достигает ураганной силы.

— Кавасаки небольшое, почти плоскодонное суденышко, — поддержал его Пачколин, подошедший вслед за доктором. — Его может залить и даже опрокинуть волной.

Тут подошел Озолин и, отеснив нас несколько от Пачколина и Лупандина, заговорил приглушенно:

— Вы думаете, я не знаю, что они вам наговаривают, — и почти дословно повторил. — Ветер достиг ураганной силы. В такой шторм на ночь глядя нельзя выходить в море. Вы подвергаете себя большому риску и опасности. Не соглашайтесь и отговорите Озолина, он сейчас в сильном опьянении, ему и море по колено.

Заметив мое изумление, он продолжал уже решительно и резко:

— Чудаки! Они не знают моря! Хотя Лупандин и ведет метеорологические наблюдения, он многого не учитывает. Вы знаете, какой сейчас ветер по направлению?

— Юго-западный.

— Вот именно. А к юго-западу от бухты вдается в море гористый Мотыклейский мыс. Вы должны знать это!

... Я утвердительно кивнул головой. — Горы этого мыса вместе с гористыми островами Спафарьева заслоняют от юго-западных ветров Тауйскую губу и мешают разыгрываться в ней большой волне. Наш кавасаки свободно преодолет такие волны. И, знайте, никакая опасность нам не угрожает. Ну, покачает немного, но, насколько я помню, вы с женой хорошо переносили качку на пароходе.

С восхищением я слушал его горячую тираду, невольно отмечая, как все в ней верно и логично, что даже заставляет усомниться в сильном опьянении Озолина.

— Так едем?

И я твердо ответил согласием. Мария Яковлевна тоже согласно кивнула головой, хотя, как потом мне призналась, у нее был панический страх перед водой.

Моторист включил двигатель, оттолкнулся шестом, и катер устремился к выходу из бухты.

Поездка на остров Завьялова

Японское рыбацье судно кавасаки представляет собой небольшую, почти плоскодонную самоходную баржу. Машинное отделение ее с мощным дизелем находится в трюме кормовой части. Перед ним у середины судна возвышается рубка. От нее почти до носовой части располагается трюм, предназначенный для складирования пойманной рыбы, и носовые отсеки — для сетей и канатов.

Моторист, он же рулевой, расположился на самой кромке у руля, перед открытым проемом в машинное отделение. Полулежа, он склонился над перенесенным — сюда компасом, освещенным тусклым светом фонаря «летучая мышь». Мы с женой устроились на скамеечке, укрепленной внизу перед рубкой. Озолин прохаживался перед нами и что-то рассказывал. Качка, начавшаяся при выходе из бухты, в море достигла наибольшей силы. Иногда с грохотом разбивалась о нос крупная волна, обдавая нас холодными брызгами. Сгустилась темнота. Оглянувшись назад, мы увидели лишь слабое далекое свечение над поселком Култбазы. От пронизывающего встречного ветра становилось все холоднее. Я пошел посмотреть на рулевого и немного согреться. Заглянул в машинное отделение, где шумно работал мощный дизель. С обеих сторон двигателя были прикреплены вдоль стен узкие нары. В помещении было очень тепло, но довольно душно от отработанного топлива. Посидев на нарах, я решил, что здесь можно немного соснуть. Пошел к беседовавшим жене и Озолину и предложил погреться, но они отказались. Вернувшись в машинное отделение, я лег на нары. Окончательно согревшись и привыкнув к чаду и шуму двигателя, я вскоре уснул. Сквозь чуткий сон слышал удары о борт набегавших волн, сильно подбрасывавших судно, и снова засыпал. Потом спать стало спокойнее, пока не послышалось скрежетание днища о грунт. Сон моментально прошел, и я поднялся на палубу.

Кавасаки стоял в небольшой полуоткрытой бухте, окруженной дугой гор, силуэты которых чуть выделялись на фоне темного неба. Волнение здесь было ленивое, пологие низкие волны — гладкими. К нам от берега прямо по воде кто-то шел с фонарем, переключаясь с мотористом. Подойдя к катеру, встречающий сказал, чтобы мы спускались и шли водой: сейчас полный отлив и подойти ближе к берегу не удастся.

— Ну, сходите, — поторопил он меня, ближе всех стоявшего у борта.

Поколебавшись мгновение — уж очень не хотелось намокнуть в холодной воде, — я решительно опустил якорь и действительно встал на твердый песчаный грунт. Вода была выше колен. Помог спуститься жене и Озолину.

Осторожно, боясь оступиться, мы гуськом медленно шли за фонарем метров

полтора по пологому дну. Когда вышли на полосу песчаного пляжа, глаза, привыкшие к темноте, различили силуэт удлиненного здания — склада. Озолин повел нас по хорошо проторенной тропке, вдоль шумно журчащего ручья. Вскоре подошли к — дому. Открыв дверь, мы очутились в длинном коридоре. Вдоль стены — при свете фонаря мы увидели за деревянной решеткой спящих белых кур.

— Здесь их сотня, — сказал Озолин. — А там, в конце коридора, спят козы. Их с козлятами сейчас четырнадцать.

— Зачем так много? — спросила удивленно Мария Яковлевна.

— Яйцами кур мы будем подкармливать щенят песцов. А козы — резерв на случай, если не сумеем заготовить тюленьего или медвежьего мяса для песцов на всю зиму.

Озолин широко открыл дверь, и мы очутились в просторной комнате, ярко освещенной большой керосиновой лампой, висевшей под потолком. Мы невольно ахнули, пораженные убранством длинного стола, разнообразием блюд с давно невиданными яствами. Особенно бросились в глаза большие тарелки с уложенными на них высокими горками апельсинов, редиски и куриных яиц. Рядом стояли блюда с кусками мяса, отварным свежим картофелем, ярко-красными крабами, розовыми ломтиками соленой кеты и другими закусками. На конце стола стоял паривший ведерный самовар, окруженный чайной посудой, вазочками с вареньем и конфетами.

Из столовой три двери вели в другие комнаты. Две рядом — на кухню и в спальню хозяев, а третья — в комнату, похожую на музей, а за ней четвертая — в кабинет.

— Вот эту комнату, — указал на нее Озолин, — мы предоставляем в ваше распоряжение до конца пребывания на острове. Только извиняемся: спать придется на полу — нет кроватей.

Мы поблагодарили хозяев, помылись с дороги и уселись за стол, на котором кроме яств стояли две бутылки настоящего виноградного вина.

Все выпили, с удовольствием отведали разные кушанья. Хозяин, все более оживляясь, начал рассказывать случаи из своей жизни, пока его жена не предложила нам отдохнуть. Действительно, было уже поздно, и чувствовалось утомление с дороги.

Мы быстро забылись крепким сном и проснулись лишь поздно утром. В доме было очень тихо, и отчетливо слышалось журчание ручья под окнами. Стены просторной квадратной комнаты, где мы спали, были совершенно ровные. Обитая толстым американским бежево-серым картоном, она своим строгим убранством напоминала чем-то каюту капитана. Это впечатление дополняли большой барометр, морской компас и подзорная труба, висевшие в простенке между светлыми окнами. На боковой стене были прикреплены две морские карты — Тауйской губы и острова Завьялова. Кроме письменного стола, обитого зеленым сукном, кресла и этажерки с книгами, в комнате больше ничего не было.

Уже привыкшие к доморощенной мебели в наших палатках и на Культбазе и бревенчатым стенам с пазами в домах, мы были восхищены убранством этого домика на почти необитаемом острове. В соседней комнате-музее были размещены образцы горных пород, пестрых галек, раковин, высушенных водорослей, шкуры медведя, черепа и шкурки белого песка, яйца чаек, топорков и других птиц, корявые отрезки стволиков каменной березы, каменные изделия, топор и тесло, скребки из халцедона для выделки шкур, костяные и каменные наконечники стрел и копья.

Услышав, что мы проснулись, постучалась и вошла хозяйка. Она сказала, что стол уже накрыт, но просит нас не приступать к завтраку до ее возвращения. Взяв двухлопастное весло и мелкокалиберный американский винчестер, она направилась к берегу бухты. Видя наше недоумение, Озолин объяснил, что жена пошла проверить снасть.

— Как! Ваша жена не боится плавать на долбленке по бухте? — изумилась Мария Яковлевна.

— Тут же близко. Она любит и рыбачить, и стрелять уток.

Пока мы переговаривались, появилась хозяйка с пятью-шестью рыбинами и двумя

утками. Очень быстро она сделала паштет из свежей печени трески, настолько жирный, что жир выступил до краев посуды.

После обильного завтрака мы поспешили на катер, чтобы проехать вдоль берегов. Нам хотелось успеть осмотреть и взять пробы из наносов трех речек, впадающих в море только с одной стороны острова. Опробование речек я произвел от устья вверх на протяжении полутора километров. Но всюду пробы оказались без золотинок, да и состав наносов не предвещал успеха. Затем мы направились к мысу на западной оконечности острова, где расположилось лежбище морских львов, или сивучей, как их называют иначе. Озолин хотел убить сивуча для подкормки песцов зимой.

Вскоре на каменистом берегу недалеко от мыса стали встречаться одинокие сивучи. Озолин пояснил, что это молодые самцы, которых не подпускают к своим гаремам более сильные старые львы.

— А нельзя ли мне высадиться и подойти к ним ближе, чтобы сфотографировать лежбище, прежде чем начнется охота? — попросил я Озолина.

— Конечно, — и Озолин распорядился пристать к берегу.

Все мы, кроме второго алеута — моториста, вышли на берег и зашли за небольшой выступ скалы. Озолин предупредил меня, что нужно идти осторожно, чтобы не спугнуть зверей.

Я осторожно приближался к лежбищу, снимая его сначала издали, затем все ближе и ближе. Увлечшись редким зрелищем и возможностью получить фотографии, я подобрался вплотную к гаремам. За исключением двух-трех самцов, спавших на высоких камнях немного в стороне, все животные при моем вторжении заволновались, приподнялись на передних лапах и начали издавать короткие рыки. Часть из них устремилась в море.

Неудивительно, что они названы морскими львами. Когда самцы приподнимаются на передних лапах, грудь их кажется особенно могучей, а несколько удлиненная шерсть на шее имеет сходство с гривой льва. Окраска самцов тоже очень похожа на львиную. Льва напоминает и горделивая поза сивуча, возвышающегося среди самок. Самки же имеют удлиненное, веретенообразное стройное туловище с окраской шоколадного цвета.

Едва я сделал последний снимок оставшихся еще на каменной плите сивучей, как все они нырнули в море и стали уплывать от берега. И только два крупных самца, несмотря на поднятый оглушительный рев, продолжали спать неподалеку на высоких округлых глыбах. Но и они пробудились от звука спускаемого затвора фотоаппарата и, приподнявшись на лапах, уставились на меня. Заметив, что ближайший ко мне сивуч намеревается нырнуть в море, я быстро прицелился из винтовки и выстрелил. Хотя моя винтовка обладала очень большой — пробойной силой и стрелял я достаточно метко, к моему великому изумлению, сивуч не упал замертво. Он несколько замедленно приподнялся и нырнул с высоты в море. Я быстро сбегал к берегу и только успел припасть на колени, как он вылез буквально в трех шагах от меня и замер. Раненый, дышал он прерывисто и тяжело. Чтобы прекратить его страдания, я снова прицелился, но не успел выстрелить, как услышал над собой окрик:

— Не стреляй! — сверху, на краю глыбы, стояли Озолин с алеутом.

— Будем стрелять по команде все трое. Из одной винтовки его не убить, — предупредил Озолин.

Но и после тройного выстрела сивуч снова нырнул в море и направился под водой к отлогому берегу. У самого берега огромная волна перевернула его и боком надвинула на камни отмели. Подойдя, мы убедились, что он мертв.

Алеут тут же сделал разрез вдоль верхней губы, чтобы прикрепить сивуча к тросу. С большим трудом нам удалось стащить его с отмели и закрепить, не вынимая из воды.

— Обе задачи мы выполнили. Теперь можно возвращаться домой, — подытожил Озолин, давая команду трогаться.

Но наши расчеты вернуться во второй половине дня не оправдались. Сивуч настолько тормозил движение катера, что плыли мы едва ли быстрее, чем с помощью весел. Лишь в полной темноте ступили мы на берег бухточки.

На следующий день после завтрака хозяин повел нас посмотреть вольеры с голубыми песцами и огородик, расположенный на высокой морской террасе, рядом с небольшой рощицей низкорослых искривленных каменных берез. Затем Озолин показал произведенные им небольшие раскопки на древних пепелищах. Одно из них располагалось на высокой террасе, второе — внизу, близ поселка. Под дерном в частично обожженном песке, суглинке мелкокаменной россыпи встречались остатки древесного угля, каменные изделия — тесло из базальта, изящные скребки для выделки шкур — из осколков халцедона и другие, образцы которых мы уже видели, в доме Озолина.

Позднее выяснилось, что возраст отложений и изделий 1000–1200 лет. Каменный век запоздал здесь по сравнению с Европой на 3000 лет: там он закончился 4500 лет тому назад.

Вскоре после обеда мы покинули остров Завьялова, простившись с его гостеприимными хозяевами, и на том же кавасаки отправились в бухту Нагаева.

Долгожданные известия

За время нашего пребывания на острове Завьялова вернулся в бухту Нагаева конный транспорт. Вместе с конюхами прибыл заболевший коллектор Юрий Дзевановский, который привез письма от С. В. Новикова и Ф. К. Рабинович.

Фаина Клементьевна сообщала, что провела геологическое картирование и опробование нижней части долины реки Хеты. Это задание должно было повторить мой маршрут 1929 года, но только более детально, с заходами в глубь долин притоков Хеты. Тогда не было возможности этого сделать из-за ограниченности времени и большой усталости людей и лошадей. Пробы брали мы редко, и в одной из них были обнаружены зерна касситерита. Сейчас в партии у Фаины Клементьевны был довольно опытный промывальщик Колесов, который и провел более широкое опробование. Фаина Клементьевна сообщила, что результаты опробования долины Хеты, как и долины самого Малтана, отрицательные. В долине Хеты лишь в нескольких пробах были «пойманы» мельчайшие чешуйки золота, и то по две-три на пробу, а в трех пробах — мелкие зернышки касситерита. Это подтверждали и записки от Новикова.

При первой же встрече, информируя Пачколина о результатах поездки на остров, я рассказал ему о вестях из партий и своих выводах. Если пробы брались с применением закопшек и расчисток бортов террас и при этом промывались качественно, то, очевидно, граница распространения промышленных золотых россыпей проходит где-то севернее. Следовательно, одна из поставленных задач — приблизить горнопромышленные районы к побережью Охотского моря, к бухте Нагаева, — отчасти потерпела неудачу. А эту задачу я считал очень важной. Ведь расширение добычи золота в разведанных россыпях бассейна рек Среднекана и Утиной из-за их отдаленности, при полном бездорожье и безлюдье было связано с огромными трудностями, особенно по доставке людей и грузов. Надо учесть, что добыча тогда производилась только ручным способом, поэтому приходилось завозить много людей. Если же золото было бы обнаружено в долинах Малтана и Бохапчи, расстояние сокращалось почти вдвое.

— Да, жаль, что не оправдалась эта надежда, — сказал Пачколин. — Но не все ведь зависит только от вас. Кое-что, наверное, и от природы? — заключил он, мягко улыбаясь. — Будем надеяться, что другие задачи будут выполнены успешнее.

При первом знакомстве с Александром Михайловичем многим казалось, что секретарь объединенной парторганизации слушает собеседника как-то бесстрастно, хотя и очень внимательно. Тогда думалось, что эта черта характера связана с его обязанностями партийного руководителя, которые требуют вначале присмотреться к людям, узнать их, вникнуть в их задачи. Но по мере дальнейшего знакомства с ним становилось понятно, что им движет не только формальная обязанность, но и истинная, живая заинтересованность, что за бесстрастность мы принимаем удивительную выдержку и постоянную собранность этого человека. И наша скованность в общении с ним постепенно проходила.

— А вот вторая часть письма Фаины Рабинович и записки Новикова меня порадовали, — продолжал я рассказывать. — Оказывается, отрезок нового пути непосредственно из бухты Нагаева по долинам рек Дукчи, Уптара, Хасына в верховья Олы, затем по существующей уже тропе в долину Малтана относительно легко проходимы: заболоченности мало, перевалы доступны и вполне достаточно мест с травой для выпаса лошадей. Весь путь они прошли без происшествий. Ориентирами им служили затесы на деревьях и почти всюду заметные конские следы, оставленные партией Вознесенского, которую вел проводник Макар Медов.

Значит, в приисковые районы Колымы дорога может быть проложена без особых сложностей непосредственно из бухты Нагаева — будущего морского порта. К тому же она будет значительно короче, чем существующие летняя вьючная тропа и зимник по долинам Олы и Буюнды, — закончил я свой рассказ.

При возвращении в эти места в 1929 году нам удалось спрямить и упростить путь от Среднекана до верховьев Малтана, а теперь и этот участок от бухты Нагаева. Судя по схеме, такой вариант сокращает путь от Охотско-Колымского водораздела не менее чем на 60–70 километров. Это сообщение было важным и для нас, и для объединенной парторганизации. Мы уже не раз в разговорах с Пачколиным и сотрудниками Союззолота обсуждали вопрос о необходимости срочного изыскания наиболее короткого и удобного варианта для строительства дороги, на первых порах хотя бы временки-зимника для подвоза грузов на лошадях. Об автомашинах тогда и мечтать не приходилось.

Перевозки летом на вьючных лошадях, а зимой — на оленьих нартах очень тормозили бы развитие золотодобычи. Нужно было срочно строить зимник, с соответствующими станциями для конных перевозок на санях... Кроме того, мы усиленно рекомендовали Союззолоту! избрать портом для морских перевозок вместо Тауйской косы у поселка Ола бухту Нагаева, откуда и вести; изыскания дороги и ее последующее строительство. Сейчас я снова вернулся к этому наболевшему вопросу и старался всеми доводами убедить секретаря в нашей правоте.

Я рассказал, насколько затруднительна выгрузка в Тауйской губе. Из-за прибрежных отмелей пароходы вынуждены вставать там на открытом для всех ветров рейде в 10–12 милях от берега. При этом разгрузку можно производить только небольшими баркасами, буксируемыми к берегу катером, и то два раза в сутки — в часы максимума приливов. Разгрузка из-за этого сильно задерживается, что приводит к непроизводительному простоям судов, удорожанию перевозок. В штормовую же погоду разгрузка прекращается иногда на много дней, а осенью штормы довольно часты и длительны.

Во время Первой Колымской экспедиции мы были свидетелями одного драматического эпизода, разыгравшегося буквально на наших глазах.

...Пароход «Нанси Моллер», на котором участники экспедиции возвращались из бухты Нагаева во Владивосток, должен был зайти в Тауйскую губу и забрать с Ольской рыбалки бочки с красной икрой, соленой кетой и горбушей. В Тихом океане и Охотском море уже много суток свирепствовал шторм. При подходе к «воротам» бухты Нагаева пароход раскачивало все сильнее и сильнее. По пути к Оле качка стала еще ожесточенней. Пароход был старой постройки, с довольно ПО

широким, округлым, почти плоским днищем, малоустойчивым. К тому же без груза его швыряло буквально как скорлупу. Огромные волны с шипящими белопенными гребнями с глухим ударом разбивались о борт и омывали палубу. Весь корабль содрогался, раскачиваясь и сильно кренясь то на один, то на другой бок. Часто качка менялась на диагональную. Тогда у парохода то высоко вздымался нос, то он зарывался в пучину, и вверх поднималась корма.

Все вокруг было окутано плотным туманом. С трудом опустили на бушующую воду катер с командой матросов и два небольших баркаса с одним рулевым на каждом. Но стоило только катеру с баркасами отплыть от борта парохода, как их поглотила плотная масса тумана. Прошло немало времени, пока катер снова появился у борта, но только с одним баркасом и без груза. Второй баркас, оказывается, вскоре после отплытия оторвало и унесло

вместе с рулевым. Команда катера тщетно пыталась разыскать его, то включая сирену, то выключая мотор и оставляя включенными сигнальные огни, чтобы услышать крики о помощи. Через некоторое время катер вновь ушел на поиски, которые продолжались до темноты, но снова оказались безрезультатными.

Туман и качка к утру не уменьшились, и капитан парохода, американец, принял решение покинуть Тауйскую губу, прекратив дальнейшие поиски баркаса.

На нас, немногочисленных пассажиров, этот случай произвел удручающее впечатление. Мы были возмущены бесчеловечностью капитана и команды и искренне жалели матроса-китайца, обреченного, вероятнее всего, на гибель.

Рассказав этот эпизод, я хотел еще раз убедить Пачколину, насколько неудобна Тауйская губа для разгрузки судов.

Бухта Нагаева выгодно отличается в этом отношении. Во-первых, имеется детальная карта кромки ее берегов и промеров глубин. Во-вторых, у берегов она приглуба, и пароходы могут подходить близко к берегу во многих местах. Бухта также защищена от ветров всех направлений, и разгрузку судов в ней можно производить с небольшого расстояния и почти в любую погоду. Кроме того, в бухте суда могут пополнить запасы пресной воды, для чего на речке у «Каменного венца» сделаны желоба, по которым вода может самотеком заполнять баржи, а затем перекачиваться на пароход. Здесь же сложен аварийный запас каменного угля. Защищенность бухты от штормов позволяет значительно продлить осенний срок навигации.

Из бухты Нагаева временная зимняя, а потом и постоянная дорога может прокладываться по долинам рек меньших размеров и не таких глубоких и быстрых, как Ола в низовье. Эти реки замерзают раньше Олы, следовательно, зимнюю перевозку грузов по ним можно начинать тоже раньше.

На Оле, особенно в нижнем и среднем ее течении, очень долго, почти до декабря, остаются большие опасные полыньи, а на некоторых участках, на быстрине, — тонкий лед.

Мне невольно вспомнился случай, происшедший со мной в конце ноября 1928 года. Я тогда предпринял поездку по спасению отряда Ю. А. Билибина, отправившегося сплавом по Малтану, Бохапче и Колыме к устью Среднекана. Хотя мне и не верилось в гибель отряда, но все равно нужно было срочно выехать. Даже если просто отряд застрял где-то в пути, следовало оказать необходимую помощь, захватив продовольствие и теплую одежду для всех его участников. Удалось найти всего пять собачьих упряжек, хозяева которых согласились принять участие в поездке.

Шестая упряжка была без каюра: он в то время сильно болел. И я решил каюрить сам.

Утром я выехал первым. Со мною сел наш проводник Макар Медов — он почти всегда ехал на передней нарте. Собаки бодро съехали с берега на лед реки, прикрытый тонким слоем снега. Утро было тихое, но достаточно морозное, и при движении нарт леденило лицо. Вскоре Макар, спасаясь от встречного воздуха, повернулся спиной к упряжке.

Уплывали назад занесенные берега, полозья пели монотонную песню, и ничто не оживляло пустынного ландшафта. Задние нарты отстали, и казалось, что мы одни в этом безмолвном мире. Так мы проехали десять-пятнадцать километров, как вдруг собаки с силой рванулись вперед. Я посмотрел по направлению их настороженно поднятых голов и увидел летящую вдоль берега кедровку. За ней и рвались собаки, стараясь догнать. Мне всегда нравилась быстрая езда, и поэтому я не стал тормозить остолом нарту, подумав: «Так скорее приедем к цели». Макар тоже промолчал. Но тут неожиданно раздался глухой треск ломающегося льда, и я, еще не осознав, что произошло, увидел образовавшуюся полынью с левой стороны нарты. Прямо подо мной, на метр ниже полоза, нависшего над кромкой льда, бурлила темная вода, затягивая двух провалившихся собак. Это было настолько неожиданно, что мы с Макаром на мгновение оцепенели. Но тут я заметил, как всю упряжку собак, несмотря на их отчаянное сопротивление, затягивает в образовавшуюся полынью. Псы, распластавшись, старались зацепиться за лед когтями, но тщетно.

— Держи нарту с правой стороны! — крикнул Макар и, ухватившись за край, резко

потянул нарту на себя, а я мгновенно перебрросил свое тело направо.

— Вперед! Вперед! — закричали мы и одновременно рванули нарту, вытащив отчаянно барахтавшихся в воде собак. К счастью, лед был крепким и выдержал нас. Пострадавшие собаки начали энергично кататься в снегу, часто вскакивая и остервенело отряхиваясь. Так они сушились. Затем стали выгрызать смерзшийся между когтями лап снег. Мы помогали им, раздавливая кусочки промерзшего снега.

Наконец мы двинулись дальше. Нам повезло — полынья была не очень большой, иначе затянуло бы под лед всю нарту...

Возвращаясь к нашему разговору, я сказал Пачколину:

— Вы, вероятно, знаете, Александр Михайлович, что из Иркутска приехал начальник дорожно-изыскательской экспедиции Богданов. Он принял наш вариант как один из основных для изыскания будущей дороги. А я со своей стороны в порядке помощи уступаю ему нашего отличного проводника — Макара Захаровича Медова. Как только он проведет геологопоисковую партию Вознесенского до места сплава на реку Малтан, так поступит в его распоряжение. Медов долго отказывался, говорил, что привык к нам, не хочет от нас уходить, допытывался, возможно, чем не угодил нам. Убедил его, когда сказал, что надо помочь дорожникам найти самую короткую и хорошую дорогу к золоту, что это важнейшее государственное дело. И только тогда он согласился.

— Это очень хорошо, — улыбнулся Александр Михайлович. — Настоящая взаимопомощь и выручка с вашей стороны.

— Зато мне пришлось выслушать немало упреков от наших геологов и рабочих из-за отсутствия опытного проводника, — горько усмехнувшись, добавил я. — Среди конюхов у них нет ни одного коренного жителя. Немудрено в тайге сойти со следа и заблудиться.

...По сообщению Рабинович, в начале августа к сплавному участку на Малтане собрались партии С. В. Новикова, Д. А. Каузова и ее. Партия Д. В. Вознесенского отправилась к участку работы раньше.

Начало сплавного участка они избрали ниже того, с которого сплавлился в 1928- году отряд Билибина. Вызвано это было тем, что в районе продолжительное время стояла сухая и даже жаркая погода, в результате чего реки сильно обмелели.

Опасаясь застрять на мелях, Рабинович поспешила закончить полевые работы в бассейне Хеты и спуститься до сплавного участка. Там она и застала С. В. Новикова и Д. А. Каузова, которые вместе с рабочими строили для себя баркасы. К ним присоединились и рабочие партии Рабинович, а через несколько дней прибыла партия Н. И. Едовина. Решили держаться вместе: сплав по неизвестной порожиистой реке порознь казался страшноватым. Перед тем как сплавливаясь, они объединили лошадей в караван и отправили его обратно в бухту Нагаева. Старшим назначили рабочего М. А. Лосева, который и привел благополучно караван.

Партиям предстоял трудный и опасный сплав по порожиистой, сильно обмелевшей в засушливый период Бохапче, а затем по Колыме. Об этом сплаве я имел представление из рассказов участников Первой экспедиции, сплавливавшихся на двух плотках вместе с Билибиным и Раковским в сентябре 1928 года. Сам я испытал коварство порогов лишь в 1931 году, возвращаясь на плоту после геологопоисковых работ в бассейне Бохапчи на Оротуканскую базу.

Нашим партиям предстояло прежде всего миновать очень мелкий и широкий галечный пережат в низовьях реки Малтана. Этот пережат наискось пересекает русло. Геологи Первой экспедиции дали ему название Ложечный, потому что при переправе через него «утопили» несколько столовых ложек, позднее за ним сохранилось название Широкий.

Пережаты обычно менее опасны, чем речные пороги, но преодолеть Широкий будет нелегко из-за очень быстрого течения и мелководья. Карбасы здесь придется тащить волоком., Далее встретятся семь порогов на реке Бохапче, каждый из которых коварен по-своему. Первому из порогов отряд Билибина дал название Два Медведя. Остальные получили имена участников сплава: Ивановский — в честь промывальщика Ивана Алехина,

Юрьевский — в честь Билибина, Степановский — по имени промывальщика Степана Дуракова, Михайловский — по имени рабочего Михаила Лунeko, Сергеевский — в честь прораба-поисковика Сергея Раковского и последний Дмитриевский — по имени рабочего Дмитрия Чистякова.

Названию первого порога «Два Медведя» предшествовало необычное событие. История эта малоизвестна, поэтому мне хочется рассказать о ней подробнее.

Отряд Билибина отплывал двумя плотами по три человека на каждом. На первом плыли Билибин, Алехин и Чистяков. На втором — Раковский, Дураков и Лунeko. Оба плота подплывали к порогу уже в сумерках. Небо еще освещалось бледным отсветом заката. Но долина, особенно там, где она сужалась и где неистово шумела Бохапча, погружалась в темноту, поскольку закат заслонялся гранитным массивом — Малым Анначагом. Порог расположен за небольшим изгибом русла Бохапчи, немного выше устья ее левого притока — речки Большой Мандычан. У поворота реки, перед самым порогом, правый берег резко поворачивает влево, образуя широкую галечную косу, заметно выделяющуюся на фоне темных гор светлым пятном — из-за розовой, серой и белой гальки. На этой косе сплавлявшиеся еще издали увидели два темных пятна. Решив, что это медведица с большим медвежонком, и, забыв о пороге, все стали наблюдать за зверями, а те, кто имел ружья, взяли медведей на прицел.

Плоты тем временем продолжали все стремительнее приближаться к порогу. Медведи, не чувствуя опасности, спокойно что-то вынюхивали и собирали по берегу. Вот-вот могли прозвучать выстрелы, но вдруг с первого плота раздался крик — плот наскочил на камень. Его мгновенно накрыло набежавшим валом и под крутым углом прижало течением к подводной глыбе. Тут уж всем стало не до медведей. Трое сплавщиков, идущих следом, начали усиленно отгребаться носовыми и кормовыми веслами, чтобы не наскочить на первый плот и не усугубить его положение. Они стремительно пронесли мимо застрявших и, попав на боковую струю, сместились в небольшой затон у левого берега. И тут, после того как прошел первый испуг, кто-то взглянул на косу и обомлел: на месте медведей стояли люди — мужчина и мальчик. Они стояли неподвижно, наблюдая за происходящим, и вдруг, словно поняв, какая им угрожала опасность, рванулись к лесу. С обоих плотов им кричали на русском и якутском языках, но... оба «медведя» скрылись в густом кустарнике. Когда причалили к берегу, расположились на ночевку, то вспомнили: Макар Медов как-то рассказывал о якуте Дмитрие Амосове, обосновавшемся на берегу Бохапчи со своей семьей. Видимо, это он и был. Хорошо, что не произошло беды. Искать его уже не было времени: надо было скорее выгрузить, разложить и развесить на кустах подмокший груз, затем переодеться, обогреться у костра и подсушить свои вещи. В эту ночь Билибину и его двум спутникам пришлось спать «без удобств»: вымоченные спальные мешки, вывернутые мехом наружу, висели для просушки на кольях.

Эту историю я вспомнил во всех подробностях перед отправкой наших партий и рассказал ее геологам и рабочим, подчеркнув при этом, что порог «Два Медведя» безопаснее проходить несколько левее основного стока. Обратил их внимание также на пороги Ивановский и Сергеевский — наиболее трудно проходимые, самые бурные и каменистые. На этих участках река прорезает граниты и течет с большим уклоном в довольно узких каньонах. На дне русла много глыб гранита, частично обнажающихся летом в малую воду. Именно на Сергеевском пороге в Первой экспедиции застрял плот Раковского. Поэтому я советовал геологам перед сплавом осмотреть пороги с берега и, если можно, провести лодки на канатах.

Казалось, многое было предусмотрено, подсказано, о наиболее трудных участках пути обговорено, но тревога не покидала меня. Старался успокаивать себя тем, что большая часть сотрудников экспедиции — молодые здоровые люди. К тому же в каждой партии есть один-два бывалых таежника с большим опытом работы в таких условиях. С некоторыми из них я был знаком уже по Первой экспедиции. Они многое знали, многое умели, гораздо больше, чем в свое время знали и умели мы — новички в тайге.

Глава III. На поиски черного золота

Решение принято

Через день мы вновь встретились с Пачколиным. — Есть ли у вас еще какие-нибудь новости? — вместо приветствия спросил он.

— Есть, Александр Михайлович. И довольно ценные. Дзевановский принес мне образцы сланцев. Вот посмотрите, — и я протянул Пачколину большие блестящие куски. — Дзевановский поднял их на косе реки Хасын. Это обломки черных глинистых сланцев. Видите, они содержат отпечатки окаменелых древних растений. Точно такие же я видел в Южно-Алданском крае.

— И чем эта находка ценна? — спросил Пачколин, внимательно рассматривая переданные ему образцы.

— Ну, прежде всего, мы определяем по ископаемым остаткам животных и растений относительный возраст осадочных пород. Например, вот этот веерный лист, — показал я на один отпечаток, — похожий на лист широколистной пальмы в миниатюре, принадлежит роду Гинкго, а этот, с перьями листочков, посаженных в шахматном порядке прямо на ствол без ножек, — из папоротниковых рода Кладофлебис. Для нас эти отпечатки как письма. По ним мы нередко узнаем историю образования осадочных пород. А в данном случае, Александр Михайлович, находка ценна еще и тем, что оба растения нередко встречаются в угленосных толщах, и они подсказывают вероятность обнаружения залежей угля. Смотрите, оба эти обломка совсем не окатаны рекой. Значит, они или скатились со склона долины, или свалились с обрыва и снесены рекой недалеко от коренного выхода содержащей их толщи или осыпи ее. Обидно, что конюхи торопились и Дзевановский осмотрел лишь небольшой участок реки.

— Вот это уж действительно ценно! — горячо откликнулся Пачколин. — Вы представляете, какое огромное значение имела бы находка каменного угля здесь, совсем неподалеку от прекрасной бухты?!

— Конечно! К тому же если бы уголь оказался высококалорийным и малозольным, его можно было бы использовать для судоходства, — горячо поддержал я Пачколина. — Тогда пароходам, плавающим по Охотскому морю, не нужно было бы брать с собой больших запасов угля на обратный путь и отпала бы необходимость завозить уголь с Дальнего Востока.

— Вот именно. Тем более что судоходство в будущем, и может быть очень скором, будет усиленно развиваться в этом крае. Во многом, правда, это зависит от успехов ваших исследований, — сказал Пачколин.

— Александр Михайлович, мне кажется, следует срочно сообщить в центр и попросить прислать геологическую экспедицию со специалистами-угольщиками.

— Это очень длинная история, — возразил Пачколин. — Пока будет рассмотрено донесение, принято решение, выделены средства в Ленинграде, может пройти и два, и три года. Тем более что Колыма далеко и еще не вполне ясны ее перспективы. А сделать это нужно как можно быстрее, местными силами. Вот вы не могли бы выделить такую партию из состава экспедиции, не откладывая до следующего лета? Это было бы замечательно!

Предложение Пачколина меня застало врасплох.

— Пожалуй, никто из наших геологов, да и я сам, не имеет опыта поисков угольных месторождений, — попытался я объяснить Александру Михайловичу. — К тому же наша экспедиция организована на средства Союз-золота, и ее цель — поиски золота. Переключить часть средств на поиски угля мы не можем без разрешения. Да и геологи разъехались далеко, до зимы не смогут вернуться.

— Ну, средствами, дополнительным снаряжением и продовольствием для такого

неотложного дела я, пожалуй, могу помочь вам и без запроса Москвы и Ленинграда, — продолжал Пачколин. — Ведь если найдете здесь каменный уголь, это будет иметь не менее важное государственное значение, чем открытие других полезных ископаемых. Может быть, вы сами организуете поиск до отъезда на Колыму? Подумайте! — заключил он, видя мою некоторую растерянность.

Я обещал все продумать. Предложение Пачколина меня тоже заинтересовало. Действительно, если сейчас не заняться поиском, то это важное дело будет отодвинуто на неизвестный срок, рассуждал я. Партии, вероятно, уже заканчивают полевые работы и скоро соберутся на Оротуканской базе. Нам теперь все равно нужно ждать зимнего пути: до заморозков и ледостава проехать и сплыть мы не успеем. Договоры на зимнюю перевозку заключены, подготовка грузов налажена. С завершением этой работы Горанский вполне справится самостоятельно, двух-трех рабочих можно свободно взять с собой и недели на две съездить в этот район.

Когда я поделился своими планами с Марией Яковлевной, она меня поддержала.

— Только я тоже хотела бы отправиться с тобой, — сказала она. — Буду фотографировать, записывать, упаковывать образцы. Мне нужна практика коллектора и фотографа. Ну и кашеварить, конечно, буду, — заключила она с улыбкой.

Утром о своем решении я сообщил Пачколину и Горанскому. Предложил принять участие в походе Дзе-вановскому, а также предупредил двух рабочих, чтобы они готовились к поездке. Затем мы с Горанским определили, что из вещей и продуктов необходимо взять с собой, подобрали лошадей, седла, сбрую.

Вечером, когда все сборы были закончены, к нам снова зашел Александр Михайлович. Расспросил, тщательно ли мы собрались в дорогу, не нужно ли чего. Обращаясь к Марии Яковлевне, шутливо сказал:

— Вам персонально даю в дорогу двухместную палатку, брезенты и несколько банок абрикосового компота. Ведь женщины не могут без сладостей.

Затем, повернувшись ко мне, Александр Михайлович спросил:

— Когда вас ждать обратно?

— Три-четыре дня туда и столько же обратно, — уверенно ответил я, учитывая сообщение Дзевановского о том, что от места находки сланцев с отпечатками окаменелых растений до бухты Нагаева они шли три дня. — А там — как повезет. Ведь мы должны еще исследовать долину реки Хасын, ее притоки. Поискать среди гальки и валунов эти самые сланцы и обломки каменного угля, а найдя, определить, где они размываются, откуда переносятся рекой. Придется полазить и по склонам гор. Может быть, посчастливится найти выходы пластов угля. В таком случае нам потребуется время на замеры его пластов, разных слоев осадочных пород, описание обнаженной толщи, зарисовки, сбор образцов... Необходимо сделать глазомерную съемку местности. Ведь карты у нас нет никакой.

Пачколин утвердительно кивнул.

— Думаю, что в случае удачи, — продолжал я, — нам потребуется около двух недель. Это минимально. Возможно, задержимся и на больший срок. На три, в крайнем случае четыре недели. Каменный уголь надо найти во что бы то ни стало. Вы сами заразили меня этой идеей.

— И все же постарайтесь вернуться пораньше, — мягко улыбнувшись, сказал Александр Михайлович. — Наступает осень, может неожиданно разладиться погода. Это ведь Север со всеми его причудами... Мы будем беспокоиться...

— Все будет хорошо, — заверил я Александра Михайловича.

— Эх, завидую я вам! — искренне воскликнул Пачколин. — Если бы можно было оставить все мои дела и заботы и поехать с вами. Не задумываясь поехал бы кем угодно, даже рабочим, настолько интересным и перспективным мне представляется ваше дело, ваша профессия геологов. Ведь именно ваши открытия могут стать стимулом в освоении этого, я уверен, богатейшего края.

Путь на Хасын

19 сентября 1930 года после полудня мы тронулись в путь на Хасын, рассчитывая пройти до ночевки 15–17 километров,

Перед отправкой, когда закончились последние приготовления и начали седлать и выючить лошадей, вокруг нас собрались рабочие. Те из них, кто уже имел опыт походов с выючными лошадьми, старались дать нам разные советы.

— Подтягивай сильнее, сильнее, — говорил Андрей Ковтунов молодому рабочему Николаю Рябову. — Упрись ногой в бок и тяни. Видишь, она надула живот. Всегда, бестии, надуваются, как только начнешь затягивать, — приговаривал он, сильно ударяя коня по животу. — А только отойдешь немного, подпруга, выючная веревка провиснут и начнет седло под выюком ерзать: разом собьет холку и сотрет спину коню.

— Вы, Валентин Александрович, первый день далеко не уходите. Коням нужно пообвыкнуться идти в связке цепочкой, да и вам следует всем притерпеться. Сразу с непривычки трудно долго в седле, да и пешими, — напомнил и мне Андрей.

Я все это знал уже по алданскому опыту, но согласно кивал в ответ.

За начальника в бухте оставался Горанский. Он заметно тревожился и много раз переспрашивал меня об одном и том же. Я всячески его успокаивал.

— Леонид Александрович, что вы волнуетесь? Мы уезжаем всего на две-три недели. Вернемся, когда зимние перевозки еще не начнутся. Вы пока готовьте грузы. Командуйте. Все будет в порядке.

Наконец мы тронулись в путь. Нас пятеро. У нас семь лошадей — две выючные и пять верховых. К седлам последних тоже были приторочены небольшие выючки, а в седельные сумки насыпан овес.

Едем по следам, оставленным не так давно прошедшими здесь геологическими партиями. Наш путь из бухты лежит через сопку в долину реки Магаданки, затем в долину Дукчи.

Выглядели мы все необычно. На нас были кожаные или брезентовые куртки, телогрейки. На головах — рыбацкие широкополые шляпы — зюйдвестки. На ногах — длинные, тоже рыбацкие резиновые сапоги, подвязанные к поясу ремешками. В то время здесь на Севере такие сапоги были просто незаменимы, достать их можно было с трудом, и если это удавалось, то они были предметом особой гордости.

День был ясный, но по-осеннему прохладный. Никакого гнуса. Воздух прозрачный. Дышалось легко. Впереди — четкие открытые дали с синеющими горами. Тронутая желтизной листва ив и тополей у реки, светло-зеленая хвоя лиственниц по склонам, а выше, ближе к гребням, — темная зелень кедрового стланика. Вокруг живописные полянки еще свежей изумрудной травы на фоне побуревшей долины. Легкое журчание речной воды в огромных валунах. Размеренно дробное постукивание подков...

Удивительным покоем веет от этой еще не тронутой человеком природы. Невольно охватывает чувство необъяснимой радости. Кажется, не будет конца этой ласковой ясной осени...

Я ехал впереди, всматриваясь в изредка попадающиеся выходы горных пород, иногда слезал с лошади, чтобы отбить геологическим молотком образцы. Мария Яковлевна тоже соскакивала на землю, шла за мной, помогая упаковывать и регистрировать образцы. Тем временем караван во главе с Дзевановским двигался дальше. Следом за Юрием Константиновичем ехал пожилой рабочий. К его седлу была подвязана первая выючная лошадь, к седлу которой, в свою очередь, была привязана вторая. Замыкал шествие молодой рабочий Николай Рябов. Такой порядок сохранялся нами все время.

Грунт большей частью был плотный, лошади шли довольно бойко. Когда солнце снизилось к горизонту, остановились на ночлег. Все обязанности по организации стоянки и ночевки у нас были распределены заранее, поэтому не было ни суеты, ни конфликтов. Разнуздывали и развьючивали лошадей, не снимая седел. Из выюков доставали необходимые

продукты, спальные принадлежности, палатки. Другие вьюки складывали штабелем и при непогоде прикрывали брезентом. Готовили кольца, шесты для палаток, устанавливали их, устилая внутри землю ветками, собирали дрова для костра и для печек в палатках. Затем один из рабочих, выполнявший на стоянках обязанности повара, разжигал костер и начинал готовить обед или ужин, а второй присматривал за лошадьми.

После обеда или ужина каждый мог заняться своим делом. Если позволяла погода, можно было искупаться в речке, сменить тяжелую походную обувь на тапочки или специально захваченные для сырых мест галоши.

Так было и сейчас, когда мы расположились на ночлег на берегу Дукчи. Хотя и не очень много проехали мы в этот день, но каждый с непривычки почувствовал усталость. Ужинали и пили чай неторопливо, но у костра, против обыкновения, не стали засиживаться. Как только в купах прибрежных ив и тополей упрочился сумрак, забрались в палатки и безмятежно заснули.

Ночь промелькнула как миг. И уже с первыми лучами солнца, проникавшими сквозь бязь палатки, хотя и не очень дружно, но все быстро поднялись. Умылись на берегу реки холодной до ломоты в пальцах водой. Быстро позавтракали, завьючили лошадей и отправились в путь. Нужно было спешить, тем более что, по показаниям anerоида, за ночь давление упало — это предвещало перемену погоды.

Анероид действительно не «подвел». Золотые осенние деньки внезапно сменились пасмурной погодой. Уже к полудню на перевале из долины реки Хабли в бассейн Упгара нас догнали низкие разлохмаченные облака, закрывшие солнце. А вскоре все вокруг окутал густой туман. Сразу, стало хмуро и прохладно. Но когда спустились немного по пологой долине ручья, туман поредел. Мы двигались вдоль левого края довольно узкой долины. Ее склоны поросли редкой, чахлой (признак заболоченности) лиственницей, кустарниковой ивой и березой, зарослями багульника.

Почва была сырой, местами зыбкой — за лето оттаяла мерзлота. Пришлось всем спешиться и вести лошадей под уздцы. Но идти в высоких тяжелых сапогах было трудно: ноги вязли, задевали за корни и кочки. Лошади, проваливаясь, порой останавливались, не желая идти вперед. Спуститься к руслу, чтобы пойти по гальке, не было возможности. Ручей терялся среди больших, покрытых голубичником кочек, между которыми ноги глубоко вязли в болотной жиже. В довершение всего начал сеять мелкий нудный дождь.

Под стать погоде и наше настроение становилось все пасмурнее. Двигались молча, надев плащи и натянув на головы капюшоны. Капли дробно и гулко стучали о брезент плащей. Потом влага начала просачиваться сквозь материал, стук дождя стал приглушенным, шуршащим. Постепенно промокла одежда. Сначала неприятно холодило тело отсыревшие пятна на спине, которые все больше и больше насыщались влагой, и наконец холодные струйки потекли по шее, спине, ногам... Становилось все холоднее. Закоченели пальцы рук. Стали стынуть ноги в отсыревших сапогах.

А тут еще Дзевановский решил обойти несколько выше по склону долины истоптанное вязкое место. Огибая неведомо как образовавшуюся яму» наполненную до краев водой, он поспешил, и лошадь, ступив на край ямы, соскользнула в нее. Яма была округлой формы, глубокой и конусообразно сужающейся ко дну. Ноги лошади, сжатые стенками ямы, не доставали дна. Стремясь выскочить, она напрягалась изо всех сил, дергалась, мотала головой, но от этого лишь прочнее увязала. Наконец, выдохнувшись окончательно, лошадь обреченно опустила голову. Дзевановский растерялся. Остановив транспорт, мы с рабочими подбежали к месту происшествия. При нашем приближении лошадь снова сделала слабую попытку высвободиться из страшного капкана, но, дернувшись раза два, опять беспомощно ткнулась мордой в край ямы. В скошенном на нас взгляде застыли страх, боль и призыв о помощи.

Всем было жаль это умное животное и страшно, что оно могло сломать ноги. Я предложил Юрию Дзевановскому придержать лошади голову и шею, чтобы она не дергалась, а мы с рабочими длинной палкой обследовали глубину ямы. Убедившись, что

сама лошадь не сможет освободиться, решили вытащить ее волоком при помощи ремней и веревок. Обрезали подпруги, сняли мешавшее седло. С помощью тонкого и гибкого ивового прута с трудом протащили под брюхом лошади ремень от вьюка, подхватив его со спины другим прутом с крючком на конце. Вдвоем с рабочим мы ухватились за ремень, второй рабочий взялся за хвост, а Дзевазовский за узду и по команде «раз-два — взяли!» с огромным трудом выволокли беднягу из ямы. Сначала лошадь продолжала лежать некоторое время на краю, мелко дрожа и не пытаясь подняться. Мы осторожно обследовали ее ноги. К счастью, переломов не обнаружили. Наконец лошадь, поднатужившись, приподнялась сначала на колени, а затем встала. Все с облегчением вздохнули. Через некоторое время двинулись дальше.

Вызволяя лошадь из беды, мы совсем забыли про мокрую насквозь одежду и не замечали дождя. Теперь же снова почувствовали его косые, острые струи, секшие лицо и руки. Прошло еще несколько часов, Пора было остановиться поесть, дать передышку лошадям, но заболоченный склон вес тянулся и тянулся. Казалось, не будет ему конца. Все брели понуро, напоминая нахохлившихся птиц, с трудом поднимая отяжелевшие ноги, часто спотыкаясь. Хотелось скорее спрятаться в палатку, растопить печь, переодеться во все сухое, выпить горячего чая, поесть.

Я невольно вспомнил свое первое таежное «крещение» в 1926 году по пути к месту работ Алданской экспедиции — в верховья реки Алдан. В тот день отряд покинул последний барак на зимнике, который шел к алданским приискам. В стороне от него чуть заметная тропа вела к крутому перевалу, густо поросшему кедровым стлаником. С утра дождя не было, но при подходе к перевалу он зарядил и промочил нас всех насквозь. Мы все же решили перейти перевал и спуститься к реке, чтобы сделать остановку. С перевала дул сильный северный ветер, а когда поднялись па середину горы, начался мелкий и редкий град, перешедший вскоре в частый, крупный, величиной с размоченный горох. Летевшие навстречу градины ударили больно.

Ю. А Билибин — руководитель Первой Колымской геологической экспедиция,

С. Д. Раковский начальник поискового разведрайона.

Д. В. Вознесенский — начальник геологопоисковой партии,

Ф. К Рабинович. Начальник геологопоисковой партии.

Д. Н. Казанли — начальник астрономо-геодезической партии.

Э. П. Бертин — прораб поискового отряда.

С. В. Новиков. Начальник геологопоисковой партии.

Е.И. Игнатъев— прораб поискового отряда.

Д. А. Каузов — Начальник геологопоисковой партии.

И. Н. Едозин — Начальник стационарной геологоразведочной партии.

Ю.К.Дзевановский — старший коллектор геологопоисковой партии

В. А. Цареградский — руководитель Второй Колымской экспедиции за рабочим столом.

А. М. Пачколин секретарь объединенной парторганизации с сыновьями.

Озолины и М. Цареградская.

Здания Культбазы в бухте Нагаева.

Переправа через реку.

Лошади всхрапывали, вздрагивая от ударов, бросались Из стороны в сторону, стремясь вырваться из связки. Мы изо всех сил спешили подняться па вершину и укрыться в зарослях кедрового стланика. В отряде было двое очень молодых рабочих и один коллектор, только что окончивший среднюю школу, — все коренные горожане. Им еще никогда не приходилось видеть дикую, нетронутую природу, и они явно растерялись. Все мы промокли до нитки. По прежде чем самим упрятаться в гуще стланика, нужно было позаботиться о Лошадях. На перевале было несколько лиственниц, но до них оставалось не менее полукилометра. Подойдя к деревьям, мы быстро привязали лошадей и юркнули под ближайшие кусты.

Град вскоре прекратился. Но на пронизывающем ветру мы дрожали от холода. Надо было найти хоть несколько сухих веток. Наконец с трудом разожгли костер и, когда разгорелись смолистые ветки стланика, положили лиственничные дрова. На ветру они быстро схватились пламенем, и высокие языки костра стали обжигать лицо а руки. Мы разделись почти донага и стали сушить белье п обувь. Все повеселели, раздались шутки, смех. Так прошло наше «крещение» тайгой.

И сейчас повторилось это «крещение» — все мы шли на пределе сил. Неожиданно впереди, чуть выше по склону, увидели свежесрубленный барак. Вот счастье! Это был один из первых барачков дорожи о-изыскательской экспедиции Богданова, которые они начали строить на будущем зимнике через 30–50 километров друг от друга для остановок па ночевки конного транспорта.

Мы предвкушали отдых в более или менее «комфортабельной» обстановке. Однако пас

ждало разочарование. Войдя в барак, мы увидели, что оконные проемы не затянуты бязью (в то время стекол не завозили) и ветер насквозь продувает помещение, всюду течет вода. Нары сырые, печки нет.

Кое-как натянули в одном углу барака брезент, завесили оконные проемы мешковиной, плащами, установили свою печь и затопили ее. Мало-помалу воздух стал прогреваться, наполняя барак испарениями. На печке, раскаленной докрасна, закипал большой чайник и котелок с водой для супа. Потом все с аппетитом ели необыкновенно вкусный макаронный суп, пили горячий чай. После сытной еды нас постепенно разморило, и все пошли отдыхать.

Мы с Марией Яковлевной устроились в палатке рядом с баракком. Я растопил печку, и мы смогли раздеться и просушить одежду. Проснулся от холодных капель, падавших на голову и лицо. Печь давно прогорела, остыла. Палатка пропускала мелкую водяную пыль. Крыша чуть светилась от раннего мутного рассвета. Доносился легкий шелестящий шум дождя. Очевидно, он шел с небольшими перерывами всю ночь.

Что делать? Выходить в сырой и, как оказалось, не просохшей за ночь одежде, с сырыми вьюками, ремнями, веревками, ставшими твердыми, как проволока? Не дело. А если дождь продлится несколько дней, неделю?

Пошел в барак, там тоже в углах звенела капель. Но все крепко спали. Растопил печь, сходил за водой и поставил чайник. Проснулся старший конюх — пожилой рабочий. Посоветовавшись, решили никого не будить, пока не рассветет. Если до обеда не будет просвета, придется выходить в дождь.

После завтрака кто-то, выйдя из барака, радостно крикнул:

— Дождь перестал! — Все выбежали и не узнали окружающей местности — так все вокруг посветлело.

Вскоре пылал большой костер, вокруг него на жердях были разложены вьюки для просушки, на кольях висела одежда. Мы повеселели. Небо все больше светлело, низкие тучи унесло. И хотя солнца еще не было видно, его тепло все же ощущалось.

Подсушились, пригнали лошадей и тронулись дальше. Дорога понемногу начала улучшаться, делалась твердой. Сквозь прорези туч стали прорываться солнечные лучи. Мы спустились в широкую долину большой реки Уптар. Остановились еще засветло на относительно сухой полянке. Здесь стояли высокие лиственницы, зеленела довольно свежая трава. Это было близ сорок седьмого километра будущей колымской трассы.

Наши палатки стояли немного выше будущего моста через реку Уптар. Я прошел с ружьем вверх по речке в надежде встретить уток или куропаток. Увы, река и ягодники были пустыни. Даже ни одной пичужки мне не встретилось. Это напомнило, что скоро зима.

Ночь прошла спокойно. Все хорошо выспались, отдохнули и встали раньше обычного. Сегодня нам хотелось пройти больше, хотя и предстояло преодолеть крутой перевал. Еще котловина долины оставалась в тени, когда, торопливо позавтракав и снарядившись, мы тронулись к перевалу. Он оказался коротким отрогом гор между реками Уптаром и Хасыном, неподалеку от их слияния. Его можно было свободно обойти по долинам притоков с более пологим уклоном, что позднее и сделали изыскатели-дорожники. Но Макара Медов, который еще в июле вел наши партии, сам шел этим путем впервые и, выполняя задание — провести геологов от Нагаева до реки Малтан как можно прямее и короче, — спрямил дорогу. Сейчас мы повторяли его путь.

Перевал оказался довольно высоким, с крутым подъемом. Позади осталась залесенная чаша котловины. По другую сторону водораздела прижималась к нему долина речки, сливающейся чуть, ниже с рекой Хасын. Позднее эта речка была названа Палаткой. Верховья Хасына уходили круто на северо-восток и терялись там в грядках гор, подернутых синеватой дымкой.

В нескольких десятках километров от нас на северо-западе возвышалась расчлененная горная цепь — Уптар. На голубоватых ее вершинах просматривались белые пятна снега; С высоты птичьего полета освещенные полуденным солнцем бескрайние просторы представляли поистине чарующее зрелище. Оно окрыляло и невольно пробуждало чувство

гордости за человека, пришедшего сюда исследовать эту дикую природу. И вместе с тем необъятность и пустынность рождали чувство затерянности в этом огромном таежном мире.

Кругом на сотни километров полное безлюдье. Как ни всматривались мы в ближайшие участки долин, нигде, даже с помощью восьмикратного бинокля, не могли обнаружить ни юрты или чума, ни дыма костра, ни вьющейся тропки.

Спуск оказался еще более крутым, и, хотя мы старались избежать крутизны, продвигаясь по диагонали, лошадям приходилось трудно.

Нашим временным пристанищем стала небольшая, покрытая низкой травой и опавшей хвоей терраса, окруженная толстыми высокорослыми редкими лиственницами. На этом участке реки Дзевановским и были найдены образцы черных сланцев с отпечатками растений.

Погода была ясной и не грозила переменой. Решили до вечера осмотреть ближайшие окрестности и взять несколько проб из наносов реки. И вот у кромки подмытого берега, у самого уреза воды, я усмотрел небольшие выступы коренных пород, выделяющихся своей темной, почти черной окраской. Это и были углистые аргиллиты, гальку и обломки которых мы до сих пор тщательно искали. Отбивая от выступов все новые и новые глыбы и тщательно рассматривая их под лупой, мы наконец увидели в некоторых из них растительные остатки, подобные найденным ранее Дзевановским. Это была уже какая-то, хотя и далеко не полная, удача. К сожалению, поблизости не нашли больше ни одного обнажения коренных пород. А найденное обнажение чуть выступало из воды, поэтому обнаружить прослойки угля, если они и существовали, без бурения было невозможно.

Тем временем солнце опустилось за горы, и в наступившей вечерней прохладе мы возвратились к палаткам. Стан был уже построен, почти обжит и выглядел уютно. Ярко горел костер, и около него парил кипящий чайник. На притухшей печи стояли сдвинутые к краю кастрюли, и Мария Яковлевна допекала на сковороде лепешки. Немного в стороне от костра был сооружен стол из вьючных ящиков. На расстеленном брезенте лежали вьючные мешки и седла вместо стульев.

На этот раз мы долго сидели у большого костра, несколько возбужденные удачным переходом, который завершил первый этап нашей поездки. Незаметно надвигалась ночь. Видимый вокруг нас мир постепенно сужался, пока не замкнулся в довольно тесный круг освещенной костром поляны. За его пределами все поглотила таинственная темнота с настороженной тишиной. Улавливался слабый шорох, удар упавшей шишки или ветки. К осеннему аромату ночного леса примешивалась своеобразная душистая свежесть, идущая от реки, и такой знакомый, чуть горьковатый запах дымка.

Стало заметно прохладнее. Все придвинулись плотнее к меркнувшему пламени, расшевелили костер, и он снова ярко вспыхнул. Как часто заменяет он нам, геологам, тепло солнца. Как по-домашнему уютно, тепло и спокойно возле огня после длительного и трудного рабочего дня. Хороши вечерние часы у костра, когда течет неторопливая беседа. А сколько спето песен и прочитано стихов под аккомпанемент стреляющих головешек!

Утро выдалось ясное, чистое. На небе ни единого облачка. Тишина. Все вокруг как будто продолжало дремать. Неподвижно зависшая пелена тумана над поймой реки скрывала пасущихся там лошадей. Лишь слева от нас на северо-западе высветлились солнцем вершинки далекого леса и горы.

Но было уже довольно прохладно. Без телогрейки или куртки пробирала дрожь, хотя ни на прибрежных отмелях, ни на траве следов заморозка еще не было. Стояла благодатная, но обманчивая пора не то уже ушедшего лета, не то долгой ранней осени.

После торопливого завтрака мы с Дзевановским и женой уходим на поиски. Мария Яковлевна успешно освоила нехитрые обязанности коллектора. Идем по отмелям русла, по косам, островкам, переходим речку и направляемся к обрывистым стенкам высокой террасы на правом берегу. Всматриваемся, разбиваем геологическими молотками гальку, валуны, обломки из осыпи с гор и из обрыва террасы. Вначале изредка встречалась галька черных сланцев, но каменного угля и даже углистых аргиллитов не было. Берем и промываем пробы

на золото с кос и из обрывов террасы, но ни золотинок, ни других крупинок тяжелых минералов или металлов...

Пройдены вверх по долине реки Палатки уже 10–12 километров, а результаты исследований отрицательные. Глазомерная съемка (карту нужно было изготовлять самим), «вытаптывание» кос и берегов, тщательное изучение гальки, опробование, зарисовки, фотографирование и другие процессы поисковых работ отнимали много времени. Возвращались ближе к вечеру. Шли уже медленнее, неся за плечами довольно увесистый груз образцов горных пород.

В ожидании нас рабочие сидели у чуть тлеющего костра. Торопливо сняв с плеч тяжелые рюкзаки, полевые сумки и другое снаряжение, умылись и принялись за ужин. Рыбу поймать не удалось, и суп ели из сушеных овощей и мясных консервов.

Немного отдохнув, принялись приводить в порядок все собранные образцы. При свете яркого костра я вычертил наш маршрут, нанес условные геологические знаки, отметил места взятия и номера образцов проб. Первый трудовой день был закончен.

Ночь была холодной, с первыми заморозками, у берега образовались узкие кромки льда — забереги. Лужицы на косе покрылись прозрачным хрупким ледком. Как-то звонче журчала на быстринах река.

На следующее утро мы направились вверх по реке Хасыну, но результаты поисков и здесь оказались отрицательными. Единственный интерес представляли обнаруженные довольно мощные кварцевые и кварц-кальцитовые жилы в правой террасе реки Палатки, недалеко от слияния ее с Хасыном. Из этих жил позднее добывался чистый молочный кварц и кальцит.

Этот вечер был молчаливым. Всех несколько омрачала неудача с поисками. Ночью стало еще холоднее и заморозки крепче. Утром долго не таяли кромки льда у берегов. Явственнее проступали признаки осени. Леса и кустарники начали заметно желтеть, трава жухнуть. Острее почувствовалась пустыньность природы. Совсем исчезли птицы, зверьки. Мы не видели и не слышали ни одной пролетающей в вечернем или утреннем небе стаи уток, гусей или лебедей. Очевидно, перелет их к югу уже закончился.

Мы старались подбадривать друг друга как могли. Острили, шутили. И все же отсутствие успехов огорчало.

Нужно было продолжить поиски еще ниже по долине, чтобы в случае окончательной неудачи быть уверенным хотя бы в том, что нами сделано все возможное для отыскания месторождения каменного угля в близлежащих окрестностях.

Но было также очевидно, что пора возвращаться в бухту Нагаева. Теми методами, которыми мы обследовали участки, продолжать поиски было нецелесообразно. Нужны фундаментальные поисково-разведочные работы с большим объемом расчисток, канав, траншей и бурения. Пугало и скорое наступление дождливой погоды. Да и продовольствия оставалось маловато. Ни дичью, ни рыбой мы ни разу не могли его пополнить.

Я все чаще подумывал: что, если возвращаться в бухту Нагаева не прежним путем, а спуститься вниз по реке, продолжив осмотр долин и склонов? Эта река вероятнее всего приток Армани, впадающей в Охотское море почти против острова Недоразумения. Мы видели ее устье, когда совершали поездку на этот остров. От выхода из бухты до ее устья нет больших рек, поэтому уклониться далеко мы не можем. Ну, пусть на день-два будет дольше, чем шли сюда. Зато пойдем по новым местам, а это очень заманчиво. По пути продолжим поиски, хоть и менее детальные. Может быть, там и обнаружим выходы угленосной толщи. Кроме того, в устье Армани довольно часто приходит катер Культибазы за рыбой и икрой к рыбакам поселка Армань. С попутным катером мы можем перевезти свой груз и сами перебраться в бухту Нагаева, конюхи же легко перегонят лошадей без вьюков. Постепенно решение крепло, и я объявил, что на следующее утро отправляемся в обратный путь.

А утром произошла непредвиденная задержка. Среди спокойно пасущихся лошадей одна лежала на земле мертвой. От истощения она погибнуть не могла — травы, еще зеленой, на обширной пойменной террасе было довольно много. Лошади были привезены из

Западной Сибири, и они, подобно якутским лошадям, постепенно привыкали к местному подножному корму. За эти дни мы дважды подкармливали их остатками овса. Вода была рядом. Никаких следов зверя на земле и на песке не обнаружили, повреждений на туловище тоже. Да и остальные паслись спокойно неподалеку, видно было, что никто их не разгонял, не пугал.

Мы были ошеломлены и очень обеспокоены этим происшествием. А вдруг лошадь погибла от сибирской язвы? Значит, такая же участь ждет остальных. Да и люди не застрахованы от этой страшной болезни.

Так и не выяснив причины смерти лошади, тревожные и огорченные, мы отправились в обратный путь.

День, как и предыдущие, был тихим и ясным. Воздух особенно прозрачен, как это бывает в пору золотой осени. Далеко в Поволжье, где я родился, провел детство и юность, в такую пору в воздухе плывут нити паутины, резные листья кленов ярко отливают красными и желтыми красками. Я любил время бабьего лета не меньше весны. Природа словно давала отсрочку промозглой предзимней слякоти. И эта яркая, празднично-нарядная пора была особенно дорога от горестного сознания, что она очень коротка и быстротечна, как быстротечны последние дни удачно сложившегося отпуска или минуты расставания с дорогим человеком...

Мы ехали поймой вниз по реке, мимо крутого левого склона долины, вдоль которого позднее была проложена трасса, обходящая крутой перевал. Затем поднялись на подступившую к реке высокую террасу и продолжали продвигаться по ее кромке.

Темно-гнедой с белой звездочкой на лбу, высокий и статный конь по кличке Сокол широко и легко шагал длинными ногами, время от времени осторожно поводя ушами. Сокол за лето привык ко мне. Слушался малейшего движения поводьев и прикосновения ног к бокам. С готовностью откликался на зов или свист и, смотря преданно и вопрошающе, тянулся к протянутой руке, шевеля трепетными ноздрями. При остановке стоял рядом или шагал следом с закинутыми на шею поводьями.

Глазомерную съемку маршрута я поручил Дзевановскому, а сам тщательно осматривал в бинокль окрестности. Вскоре долина расширилась, русло реки скрылось за залесенными островами и пойменной террасой. Я с досадой отметил, что никаких выходов на поверхность горных пород издали видно не будет.

Поднялось и начало пригревать солнце. Неожиданно в синеве неба я увидел высоко и плавно парящего беркута. В пронизывающих лучах солнца крылья птицы становились золотисто-коричневыми. Его внезапное появление на фоне пустынного неба было столь неожиданным и так поразило меня, что я остановил лошадь и некоторое время следил за его парением. Широко распахнутые крылья его были почти неподвижны и лишь слегка кренились при поворотах внутрь плавного круга. Он то взмывал ввысь, подхваченный восходящим потоком воздуха, то опускался к вершинам деревьев, высматривая на полянах добычу. Полет был необычайно красивым, легким, и потому, как в детстве, невольно возникала зависть: «А почему мы не умеем летать? Как легко и быстро можно было бы сейчас облететь все окрестности, высмотреть все обнажения горных пород, опуститься где нужно, обследовать и спокойно вернуться в бухту Нагаева».

По аналогии возникли мысли о фотосъемке с высоты. Я давно уже мечтал об использовании для этой цели небольших воздушных шаров. На них можно было бы поднимать на определенную высоту уравновешенный и направленный строго по вертикали один или несколько фотоаппаратов с часовым механизмом. Этот способ отлично мог служить для уточнения и детализации глазомерной съемки, особенно если на земле оставить заметные с высоты знаки: палатку или квадраты брезента на промеренных лентой расстояниях. Это позволило бы потом определить масштаб. На фотографии были бы отражены изгибы рек, ручьев, впадающих в них, холмы, склоны долин, выходы на поверхность горных пород и многие другие детали, которые невозможно отразить при помощи одной глазомерной съемки. А нам так необходима была детальная карта. Однако

даже такая примитивная аэрофотосъемка в то время оставалась неосуществимой мечтой.

...Дробный топот копыт догонявшего каравана вернул меня к действительности. Надо было спешить. Пока еще стояли погожие дни, необходимо было добраться до побережья Охотского моря как можно скорее.

С присутствием геологам, географам, изыскателям дорог обостренным вниманием я продолжал наблюдать за малейшими изменениями местности. Сквозь прогалину между деревьями я сначала машинально зарегистрировал резкое изменение противоположного обрывистого берега. Всмотревшись, обратил внимание на его полосчатую окраску, а через бинокль уже отчетливо увидел, что относительно светлая рыжеватая стена обрыва пересекается параллельными черно-серыми полосами. Было ясно, что это обнажение слоистой толщи, сложенной либо осадочными, либо вулканическими породами. Но если это осадочные отложения, то черные слои могут быть и каменноугольными...

Как у охотника, внезапно увидевшего долгожданную дичь, у меня на миг замерло, а потом часто-часто забилося сердце в предчувствии удачи. Я оглянулся. Наш караван быстро приближался. Сделав знак Дзевановскому, чтобы следовал за мной, я спустился в пойму, пересек реку и, поторапливая Сокола, подъехал к обрыву. Сомнений больше не оставалось. Обрыв слагался осадочной угленосной толщей. Черные, матовые и глянцево-блестящие полосы были пластами угля. Это подтверждали и обломки в осыпях у подножия обрыва. Спрыгнув с коня и торопливо разбив молотком несколько крупных камней, я положил куски в карман. Затем перешел по мелкому узкому протоку на расположенный чуть ниже по течению остров. Место было удобным — ровная плотная полянка, рядом хорошее пастбище для лошадей с питательной травой — пыреем. Я подал знак подъехавшим товарищам, чтобы располагались здесь на стоянку.

Все недоуменно смотрели на меня, ожидая объяснения причины неожиданной остановки. Я осторожно вынул из кармана куски угля и торжественно сказал:

— Обнаружена угленосная толща!

С нескрываемым интересом товарищи стали рассматривать, передавая друг другу, куски каменного угля, ради которого мы отправились сюда. Все оживленно переговаривались, счастливо улыбались. Радость была не меньше, чем у золотоискателей при виде первых найденных золотин.

Теперь до вечера надо было успеть расчистить пласты угля и все слои вмещающих пород, потом замерить, зарисовать обнажение, отобрать образцы, собрать ископаемую флору и все задокументировать. Одним словом, дел было много.

К обрыву пошли втроем — я, Мария Яковлевна и Дзевановский. Протяженность обрывистого берега с обнаженной толщей достигала примерно двух-трех десятков метров. Выше по реке он был сплошь покрыт осыпью и местами задернован. Ниже по течению угленосная толща неожиданно обрывалась в результате тектонического смещения. Вверху обрыв заканчивался на высоте примерно пятнадцати метров, переходя в более пологий склон горы, покрытый осыпью камней, сильно задернованный и местами поросший густым стлаником.

Вначале мы лазили по крутому обрыву торопливо, забыв об опасности, охваченные нетерпеливым желанием быстрее составить общее впечатление и дать месторождению предварительную оценку. Пласты угля по большей части матово-черные, плотные и, очевидно, многозольные, мощностью в несколько десятков сантиметров, в отдельных местах достигали почти метровой толщины. Внутри пластов встречались тонкие, до 8—10 сантиметров, линзы и гнезда легкого, очень блестящего черного угля, похожего на твердую смолу или черное стекло.

Когда несколько спал первый порыв, мы перешли к планомерному исследованию. Стали производить замеры, зарисовки, последовательное описание слоев пород, слагающих этот обрывистый берег. Порой подобраться к нужному участку с обнаженными слоями было очень трудно из-за крутизны или текучих осыпей щебенки. Приходилось молотком или кайлом выбивать ямки — ступеньки, поддерживать и тащить друг друга. Бывало, что кто-то

из нас срывался и скатывался вниз вместе с осыпью, но снова упорно карабкался вверх, стремясь не отстать от других. Ноги у всех были в ушибах, руки в ссадинах и порезах, но в азарте мы не замечали ни боли, ни усталости, ни времени. Между тем проходил час за часом. Солнце склонялось к горизонту — дни были уже по-осеннему короткими. Дважды приходили из лагеря звать нас обедать, но мы не могли оторваться.

Только когда солнце скрылось за лесистыми горами и в долине сразу потемнело, мы нехотя и вместе с тем с радостным чувством облегчения разогнули спины. Ломило поясницу, ныли руки, ноги подкашивались. Постояв несколько минут и полюбовавшись закатом, занимавшим чуть не треть неба, и высветленной гладью широкой реки, мы медленно спустились с обрыва и побрели к стоянке. Хорошо, что она была совсем рядом.

Здесь нас ждала полная идиллия. Горел костер, среди расставленных мисок возвышалась горка свежеспеченных лепешек, распространялся аппетитный запах от макаронного супа. Это были старания дежурного «повара» старшего рабочего дяди Вани, который отличался умением вкусно готовить.

Он прибыл к нам с группой зейских старателей, быстро завоевал авторитет у молодых рабочих, и они уважительно стали называть его дядей Ваней. Был он среднего роста, кряжист, с крупными руками, крепкими кривоватыми ногами. Движения его хотя и были неторопливы, иногда неуклюжи, но делал он все ловко и основательно. Выглядел он старше своих сорока трех лет, на вид был суровым и молчаливым. У него было открытое русское лицо, слегка приплюснутый нос и крупный рот, обрамленный русой бородкой и короткими усами. Старшим среди рабочих он стал благодаря безотказной исполнительности и сообразительности. Эти качества плюс многолетний опыт и позволили Горанскому рекомендовать мне в Хасынскую экспедицию дядю Ваню.

...Сняв тяжелые, наполненные камнями рюкзаки и умывшись холодной водой, мы с наслаждением расселись по краям брезента у ярко вспыхнувшего костра и принялись за еду. На этот раз был роскошный десерт: по случаю открытия угленосной толщи вскрыли две последние банки абрикосового компота. Было так хорошо, как никогда.

Хотя дальнейшую работу решили отложить до утра, я все-таки не утерпел и взялся за записи. Мария Яковлевна и Юрий Константинович вместе с рабочими принялись разбирать и надежно упаковывать собранные образцы и пробы угля. Незаметно в тихих разговорах наша работа подошла к завершению: я сделал записи в дневнике, а им осталось сложить упакованное во вьючный ящик.

В этот вечер у костра поведал нам свою исповедь дядя Ваня. Рассказывал он тихо, глуховатым голосом, неторопливо, словно не сразу все припоминая:

— Был я дважды женат, но ни одной жены нет в живых. Первую убили колчаковцы вместе с тринадцатилетним сыном. Мальчонка заступился за мать — вцепился зубами в пьяного казака. А перед этим отца повесили за то, что я тогда в партизанах был.

Вернулся — семьи нет, дом сожжен, все хозяйство разорено. Мать ютится у чужих. Пошел белковать, работал в наем. Кое-как построил избенку. Забрал мать, снова женился. Чтобы заработать, ходил на Зейские прииски. За это время родился сын. За год заработал немного, купили на это коровенку да справили одежду. Начал работать дома по хозяйству. Летом крестьянствовал, зимой уходил белковать в тайгу. Жизнь стала налаживаться. Через год с лишним после сына родилась дочка. Но опять пришло горе: после родов умерла жена. Остались вдвоем со старухой матерью и двумя малыми детьми: двухлетний сынишка да дочка грудная. Спасибо соседке — помогла выкормить. Затужил. Хозяйство плохое, работник один, прокормить семью трудно. Только и подмога, что корова. А тут слух прошел, что на Алдане нашли несметные богатства золота. Зарабатывают хорошо. Уговорил один односельчанин. Бойкий такой мужик был, несколько раз ходил на прииски. И мы с ним подались на Алдан. Заработали не так чтобы много, но хозяйство можно было поправить. Лошадь купить, одежду всем справить. Вскоре по возвращении пришли соседи отметить приезд. Посидели, выпили как следует, закусили. Оно вроде и довольно, да подошел еще народ — приисковые ребята. Еще выпили. Попросили показать золото. Надо бы

отговориться, а я показал и положил за божницу: мать держала икону в переднем углу. Пьяный уже был. Мне немного надо, я редко выпивал и много не пил. А тут сплоховал, поддался на радостях, уговорили. Притащили браги, самогона. Выпил с ними через силу еще и ничего дальше не помню. Очнулся на сене в сарае. Не помню, как очутился там. Чую, проспал долго. Встал. Голова чумная, руки дрожат. Пришел в дом. Мать на печи стонет, детей соседка увела. Выпил огуречного рассола, поел квашеной капусты. Очухался немного, вспомнил, что мешочек с золотом не прибрал. Посмотрел за божницей — нет. Пошарил по карманам — нет ни золота, ни денег никаких. Спросил мать. Говорит, не знает, не видала, не прибирала.

Погоревал, потужил, поругал всяко себя и дал зарок не водиться с компаниями и не пить. Мать плачет, причитает, клянет меня за дурость. Тошно совсем мне стало. И вскоре уехал поправлять дело опять на Зейские прииски. На Алдан больше не пошел.

На прииске прослышал про вашу экспедицию на Колыму от Петра Майорова. Он работал промывальщиком в вашей Первой экспедиции. Приезжал на побывку. Да вы же поручение ему прислали, чтоб подобрал с собой надежных рабочих в эту экспедицию. Вот я и попросился у него. С ним и приехали...

Как подумаю о матери и детях моих горемычных, так сердце тоской заходится. Сыну седьмой годок пошел, пора в школу. А дочке пятый. Славные такие растут. Хочу обязательно довести сына до какого-нибудь учения. Чтобы специальность была, не маялся, как я — ведь только три класса прошел...

Мы долго молчали под впечатлением грустного рассказа дяди Вани. Все искренне стали заверять его, что вернется он к семье и займется воспитанием своих детей, станет опять хозяином в доме.

Так за разговорами вечер незаметно уступил место ночи. Долина погрузилась в темноту. Лишь вверху, сквозь кружевные вершины ив и тополей, куда тянулась струйка дыма от костра, был еще виден призрачно-слабый свет и редкие звезды. Костер догорел. Над тлеющими углями вспыхивали отдельные короткие языки пламени. Становилось все холоднее. Нехотя мы поднялись и разошлись по палаткам.

Проснулся я внезапно. И тут же почувствовал, что рядом с палаткой кто-то стоит и дергает растяжки. Затаив дыхание, я прислушался и понял, что возле палатки лошадь. «Наверное, запуталась в растяжках», — подумал я и вышел помочь ей освободиться. Протянутой в темноте рукой я наткнулся на лошадь и почувствовал, что она мелко дрожит и слегка покачивается. На тихий окрик и похлопывание лошадь никак не реагировала. Тогда я разворошил костер, подбросил сухих веток и при вспыхнувшем пламени рассмотрел, что это Сокол. Он продолжал стоять у самой палатки, как-то неловко расставив передние ноги, покачиваясь и дрожа всем телом. Голова была опущена, и он не поднимал ее на мой зов. Поначалу, решив, что он дрожит от холода, я перенес горящие головешки ближе к лошади и подложил побольше веток. Но Сокол продолжал дрожать и никак не реагировал на горящее пламя. Из глаз его текли крупные слезы. В какой-то миг Сокол зашатался еще сильнее, ноги его подкосились, и он завалился набок возле палатки.

Услышав шум, вышла заспанная и встревоженная Мария Яковлевна, а из соседней палатки — дядя Ваня. Узнав о несчастье, он также встревожился — вторая лошадь погибает неизвестно отчего. Дядя Ваня пошел проверить, не погибли ли другие. Но вскоре он вернулся и сообщил, что остальные живы, мирно пасутся.

Спать мы больше не могли. Все были подавлены случившимся. Высказывали всякие предположения, догадки, опасения. Всех охватила тревога: успеем ли добраться...

Теперь у нас оставалось пять лошадей. Можно было ехать верхом только двоим: дяде Ване, ведущему караван, и кому-то из нас замыкающим. Все лошади, в том числе передняя и последняя, были нагружены вьюками. Я сразу отказался от езды, решив идти пешком. Николай тоже. Следовательно, чередоваться оставалось Марии Яковлевне и Дзевановскому...

Шли в этот день торопливо, ненадолго останавливаясь на привалы. Погода заметно

ухудшилась. Усилился встречный ветер. К счастью, крутой берег закончился после поворота реки, и мы шли опять вдоль поймы. Противоположный берег был более просторным и ровным. Решили перейти через русло по широкому, казавшемуся мелким перекаату. Вместе с дядей Ваней благополучно добрались до мели на противоположном берегу. Течение было настолько сильным, что, если бы не шесты, нас сбilo бы с ног.

Связав лошадей цепочкой длинными поводками, дядя Ваня направился к перекаату. Однако переход оказался трудным. Лошади часто спотыкались о валуны и едва шли. Одна из них, упав на передние ноги, сильно подмочила выюки. Остальные побоялись переезжать на лошадях и решили перейти вброд.

Я им махнул рукой, чтобы подождали, и снова шагнул в реку, чтобы перенести их на спине, ибо ледяная вода может залить ноги в низких сапогах. Первой я перенес Марию Яковлевну и, повернувшись, чтобы идти за следующим, увидел, что Николай уже бредет по середине реки, с огромным трудом удерживаясь на ногах. Я поспешил к нему навстречу, но не успел: его сбilo, и он бултыхался в воде, опираясь на шест. Едва-едва успел подхватить его у конца переката. Дзевановского перенес более или менее благополучно. О продолжении похода не могло быть и речи. Нужно было срочно обсушиться, особенно Николаю, которого била дрожь.

Посоветовавшись, сделали остановку у опушки леса. При поисках сушняка мы наткнулись на слабо заметную тропу. Пройдя немного по ней, убедились, что тропа проложена не зверем, а людьми. Обрадовались: значит, тропа может привести к жилью. Быстро собрав охапки сушняка, разожгли костер, обсушились и согрелись. И тут, ко всеобщему удивлению, увидели двух приближающихся к нам эвенов. Это были первые люди, встреченные нами за все время путешествия. Смуглые плоские лица их лоснились, сильно выдающиеся скулы окрашивал легкий румянец. Наконец, протянув руки для познания, они поприветствовали нас, сказав по-русски: «Дорово». Мы пригласили их выпить с нами чаю. Эвены присели возле костра, скрестив ноги, закурили самодельные трубки с прямыми удлинненными мундштуками, выпили по несколько кружек чая. Насколько позволил запас русских слов, они объяснили нам, что по этой тропе мы выйдем к реке и вдоль нее спустимся вниз до поселка. Там есть торная тропа. Идти два дня. Вскоре попрощавшись, эвены так же бесшумно скрылись в лесу...

Облака затянули почти все небо, солнце слабо просвечивало сквозь их пелену. Тропа шла вдоль опушки и была хорошо заметна. Спустя некоторое время она углубилась в лес, где стайка свиристелей перелетала в верхушках лиственниц. Чувствуя приближение зимы, они перебрались ближе к побережью, где до сильных морозов могли кормиться ягодами рябины.

Незадолго до ночевки услышали характерное пересвистывание рябчиков. Осторожно подойдя к выводку, я успел подстрелить трех. Наконец-то у нас был ужин из дичи! Пили чай с лепешками, приготовленными одним из якутских способов. Куски круто замешанного пресного теста в форме утолщенного веретена нанизывают по одному на очищенные от коры тонкие прутья и слегка прижимают к ним, чтобы не скользили. Путья втыкают в землю вокруг костра и периодически поворачивают для равномерного пропекания и подрумянивания лепешек. По вкусу они напоминают бублики.

От холода проснулись рано. Утро /было не приветливое. Солнце еле просматривалось белесым пятном. Вода в ямках покрылась льдом. Трава и низкие кустарники побелели от инея. Пили чай, поживаясь от пронизывающего насквозь холодного ветра. Спешно собрались и направились по торной тропе, стараясь согреться во время движения. Ветер становился все резче. Навстречу неслись колючие снежинки, больно секущие лицо, глаза. Приходилось заслоняться рукой, идти, наклонив голову.

— Вот и зима пришла, а мы еще в пути, — высказал Николай то, о чем, вероятно, подумал каждый из нас.

Но вот появились первые пни вдоль опушки леса — признак близкого жилья. Чуть дальше встретились выкошенные участки полей с расставленными кое-где оградками из жердей для копешек сена. Да и тропа стала шире, от нее все чаще ответвлялись в разных

направлениях маленькие тропки.

— Совсем как на околицах сибирских сел, — обрадованно сказал дядя Ваня. — Знакомые приметы. Вот-вот будет жилье.

Свернув по тропе к реке, мы увидели на берегу вешала для вяления рыбы, а затем и сам поселок, внезапно открывшийся за зарослями тальника.

Поселок, состоящий из полутора-двух десятков беспорядочно разбросанных домов, был безлюден. Даже ни одна собака не залаяла. Лишь когда мы остановились перед самым заметным домом, предполагая, что здесь находится сельсовет, из соседнего дома вышла пожилая эвенка. Вынув изо рта погасшую трубку, она заговорила по-русски с характерным для северных народностей 148

мягким произношением. Оказалось, что перед нами школа, поссовет дальше, но председатель куда-то ушел.

Мы было пошли его искать, однако председатель сам шел нам навстречу. Мы поздоровались, представились друг другу! Председатель, камчадал, приветливо здороваясь, всем поочередно протянул руку.

— Однако, последний катер приходил и ушел вчера, — выслушав меня, сказал председатель. — Теперь до весны не придет. Располагайтесь в школе, отдыхайте. Там вам будет удобно, просторно.

Делать было нечего — надо было располагаться, а на какой срок — неизвестно. В школе мы облюбовали учительскую комнату. В ней были стол, стулья, деревянный диван, шкаф с учебными пособиями и в углу плита.

Я тут же с председателем отправился на «морскую окраину» поселка, чтобы раздобыть на ужин свежей рыбы и по возможности картофеля. Здесь, на скудной северной земле, его тогда выращивали лишь очень немногие жители из русских поселенцев. А мы уже тосковали по любимой картошке.

За селом открывался вид на широкий галечный берег, на взлохмаченную от набегавших волн лагуну. Все — берег, море, небо — сливалось в сплошную серую мглу. Нигде ни человека, ни лодки, ни привычных для морского пейзажа чаек. Единственным признаком пребывания здесь человека было развешенное между двух старых столбов вылинявшее цветное белье, которое остервенело трепал ветер.

Председатель раздобыл в одной из крайних изб немного картофеля, и мы возвратились в школу.

— А почему до сих пор нет занятий? — поинтересовался я.

— Все школьники вместе с родителями на путине. Большинство жителей поселка ушли ловить мальму на Армань. Остались только старики и малые ребяташки.

Ребята постарше должны уметь добывать рыбу, делать запасы на зиму, варить, солить — таков здесь закон.

На ужин была отварная рассыпчатая картошка, которая показалась особенно вкусной с розовыми ломтиками кеты. За чаем, попыхивая трубкой, набитой крепким табаком, председатель посоветовал нам продвигаться в бухту Нагаева по долине рейки, впадающей в Армань слева, недалеко от ее устья. /Затем через перевал перейти в долину речки Оксы и снова через перевал спуститься в долину реки Магадан, которую позже ласково назвали Магаданкой.

— Будете хорошо смотреть, увидите конный след, слабую тропу, — пояснил председатель. — По нему и идите. Смотрите хорошо на перевале. Один след идет к ближней речке, впадающей в Магаданку, другой дальше.

Ближняя речка позднее была названа Каменушкой.

Я вынул бумагу, карандаш и попросил председателя нарисовать схему. Он долго не решался, но наконец кое-как нарисовал.

В комнате было тепло. В неярком пламени свечей лица казались особенно потемневшими, осунувшимися, глаза глубоко запавшими. Да, нелегко нам дался этот поход. И все же это была хорошая подготовка для предстоящей экспедиции.

Возвратившиеся рабочие сообщили о новой беде. Вернулись они лишь с тремя понурыми лошадьми, две лошади были найдены мертвыми. Они лежали посреди луга, где паслись ночью. И опять, как и на Хасыне, никаких повреждений не было обнаружено. Казалось, нас преследовал злой рок.

— Не иначе как отравлены чертовым зельем, больше не с чего, — мрачно подытожил наши сомнения дядя Ваня.

Как выяснилось позднее, лошади действительно отравились ядовитым хвощом. Зеленые его куртинки попадались в пойме, и неопытные животные набрасывались на свежую зелень. Примечательно, что местные якутские лошади всегда обходят заросли хвоща, не соблазняясь их аппетитным видом.

Оба рабочих «стало опустились на пол, не проронив ни слова. Да и что было говорить? Наконец Николай прервал молчание.

— Как же мы выберемся отсюда с грузом?

...Мы выбрались через два дня. Дзевановский добрался пешком в бухту Нагаева тропой, о которой так подробно рассказал нам председатель Арманского поссовета. Все расстояние он прошел за один день и в тот же вечер передал мою записку Горанскому, дополнив ее своим рассказом.

По прибытии в Нагаево я подробно доложил А. М. Пачколину о результатах поездки, а через день передал ему всю необходимую документацию.

Наши усилия полностью себя оправдали. Хотя результаты этих поисков и не были решающими в топливной проблеме, но сыграли немаловажную роль для той поры. В 1931 году Союззолото организовало разведку этого месторождения и добычу угля. Не менее десяти лет Хасынское каменноугольное месторождение являлось едва ли не единственным источником топлива для электростанции и котельных в Нагаево и Магадане.

Глава IV. По зимнему пути на Колыму

Среди «белого безмолвия»

Ноябрь — вторая половина декабря. Теперь вряд ли получим новые известия до установления зимнего пути. За исключением Ямской и стационарной Среднеканской, все остальные партии должны уже собраться в устьевой части Оротукана. Участники Ямской партии не смогли прибыть на Оротуканскую базу, потому что ее руководитель А. Н. Морозов, вернувшись из Ямска, категорически отказался поехать на Оротукан и уволился. Партия распалась.

В бухте закончилась инвентаризация имущества и его упаковка. Я решил ехать не общим путем, по которому поедут рабочие с грузом, свернув со Среднеканского зимника в верховье Оротукана, а по сплавным рекам Малтану, Бохапче и Колыме сразу к устью Оротукана. Мне хотелось посмотреть эти реки зимой и определить, где можно разместить базу для экспедиции в случае, если в следующем сезоне нами будут обнаружены золотые месторождения на притоках Бохапчи.

Зимник от бухты Нагаева до верховьев Олы будет прокладывать с нами Макар Медов;. Он же поведет первый транспорт со Среднеканского зимника в долину Оротукана до его устья. Весь остальной транспорт пойдет по проложенному следу. Я проинформировал об этом А. М. Пачколина и получил его полное одобрение.

Приближались дни нашего отъезда. Мы ждали их с нетерпением, присущим молодости оптимизмом, веря в свою удачу, надеясь на новые открытия.

Наступила черед ненастных хмурых дней с туманами, порывистыми ветрами, с нудными затяжными дождями. Листья и хвоя пестрым, потемневшим от влаги ковром плотно устилали землю под оголенными деревьями и кустарниками. Пейзаж становился скучнее и однообразнее. Лишь склоны ближних гор отливали голубовато-зеленым оттенком

от полегшего на зиму стланика. Реки начали покрываться льдом. Тонкие каемки его — забереги — устойчиво сохранялись у берегов. Потом затянулись сплошь спокойные плесы. Перекаты и быстрины долго оставались открытыми. Вода, густая, потемневшая, бурлила, пенилась на них, мешая ледоставу.

Но вот дожди сменились снегопадами, пургами. Покрылись льдом реки, лишь кое-где не застыли полыньи. Однако лед все еще был тонким. И хотя вот-вот должны были начаться зимние перевозки, оленеводы не показывались, выжидая, когда окрепнет лед.

Работа была однообразной, и дни походили один на другой. Я переписывал нормы и расценки для шурфовки, чтобы снабдить ими несколько участков. Размножил уточненные инструкции, наставления для прохождения шурфов, их размеры, расстояния между ними. Основы этих инструкций были составлены нами в Первой экспедиции и нуждались в некоторых поправках после проверки на практике.

И вот наконец в один из таких дней второй декады декабря в палатке появился оленевод — эвен и сообщил, что сегодня поедем. Рабочие помогли быстро нагрузить нарты (в соответствии с договором по десять пудов на каждую), оставив порожние для двух каюров и нас троих — меня, Марии Яковлевны и Степана Степановича Дуракова.

Нам предстояло проложить первый зимний путь — около 500 километров — по снежной целине. На сотни верст этого пути отсутствовали какие-либо поселения, только на левом берегу Бохапчи, близ устья ее притока — Большого Мандычана, примерно в 300–350 километрах от бухты Нагаева, находилась одинокая якутская хижина. Это единственное на нашем пути жилье, где можно было устроить дневку.

Из бухты Нагаева мы выезжали в серый, почти безветренный день. Было относительно тепло — около минус тридцати градусов. Сыпал мелкий снежок, сквозь который лес и горы просматривались смутно, расплывчатыми контурами.

По заведенному коренными жителями порядку, первый день ехали немного, чтобы постепенно втянуть в езду оленей. Остановились засветло. Началось зимнее осваивание уже знакомого нам быта на ночевках. На остановке нужно было заготовить жерди для палатки, расчистить или плотно утоптать снег на месте ее установки, наломать много веток, обычно лиственницы, и застелить ими плотным слоем землю внутри палатки. Для костра необходимо отыскать сухостойное дерево и заготовить дрова на всю ночь. Чтобы быстрее растопить железную печку, используют стружки. Заготавливают их из довольно толстой сухой палки, которую застругивают острым ножом, но так, что стружка не снимается совсем, а, закрученная, остается на конце лучины. Хорошо просушенные стружки вспыхивают от одной спички, поджигая верхнюю часть] лучины, от которой быстро схватываются огнем остальные дрова. За такими растопками закрепилось название «петушки». От трех-четырех «петушков» дрова разгораются через несколько минут, стенки печки раскаляются докрасна, и воздух в палатке быстро согревается.

Пока я или Степан Дураков растапливаем печь, кто-нибудь, распаковав ящик с посудой, заполняет чайник с котелком кусками снега или льда. Кто-то уже вносит и складывает у задней стенки мешки с постелью, чтобы они несколько согрелись к ночи.

Каюры в это время выпрягают оленей и отводят к месту кормежки. Отыскивают они его, разгребая ногами снег, угадывая по приметам, где скорее всего должен быть ягель.

Но вот все уже кипит на печи, прогрелся воздух в палатке, мы тоже согрелись, сняли теплую одежду, шапки, шарфы и присели на постельные мешки в ожидании возвращения каюров.

Многочасовое пребывание на свежем морозном воздухе, сухое тепло и сытная пища начинают нас клонить ко сну. Первыми укладываются каюры, ближе к выходу и подальше от печи — они не привыкли к большому теплу. Вслед за ними устраиваемся в задней части палатки и мы.

Просыпаемся довольно рано, еще совсем темно. За ночь палатка выстывает так, что разница с температурой снаружи невелика.

Вскакиваю и спешно подбрасываю в печь дрова на сохранившиеся в золе горячие угли.

Сильная тяга помогает быстро вспыхнуть огню, и около печи становится теплее. Натягиваю одежду и ставлю чайник на печь... Поднялись жена и Степан Степанович. Каюры не торопятся, громко позевывая, они ждут чай. По заведенному у них порядку, они не пойдут искать оленей, пока не закусят и не напьются вволю чаю. На чаепитие, поиски и привод оленей уходит два часа, а то и три, если олени забрели далеко.

По мере приближения к Охотско-Колымскому водоразделу погода все заметней прояснялась. Но зато усиливались морозы, приближаясь к сорока пяти градусам, а за водоразделом достигли пятидесяти — пятидесяти пяти градусов. Низкое белесое солнце освещало горы и долины косыми холодными лучами. Застывший в неподвижности лес с прогнувшимися под тяжестью снежных шапок ветвями поистине зачаровывал причудливостью и красотой. Особенно красив он был в утреннем и вечернем освещении, когда лучи багрово-красного солнца ложились на снег розовыми, сиреневыми и лиловыми тенями, отчего вся долина реки казалась перламутровой. По утрам шумно выпархивали из снега стаи куропаток и неподвижно застывали на ветках тальника, чтобы в сумерки бесшумно упасть в снег и открыть в нем нишу для ночевки.

Вынужденное сидение на нарте при большом морозе невольно располагает к размышлениям. Приходят мысли об улучшении условий поездок, о необходимости утепления нарт хотя бы наподобие древних возков или кибиток. Думалось об удлиненной нарте с каркасом, обшитым оленьими шкурами, может быть даже с маленькой железной печкой в передке. А еще лучше, если бы это были самоходные сани.

С усилением морозов затруднялось дыхание, мерзло лицо, особенно щеки и нос. Приходилось натягивать на лицо шарф и дышать через него, а шапку опускать на брови. Оставалась только узкая щель для глаз. Ресницы и брови от выдыхаемого воздуха быстро покрывались инеем, шарф внутри сырел, а снаружи обледеневал, покрываясь жесткой коркой. Прикосновение отсыревшей шерсти к лицу было неприятным и даже болезненным, но приходилось терпеливо переносить это до приезда на ночевку.

Мороз, постепенно проникая под одежду, охлаждал тело, хотелось сжаться в комок, втянуть голову в плечи и сидеть, не шелухнувшись, дабы не растерять остатки тепла. Чтобы согреться, мы соскакивали с нарт и бежали полтора-два километра, а иногда и больше, пока не начинали задыхаться. Бежать сбоку нарты было просто невозможно: ноги проваливались в снег чуть не до колен. Приходилось отставать и бежать сзади по колее, образованной неглубоким следом оленя и полозом нарты. Но узость колеи тоже затрудняла бег.

С каждым днем пути мы приобретали опыт, меньше затрачивали времени на сооружение палаток, организацию быта на ночевках и утром при отъезде, а главное — научились дольше сохранять тепло своего тела в дороге. Постепенно мы увеличили время переходов и продвигались километров по пятьдесят — шестьдесят в день. Одним словом, у нас выработался стандартный режим. Дни мало чем отличались друг от друга, небольшое разнообразие в пути вносили лишь меняющиеся пейзажи. И все-таки утром, перед отъездом, нам приходилось внутренне собраться, подготовиться.

Вообще-то наша поездка некоторыми неудобствами быта, неизвестностью пути во многом была сродни условиям жизни кочевников и первопроходцев. А мы и были первопроходцами в этой стране с малочисленным населением, сохранившей первозданность природы, в краю, где пока еще «каждый шаг никем не мерен», где, чтобы не погибнуть, нельзя сплеховать. И мы испытывали удовлетворение от того, что преодолевали необычные для нас суровые условия Севера не хуже привыкших к ним с детства оленеводов.

Через неделю миновали устье Малтана и вскоре за малым поворотом Бохапчи долина реки заметно расширилась. Впереди в солнечном освещении засверкал небольшой массив, резко выделяющийся на фоне окружающих гор. Я догадался, что это Малый Анначик, который видели при сплаве Билибин, Раковский и их спутники, среди них был тогда и Степан? Степанович Дураков. Вспомнил я и рассказы Макара Медова о хижине Дмитрия Амосова перед порогом Два Медведя. Я подбежал к нарте Степана Степановича... Пристально всматриваясь в равнину, он подтвердил мою догадку. Мы различили слабую

светло-синюю струйку дыма, сливавшуюся с дальним лесом. Заметили ее и каюры, знавшие о хижине Амосова. Они начали поторапливать оленей, покрикивая на них и помахивая хореом. Чтобы не отстать, нам пришлось ускорить бег и вскочить на нарты. Не успели мы отдышаться, как транспорт, свернув влево, поднялся на террасу. На шум из хижины вышли Дмитрий с двенадцатилетним сыном Адамом. Молча, с растерянным и немного напряженным выражением лица, они поджидали, пока мы подойдем вплотную. Присмотревшись пристально к каждому.

Дмитрий вдруг узнал Степана Степановича, лицо его засияло улыбкой, он протянул ему руку, затем всем нам и, сильно заикаясь от волнения и помогая жестами, стал приглашать нас в дом, где познакомил с женой Анной и маленькой дочкой.

Дмитрий Амосов обосновался здесь лет десять назад, перебравшись из поселка Ола. Это место привлекало его обилием рыбы в Бохапче и Большом Мандычане, богатством дичи в их окрестностях, лугами, пригодными для выпаса коров. Немало в округе водилось белки, горноста, выдры, лисицы, много было зайцев и птицы. Непуганые стаи куропаток и довольно часто встречающиеся в окрестностях глухари были существенным подспорьем в питании.

Местные жители, экономя патроны, промышляют куропаток при помощи ямок в снегу. В местах, где бывают куропатки, что легко установить по обилию их следов в снегу, продавливаются ямки глубиной около двадцати пяти сантиметров, по размеру куропатки.

Края ямок поливаются водой, пока не станут ледяными, гладкими и скользкими. Около каждой ямки и на ее дно насыпаются ягоды брусники. Склеывая ягоду, куропатки приближаются к ямкам. Увидев на дне лакомство и стремясь дотянуться до него клювом, они соскальзывают в ямку, а выбраться из нее уже не могут. Тут они и становятся добычей охотника.

Хозяином чувствовал себя Дмитрий в тайге. Только избегал он встречи с медведем. Панический страх перед медведем сохранился у него с молодости, после встречи с одним из них на сенокосе в окрестностях Олы. Дмитрий пришел помочь отцу скопнить подсохшую траву. На поляне никого из сенокосчиков в это время не оказалось: они ушли к речке отдохнуть и перекусить. Дмитрий в ожидании косарей присел у дерева. Задумавшись или задремав, он не заметил, как к нему приблизился крупный медведь и начал фырчать. Дмитрий в страхе вскочил и спрятался за ствол дерева. Медведь подошел к нему с другой стороны. И так они молча кружились вокруг толстого дерева, не решаясь — Дмитрий уйти, медведь — напасть. Зверь, словно играя, забавлялся. У Дмитрия же пропал голос, и он не мог кричать. Но ему повезло: вскоре вернулись на поляну косари и отпугнули медведя выстрелом и криками. Вот с тех пор на всю жизнь и остался Дмитрий заикой. Понимать его можно было только в спокойной обстановке. Стоило ему понервничать, и заикание резко усиливалось, переходило в длинное, растянутое «ти-ти...».

В хижине ярко горел камелек, распространяя лучистое тепло. Со свойственным местным жителям гостеприимством хозяйка торопливо повесила над огнем чайник, расставила на столе посуду. Дмитрий внес замороженных хариусов и кружок застывшего молока. Мы тоже достали свои припасы, с удовольствием сняли верхнюю одежду и уселись вокруг стола.

Просторная и довольно чистая комната с узкими нарами вдоль стен, тепло от очага, радушие хозяев создавали приятный домашний уют, по которому мы так соскучились за несколько дней путешествия.

После вкусной еды и крепкого чая каюры расспросили Дмитрия о местах выпаса оленей и, одевшись, ушли. Степан Степанович с Дмитрием увлеклись воспоминаниями о необычной встрече осенью 1928 года. Моя жена пыталась поговорить с Анной и ее младшей девочкой, но разговор поддерживался больше жестами и отдельными якутскими и русскими словами. Я примостился у стола, чтобы записать свои дорожные наблюдения, а затем принялся читать прихваченную с собой книгу Джона Джоли, в которой совершенно по-новому трактовалось развитие земной коры.

В те годы на смену господствовавшей долгое время гипотезе Канта-Лапласа о сморщивании земной коры при остывании планеты начали выдвигаться новые гипотезы, формировались новые представления. Меня в то время все больше стали интересовать глобальные закономерности развития земной коры, связь магматизма с тектоническими процессами и металлогении — с магматическими. Знание закономерностей пространственного и глубинного размещения рудных месторождений, связанных с магмами разного состава, было очень важно для обоснования прогнозов на поиск и оценки их возможных запасов.

Пристальнее эти вопросы только-только начали изучаться геологами, и приходилось выискивать хоть какие-нибудь ответы на них в новой литературе.

Вернувшись, каюры объявили, что завтра будем здесь дневать: надо дать оленям как следует отдохнуть, подкормиться, так как хорошего корма потом долго не будет. Признаюсь, никто из нас не возражал, передышка была необходима.

Короткий декабрьский день заканчивался. Потемнели пластины льдин, заменяющие стекла в окнах. Но в хижине было достаточно светло. В первобытном камине-камельке потрескивали ярко пылающие дрова. Приятно было предаваться безмятежному отдыху, зная, что не нужно на морозе ломать ветки и устилать ими палатку, следить за печью, оттаивать пищу.

Привыкшие ложиться рано, хозяева стали готовиться ко сну. Их примеру скоро последовали и все мои спутники.

Увлечшись смелыми обобщениями Джоли, я продолжал чтение, пока не утомились глаза от слабого освещения. Спать не хотелось. Стараясь не шуметь, я, не одеваясь, вышел из хижины и сразу почувствовал жесткую хватку мороза. В небесной вышине ярко сияли звезды. В их мерцающем свете слабо выделялся над лесом заснеженный силуэт, массива Анначик. Теплый от дыхания воздух с шумным шуршанием вырывался, изо рта — значит, ниже минус пятидесяти. Тишина прерывалась лишь редкими тресками и взрывами льда в наледных вздутиях. Продрогнув, я поспешил к благодатному теплу хижины.

Утром, хорошо выспавшиеся, в бодром настроении после завтрака, мы с Дмитрием Амосовым и Степаном Дураковым пошли на лыжах осмотреть ближайшие окрестности. Пройдя по террасе, вышли в долину Большого Мандычана и продвинулись вверх по ней километров на пять. Осмотрели не прикрытые снегом обнажения в крутом обрыве его левого берега, снова вышли в долину Бохапчи, чтобы посмотреть и там в обрывистой стенке террасы ту же толщу глинистых сланцев, и, захватив с собой несколько обломков, вернулись в хижину.

У Дмитрия мы выяснили, что водораздел Большого Мандычана граничит с притоком Колымы, впадающим в нее немного выше порогов. На левом берегу Колымы, почти против горы Обо, живут три семьи якутов. У них есть лошади и немного оленей. Там имеются травянистые участки, пригодные для выпаса лошадей, а в горах — ягель для оленей. Эти сведения мне были нужны на случай организации в более широком масштабе геологопоисковых работ. Нижнюю часть террасы Бохапчи, смыкающуюся с Мандычанской, я отметил как потенциальное место для базы будущей экспедиции.

После обеда мы снова вышли вдвоем со Степаном Степановичем вверх по долине Бохапчи на рекогносцировку. Возвращались уже в надвигающихся сумерках. Над лесом поднимался бледный, словно вымороженный, диск луны. Озябшие, обиндевшие, вошли мы в гостеприимную хижину, где провели еще ночь и соевем скромно встретили новый 1931 год.

Мы снова все вместе

И вновь целина заснеженной долины и бесконечная монотонная песня полозьев вперемежку с характерным треском и щелканьем оленьих копыт, из-под которых мимо нас и в нас летят снежная пыль и комки снега. Заснеженный лес, как на бесконечной киноленте,

неторопливо убегает назад. Ни вспугнутого зверя, ни птицы. Белое безмолвие. Опять зябнут до ломоты руки и ноги. Соскакиваем с нарт, растираем снегом пальцы и, задыхаясь, бежим за нартами. Так продвигались мы в этом промороженном безлюдном крае еще несколько дней.

Последняя остановка на Бохапче. Каюры беспокойно переговаривались, опасаясь, что олени уйдут далеко из-за недостатка ягеля. Несколько раз мы выходили из палатки, прислушивались к звону колокольчиков, висевших на шее некоторых оленей. И с каждым разом звон становился все глуше. Мороз к ночи стал крепчать. Светлый дым поднимался из трубы прямым столбиком.

Утром долго не возвращались каюры, а пригнав оленей, торопили нас сворачивать палатку, грузить нарты, отказавшись от обычного повторного чая — отрезок пути до следующей кормежки был несколько больше. К тому же по каким-то неведомым признакам эвены определили, что надвигается непогода, хотя небо на всем видимом пространстве оставалось по-прежнему чистым.

Как всегда, ловко и сноровисто каюры окружили оленье стадо тонким ремнем — маутом, подвесив его на деревьях на уровне груди оленя. Подобно волкам, лисам и некоторым другим диким животным при охоте на них с флажками, одомашненные олени тоже остаются внутри психологического барьера. Только страх перед каюрами, набрасывающими на них аркан, толкает иногда одного из оленей прорваться за шнур-маут. В этом случае все стадо в панике устремляется вслед за беглецом. Собрать и окружить оленей снова стоит большого труда. Но такие случаи относительно редки. Каюры, стоя у маута, точно набрасывали аркан поочередно на рога нужного оленя, выводили его за круг и впрягали. Олени шарахались, жались друг к другу, стараясь втиснуться внутрь стада, но оставались в кругу.

Вскоре после того, как миновали устье Бохапчи, сразу открылась широкая долина Колымы. Горы отошли в сторону, и сквозь редкие лиственницы на обрывистом берегу их белые вершины проглядывали отдаленной грядой. Незаснеженные крутые стены террасы резко очерчивали широкую пойму реки. С севера надвигалась серая плотная стена туч. Подул слабый встречный ветер. К полудню туманный полог затянул небо. День стал почти сумеречным, окрашенным в мутно-серый цвет. Посыпался мелкий редкий снежок. Постепенно сгущаясь, он заслонил сначала отдаленные горы, а затем за его метельной пеленой скрылись и берега. Казалось, что мы затерялись в снежном потоке и движемся куда-то наугад. Мороз становился мягче. Отвернув голову от ветра и сжавшись, мы под легкое шуршание полозьев понемножку подремывали. Олени утомились, бежали тихо, словно нехотя. Слышалось их учащенное дыхание да сухое поскрипывание копыт. Все остальные звуки исчезли. По рыхлому снегу нарты скользили бесшумно. Струилась поземка, засыпая снегом ложбинки, наметая заструги. Метель не унималась, то усиливаясь, то несколько смягчаясь. Полозья увязали глубже, затруднялось движение. На этот раз мы ехали очень долго, и день показался длинным-длинным. Наконец, когда олени свернули к берегу, мы решили устроиться на ночлег. Наспех проделав все приготовления, мы, вконец разморенные, повалились спать. Это был последний день пути, последняя ночевка, и, как оказалось, недалеко от Оротуканской базы.

За ночь пурга прекратилась. Медленно опускались мелкие редкие снежинки, да и те скоро иссякли. Выехали мы поздно и, проехав немного, неожиданно свернули к малозаметному с берега реки устью правого притока. Каюры сумели как-то различить занесенный лыжный след, который и привел нас на базу. Проехав вверх полтора-два километра, мы остановились среди нескольких разбросанных домиков экспедиции. Местом для нее С. В. Новиков избрал небольшую пойменную террасу на правом берегу Оротукана.

...Так, 6 января 1931 года закончилась наша поездка. Все, кто присутствовал на базе, сбежались и окружили нас. Встреча была искренне радостной, какой она бывает после долгой разлуки с дорогими, родными или очень близкими друзьями. Горанский с Новиковым провели меня и Марию Яковлевну в приготовленный домик. Он был еще не вполне

достроен, но дверь была навешена, а в проемах окон прикреплена бязь. Затопили железную печь, воздух быстро нагрелся, и можно было снять надоевшую за дорогу верхнюю одежду. Немного погодя Горанский принес еду и горячий чай.

Согревшись у раскаленной печи и узнав от Горанского все хозяйственные новости и нужды, я поспешил выслушать геологов о результатах их исследований и посмотреть материалы. По приглашению Горанского они быстро собрались в нашем домике.

Первым рассказывал Новиков. Он старался говорить степенно, сдерживая порывистость. Лишь иногда срывающийся на скороговорку голос, недоговоренные до конца отдельные фразы да нервное порывистое движение рук выдавали его взволнованность и невольное желание похвалиться. И было чем.

Его исследования оказались успешными. Все мои предположения, прогнозы оправдались с лихвой. Сергей Владимирович вместе с прорабом партии Станкевичем установили золотоносность средней части долины реки Оротукана и некоторых его притоков. Три из них они успели опробовать довольно детально. Пробы содержали крупное — величиною с фасоль — золото. Эти речки являлись первоочередными для разведки россыпей шурфами.

— Чтобы успеть до заморозков возможно больше уделить времени поискам, мы несколько задержали строительство базы, — извиняющимся голосом заключил свой доклад Сергей Владимирович.

— Это лучше, чем если бы вы сократили поиски за счет строительства базы, — ободрил я его. — Сейчас будут подъезжать рабочие из бухты. Большую часть мы отправим на шурфовку, благо вы нашли объект. Умеющих плотничать задержим здесь на некоторое время до окончания стройки.

Затем рассказал о своих результатах Д. В. Вознесенский. Они вместе с прорабом Э. П. Бертиным тоже поработали успешно.

В устьевой части реки Дебин ими были получены пробы с мелкими золотинками, а в речках Бючаннах и Медвежьей (позже она была названа Три Медведя) пробы оказались богаче. Наиболее детально они успели исследовать речку Бючаннах, где взяли пробы на всем протяжении. На определенном участке пробы содержали крупное и богатое золото. Таким образом, результаты их были не менее важными: они подтверждали правильность предположения о продолжении золотоносности на запад — на левобережье Колымы и выявили конкретную реку для разведки — Бючаннах.

Прибыв на базу и увидев задержку с ее строительством, Дмитрий Владимирович и Эрнест Петрович передали рабочих в распоряжение Новикова, а сами построили себе небольшой домик с отдельными комнатами для каждого, разделив их небольшим «вестибюлем», где и работали над отчетами.

Фаина Клементьевна с прорабом Колесовым добросовестно, тщательно провели опробование долины Малтана и нижней части долины Хеты и уверенно подтвердили отсутствие золотоносности там. Но и отрицательные результаты являлись частичным решением одной из задач экспедиции — выяснение южной границы золотоносности.

Фаина Клементьевна вкратце рассказала, что у Каузова результаты опробования ниже по долине Малта-на и низовьев речки Асана тоже отрицательные. При этом она заметила, что Каузов, возможно, недостаточно детально провел опробование, сорвался с места раньше из опасения застрять со сплавом до заморозков и не успеть сплыть к Среднекану, куда он должен был попасть для работы в рудной партии И. Н. Едовина. Сильное обмеление рек побудило его поспешить, и он присоединился к сплаву партий Новикова и Едовина.

Первоначальное знакомство с материалами геологов было закончено. Остаток вечера прошел непринужденно за чаепитием, в рассказах о трудном сплаве, некоторых случайностях и деталях во время исследований.

Вот теперь, подумалось мне, из нас сложилась дружная трудовая ячейка, связанная достаточно тесными узами. И мы способны в дальнейшем увереннее решать задачи общими усилиями. И на душе от этого стало спокойнее и светлее.

На следующий день, рассмотрев подробно карты опробования и сами пробы, мы с Новиковым и Вознесенским наметили на левом и правом притоках Ороту-кана и на речке Бючаннахе шурфовочные линии, определили число шурфов, количество рабочих. Начальниками разведочных участков на Оротукане назначили Станкевича и Дуракова, на Бючаннахе — Бертина. Они же, в свою очередь, подобрав рабочих, приступили к сборам: получению инструментов, палаток, прочего снаряжения и продовольствия, чтобы в ближайшие дни отправиться на свои участки и приступить к работе.

Так закончился первый год работы Второй Колымской геологопоисковой экспедиции. Предстоял более полноценный по продолжительности собственно геологоразведочных работ и решающий в отношении выполнения задач второй — 1931 год. Об этом следующие страницы памяти в новой книге воспоминаний.

Конец первой части.